

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

Пров. 1955

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

64

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

к. 13 (5)

ИИМК А.И. П.

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

64

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1956

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — член-корр. АН СССР *А. Д. Удальцов*
Зам. ответственного редактора — *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибилов, М. П. Грязнов, Л. А. Евтюхова,
А. Ф. Медведев (отв. секретарь), *Г. Б. Федоров*

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

С. С. СОРОКИН

О ДАТИРОВКЕ И ТОЛКОВАНИИ КЕНКОЛЬСКОГО
МОГИЛЬНИКА

Кенкольский могильник, расположенный в верховьях р. Таласа, известен в археологической и антропологической литературе как памятник хуннов.

Могильник был раскопан в 1938—1939 гг. и сразу же приобрел значение своеобразного эталона хуннской культуры на территории Средней Азии¹. Это произошло потому, что датировка могильника и его толкование, предложенные А. Н. Бернштамом, были полностью приняты и в течение долгого времени никем не оспаривались. Однако уже назрела необходимость пересмотра заключений, касающихся датировки и исторической интерпретации Кенкольского могильника, тесно между собой связанных. За 15 лет, прошедших со времени раскопок и издания Кенкола, накопился обширный материал, который ставит под серьезное сомнение не только то, что нижний рубеж датировки этого могильника можно отнести к I в. до н. э., но и то, что этот памятник оставлен хуннами.

Могильники, аналогичные Кенкольскому, известны только на территории Средней Азии и вне ее пределов пока не открыты². Они расположены в примерно одинаковых физико-географических условиях, в зоне предгорных и горных пастбищ, и во всех отношениях очень сходны друг с другом: это группы беспорядочно разбросанных курганных насыпей, связывающихся в конструктивном отношении с более древними местными надмогильными сооружениями³; вещи из могильников также обнаруживают сходство с более древними местными⁴.

¹ А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. Археолог. эксп. Гос. Эрмитажа, вып. II. Л., 1940, стр. 30, 31. Находки из Кенкольского могильника хранятся в Государственном Эрмитаже.

² Сарматские подбойные захоронения, во многом сходные с подбойными и катакомбными среднеазиатскими, все же значительно от них отличаются и, повидимому, принадлежат к иному (хотя, возможно, и родственному) культурно-историческому комплексу памятников. Погребальные памятники Восточного Туркестана до настоящего времени еще не исследованы.

³ Так, например, квадратные каменные выкладки Маашинского могильника в Алайской долине (III—IV вв. н. э.) аналогичны выкладкам могильников Дараут-кургана и Кызыл-кургана (I тысячелетие до н. э.); см. А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 191—199, рис. 76 и 78.

⁴ Вопрос о характере культуры катакомбных и подбойных захоронений Средней Азии подробно разбирается в нашей подготовленной к печати статье «Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры». В настоящей работе вся аргументация, а также ссылки на литературу и материал, даны сокращенно.

Керамика среднеазиатских подбойных и катакомбных захоронений представлена кувшинами с округлым корпусом, плоским дном и нешироким горлом с отогнутым наружу венчиком, флягами с плоским боком, кубками, имеющими ручки в виде фигур животных, простыми открытыми мисками, кувшинами с ручками и со сливом, плоскодонными горшками с бочкообразным корпусом, широким устьем и петлевидными ручками. Все это изделия бытового назначения, а не специально изготовленный погребальный инвентарь; они почти полностью сходны с посудой, которой пользовалось в повседневной жизни земледельческое население Средней Азии и которую оно изготовляло на месте, на основе образцов древней керамики тех же районов, правда, несколько более искусно, чем население предгорий.

Кувшины с округлым корпусом, помимо катакомбных погребений, в значительном количестве встречены на многих памятниках, оставленных коренным земледельческим населением Ферганской долины и Ташкентского оазиса и относящихся к концу I тысячелетия до н. э. и к первым векам нашей эры¹, а также и на более древних памятниках тех же районов²; кроме того, как и сходные с ними круглодонные кувшины из тянь-шаньских подбойных захоронений, они генетически связываются с кувшинами из усуньских погребений³. Кубки, имеющие ручки в виде фигур животных, встречающиеся в катакомбных погребениях ташкентского района⁴, также типичны для Средней Азии первых веков нашей эры. Они известны в Приаралье, под Ташкентом, в Фергане, Термезе и на Кафирнигане⁵. Почти таков же ареал распространения фляг с плоским боком. Помимо Средней Азии, они встречаются только в Северном Афганистане и в Северо-западной Индии. Вполне возможно, что генетически они восходят к древним местным изделиям IV—III вв. до н. э., образцы которых найдены в низовьях Аму-Дарьи⁶. Открытые миски также характерны для

¹ См., например, Б. А. Латынин. Работы в районе проектируемой электростанции на р. Нарыне (Фергана). Изв. ГАИМК, вып. 110, 1935, рис. 113, 114; отчеты Т. Г. Оболдуевой, В. Д. Жукова и Я. Г. Гулямова — Труды Института истории и археологии Академии наук Узб. ССР, т. IV, 1951, табл. I, 1—3, II, 6, X, 7, VI, 1—5, VII, 1, 3, 4 и IV, 1; В. Д. Жуков. Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала. Изв. Узб. филиала Академии наук СССР, т. 10, 1940, стр. 21—27; Г. В. Григорьев. Келесская степь в археологическом отношении. Изв. Академии наук Каз. ССР, сер. археолог., вып. 1, 1948, рис. 69, 71 и стр. 56; В. Ф. Гайдукевич. Могильник близ Ширин-сая в Узбекистане. СА, XVI, 1952, рис. 6, 1, рис. 8, 1, рис. 13, 2, 3, 5, 6, рис. 14, рис. 16, 1—3.

² Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда Археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. Труды Института истории и археологии Академии наук Узб. ССР, т. IV, 1951, стр. 24 и табл. IX, 7.

³ М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, 1938, № 3, стр. 162 и сл. (Буранинская группа, курганы № 2 и 3).

⁴ Архив ИИМК, дело Археологической комиссии об археологических раскопках Н. П. Остроумова в окрестностях Ташкента, № 34, 1886 г.; Г. В. Григорьев. Указ. соч., рис. 24—26.

⁵ См. Г. В. Григорьев. Указ. соч., рис. 58, 59, 110, 111; С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, табл. 77, 1; архив ИИМК, д. № 34, 1886 г., донесение № 1315; В. А. Шишкин. «Курган» и мечеть Чор-Сутун в развалинах старого Термеза. Труды Академии наук Узб. ССР, сер. истории и археологии, Термезская археологическая экспедиция, т. II, стр. 126, рис. 28; М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян). МИА, № 37, 1953, стр. 287.

⁶ См. Г. В. Григорьев. Указ. соч., рис. 87; Т. Г. Оболдуева. Указ. соч., стр. 12, 25; Я. Г. Гулямов. Отчет о работе третьего отряда Археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина, стр. 92; С. П. Толстов. Указ. соч., рис. 23, 44; его же. Работы Хорезмской экспедиции Академии наук СССР по раскопкам памятника IV—III вв. до н. э. — Кой-Крылган-кала. ВДИ, 1953, № 1, стр. 160—170; R. Ghirshman. Bégram. Recherches archéologiques et historiques sur les Kouchans. Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan, t. XII, Caire, 1946, табл. XIV, 1, XV, 3, рис. 314, 358; John Marshall. Taxila. Cambridge, 1951, vol. III. pl. 122, pottery, № 43—47.

Средней Азии с сакского или еще более раннего времени¹. И, наконец, плоскодонные горшки с бочонкообразным корпусом, как и все другие сосуды выше перечисленных форм, находят параллели в местном материале, например, в керамике Каунчи-тепе².

Это свидетельствует о том, что керамика катакомбных и подбойных захоронений представлена сосудами, формы которых типичны для Средней Азии в первых веках нашей эры, и которые генетически увязываются с древними местными. Это один из важных археологических аргументов в пользу того, что культура, представленная катакомбными и подбойными захоронениями, генетически связана с культурой древнего коренного населения Средней Азии, главным образом ее северной и восточной частей³.

Вопрос о местном характере предметов вооружения решается в более общем плане, чем для керамики, так как наконечники стрел, мечи, накладки на луки, кинжалы относятся к той категории предметов материальной культуры, формы которых легко заимствовались одним племенем от другого и сохраняли значительное единообразие на широкой территории. Однако все же можно констатировать генетическую связь крупных железных трехперых черешковых наконечников стрел, характерных для катакомбных и подбойных захоронений Средней Азии, с мелкими бронзовыми или железными наконечниками, часто встречающимися в усуньских могильниках⁴, и есть все основания считать эти крупные трехперые наконечники типичными именно для Средней Азии.

Железные кинжалы с прямым лезвием и скривленным обушком из подбойных захоронений Ферганской долины вне Средней Азии неизвестны⁵.

Хорошо устанавливается местный тип глиняных пряслиц, миниатюрных глиняных сосудиков и каменных заостренных стерженьков. Все эти изделия однотипны для катакомбных и подбойных захоронений и для памятников, оставленных коренным местным населением⁶.

Место происхождения различных мелких украшений — бус, колец, сережек и др. зачастую установить трудно, так как они чаще всего являлись предметами далекой торговли. К привозным вещам относятся также некоторые бронзовые зеркала и шелковые ткани⁷.

¹ Н. Heikel. *Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkestan*, Helsinki, 1918, Айри-там, курган № 3; А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. *Изв. Узб. филиала Академии наук СССР*, вып. 9, 1940, стр. 32; Т. Г. Оболдуева. *Указ. соч.*, табл. I, б, IX, 1; В. Д. Жуков. *Указ. соч.*, табл. II; Б. А. Латынин. *Указ. соч.*, рис. 110, 1—3, рис. 111, 1, рис. 113.

² Г. В. Григорьев. *Каунчи-тепа*. Ташкент, 1940, сравнительная таблица.

³ Следует отметить, что в Восточном Туркестане встречаются глиняные сосуды, по форме аналогичные среднеазиатским из памятников конца I тысячелетия до н. э. и первых веков нашей эры. См. А. Stein. *Ancient Khotan*. Oxford, 1907, vol. I, стр. 312, vol. II, табл. IX, а также коллекцию восточнотуркестанских древностей Государственного Эрмитажа (№ ГА-67, ГА-132, ГА-370, ГА-374, ГА-1536, ГА-1573).

⁴ См. Н. Heikel. *Указ. соч.*, табл. VI, курган № 13; Л. Я. Маловицкая. Тамдинский курганный могильник III—I веков до н. э. *Изв. Академии наук Каз. ССР, сер. археолог.*, вып. 2, 1949, стр. 120; М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. *Указ. соч.*, стр. 169, рис. 36.

⁵ Такие кинжалы найдены в 2 погребениях Боркорбазского могильника на р. Сох в Фергане. Раскопки Памиро-Ферганской экспедиции 1950 г. Материал хранится в Ферганском областном музее.

⁶ См. Т. Г. Оболдуева. *Указ. соч.*, табл. V; В. Д. Жуков. *Указ. соч.*, табл. VIII и IX; Н. Н. Ершов. О каменных палочках из могильников и их аналогиях у таджиков. Доклады Академии наук Тадж. ССР, вып. III, 1952, стр. 27—32; М. Э. Воронец. Отчет археологической экспедиции Музея истории Академии наук Узб. ССР о раскопках погребальных курганов первых веков нашей эры возле станции Вревская в 1947 г. *Труды Музея народов Узбекистана*, вып. 1, Ташкент, 1951, стр. 50, 61.

⁷ В могильнике у станции Вревская и в Пскентском могильнике под Ташкентом найдено по одному китайскому зеркалу ханьского времени (см. М. Э. Воронец. *Указ. соч.*, стр. 53; А. А. Потапов. Пскентский курганный могильник. Рукопись Управле-

Таким образом, в отношении вещей из среднеазиатских катакомбных и подбойных захоронений можно отметить, что предметы домашнего обихода — глиняная кухонная и хозяйственная посуда, пряслица, миниатюрные глиняные сосудики, каменные стерженьки и др. — в основной своей массе являются предметами культуры (в археологическом смысле этого слова), известной только на территории Средней Азии, и притом со времени, более раннего, чем эпоха, к которой относятся катакомбные и подбойные захоронения. В предметах вооружения также можно отметить черты, свойственные только среднеазиатским изделиям этого рода. Привозных изделий, по сравнению с предметами местного производства, мало, — главным образом мелкие украшения. Все это свидетельствует о том, что культура, представленная материалом из катакомбных и подбойных захоронений, является местной среднеазиатской, генетически связанной с культурой племен, населявших Среднюю Азию еще в I тысячелетии до н. э., а не навязанной ее населению каким-либо пришлым народом.

Судя по антропологическому материалу, носителями этой культуры были племена, происходящие от древнего коренного населения Средней Азии, Южного Казахстана и частично Восточного Туркестана¹. Большую часть погребенных в катакомбных и подбойных захоронениях составляют «чистые» европеоиды, «андроидные» в основе, т. е. прямые потомки древнего местного населения. Другая часть, тоже достаточно многочисленная, — это те же европеоиды, но со слабыми, давно приобретенными монголоидными примесями. Этот метисированный тип сложился, повидимому, в районах длительного контакта европеоидной и монголоидной рас, скорее всего в Восточном Туркестане². Его носители проникли в Среднюю Азию не ранее конца II в. до н. э. Отсутствие «чистых» монголоидов в среднеазиатских погребениях конца I тысячелетия до н. э. и первых веков нашей эры свидетельствует о том, что перемещения, определившие пути сложения антропологического типа населения Средней Азии, охватили тогда лишь племена, родственные в антропологическом отношении. Движение монголоидных племен еще не распространилось на территорию Средней Азии³.

ния по делам архитектуры при Совете Министров Узб. ССР, № 31, 1938). Из катакомб Янги-Юльского района происходит зеркало с боковой ручкой, возможно, западного происхождения (Г. В. Григорьев. Келесская степь..., рис. 124; И. В. Сидицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Уч. зап. Саратовского гос. университета, т. XVIII, вып. историч., 1947, стр. 55 и табл. III, 3). Маленькое литое орнаментированное зеркало из Боркорбазского могильника в Фергане также, повидимому, западного происхождения или сделано по западному образцу (см. коллекцию Ферганского областного музея, г. Фергана). Такого рода литые зеркала в первых веках нашей эры были широко распространены на Северном Кавказе (МАК, т. I, табл. XI, 2, XII, 21, XIII, 1; там же, т. VIII, табл. LVI, 5, 13, LXV, 17, XLVI, 1—5, XLIX, 10; W. A. Jenou. Verzierte Bronzespiegel aus nordkaukasischen Gräbern. Prähistorische Zeitschrift, Bd. XIX, H. 3—4, Berlin, 1928, табл. 37, 1, 6, рис. 1, 2). Известны они также в Центральной Европе. [W. Kubitscher. Grabfunde in Untersiebenbrunn (auf dem Marschfeld). Jahrbuch für Altertumskunde, Bd. V, H. 1—3, Wien, 1911, табл. V, 3, 11; Reinecke. Ueber einzige Beziehungen der Altertümer China's. Zeitschrift für Ethnologie, 1897, т. XXIX, стр. 146, рис. 8, 18].

¹ На основании анализа антропологического материала каких-либо прямых выводов относительно характера культуры делать нельзя, так как антропологические категории с категориями духовной и материальной культуры прямо не связаны и сами по себе не определяют их облика и характера, но исторически они обычно взаимно обусловлены и поэтому косвенным образом могут дать весьма существенный материал.

² A. Keith. Human skulls from ancient cemeteries in the Tarim Bassin. The Journal of Royal Anthropol. Inst., v. LIX, 1929; автор считает исследованные им черепа хуннскими.

³ В. В. Гинзбург и Л. В. Ошанин, принимая гипотезу А. Н. Бернштама о массовом проникновении хуннов в Среднюю Азию и все его археологические характеристики, относящиеся к катакомбным и подбойным захоронениям, считают, что погребенные в них являются гуннами. В расовом отношении эти «гунны», как сказано выше, представляют собой европеоидов, генетически связанных с древним коренным среднеазиатским населением. Они совершенно отличны от центральноазиатских хуннов и от гуннов

Поэтому культура, представленная катакомбными и подбойными захоронениями, исторически связывается с культурой прямых потомков коренного среднеазиатского, южноказахстанского и восточнотуркестанского населения.

Письменные источники косвенным образом подтверждают данные археологии и антропологии, так как содержат свидетельства о вторжении на территорию Средней Азии в конце I тысячелетия до н. э. юечжей и усуней, т. е. племен, родственных ее коренному населению. Свидетельств о переселении значительных масс хуннских племен в районы, где расположены катакомбные и подбойные захоронения, в письменных источниках пока обнаружить не удается¹.

Следовательно, и в археологическом, и в антропологическом, и в историческом смысле культура, представленная катакомбными и подбойными захоронениями, является местной, генетически восходящей к культуре корен-

---

Европы. См., например, В. В. Г и н з б у р г. Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алтая по антропологическим данным (I тысячелетие до н. э.—I тысячелетие н. э.). Среднеазиатский этнографический сборник, I, Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, нов. сер., т. XXI, 1954, стр. 365—374, 380, 381; Л. В. О ш а н и н и В. Я. З е з е н к о в а. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент, 1953, стр. 85, 86.

¹ А. Н. Бернштам считает, что в I в. до н. э. и в первых веках нашей эры имело место троекратное вторжение на территорию Средней Азии больших масс хуннских племен. Первое такое вторжение он связывает с походом Чжичжы (I в. до н. э.), второе — с разгромом хуннов сяньбийцами (конец I в. н. э.) и третье — с распространением власти хуннского Хоянь-князя на весь Западный край (А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник..., стр. 30, 31; е г о ж е. Очерк истории гуннов, Л., 1951, стр. 109—111). Отрывки из китайских хроник в переводах, не оспариваемых А. Н. Бернштамом, использованные для доказательства его предположений, не могут, однако, служить этой цели. Действительно, первое массовое проникновение хуннов в Среднюю Азию А. Н. Бернштам связывает с кангюйским походом Чжичжы. Но в летописи об этом походе сказано: «Чжичжы в походе потерял много людей, погибших от мороза; только 3000 человек пришли в Кангюй. Впоследствии наместник Гань Янь-шеу и его помощник Чень Тхай пришли в Кангюй с войском и казнили Чжичжы» (Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. М.—Л., 1950, I, стр. 93), что никак нельзя принять как свидетельство о массовом проникновении хуннов в Среднюю Азию, тем более, что состав войска Чжичжы был не чисто хуннским. Второе проникновение хуннов в Среднюю Азию А. Н. Бернштам связывает с событиями конца I в. н. э. и для доказательства своей точки зрения использует отрывок о походе войск Туньтунхэ: «Оставя обоз у гор Шойе, они (войска Туньтунхэ и китайские. — С. С.) разделились на две колонны из легкой конницы и пошли вперед двумя дорогами. Левая колонна, на севере минуя западное море, пришла на северную сторону урочища Хэюнь; правая колонна, следуя западной стороной реки Хуннухэ, обогнула Небесные горы [Тянь-Шань] и переправилась через реку Ганьвэй на юг. Здесь обе колонны соединились, и в ночи окружили северного Шаньюя» (Н. Я. Бичурин. Указ. соч., I, стр. 128). Комментируя этот отрывок, А. Н. Бернштам произвольно нарушает последовательность перечисления географических наименований. Он пишет: «В этом весьма интересном отрывке, бесспорно, выступает локализация северных гуннов в Семиречье, к северу от Тянь-Шаня, ибо западное крыло (ю) войска, идучи от Хуннухэ (очевидно, Орхон), обогнуло Небесные горы (Тянь-Шань), т. е. зашло с востока в Семиречье. По дороге они перешли р. Ганьвэй (Енисей)». (А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов, стр. 110), тогда как в летописи прямо сказано (и это не оспаривается А. Н. Бернштамом): «Правая колонна... обогнула Небесные горы и переправилась через реку Ганьвэй на юг». Обогнув современный Тянь-Шань, нельзя попасть к Енисею и переправиться через реку на юг. Небесные горы в данном случае не современный Тянь-Шань, и ставка северного Шаньюя не может быть локализована в Семиречье, но, скорее, в Монгольском Алтае. Свидетельство о походе Туньтунхэ не может, следовательно, служить доказательством мнения о массовом проникновении хуннов в Среднюю Азию в конце I в. н. э. Наконец, в третий раз, по А. Н. Бернштаму, хунны проникли в Среднюю Азию в начале II в. н. э., когда «Хоянь — князь северных хуннов, распространившись между Пху-лэй-хай и Цинь-хай, полновластно управляет Западным краем...» (Н. Я. Бичурин. Указ. соч., II, стр. 218). Однако это сообщение прямого отношения к истории Средней Азии не имеет, так как из контекста летописи ясно, что под Западным краем следует понимать не Среднюю Азию, а Восточный Туркестан (Н. Я. Бичурин. Указ. соч., II, стр. 218. и сл.).

ного населения Средней Азии, Южного Казахстана и части Восточного Туркестана. Поэтому Кенкольский могильник следует рассматривать как памятник одной из групп скотоводов, входившей в состав большой семьи родственных племен, издавна обитавших на этой обширной территории.

Так определяется место Кенкольского могильника среди археологических памятников Средней Азии.

Эпоха, к которой относится Кенкольский могильник, — это конец I тысячелетия до н. э. и первые века нашей эры. Ее вполне определяет общий облик археологических материалов, относящихся ко всей группе памятников, аналогичных Кенкольскому могильнику. Более же точная датировка может быть произведена на основании анализа исторически и археологически оправданных аналогий, имеющих прямое отношение к этому могильнику.

В последних веках до нашей эры в ближайших к Таласской долине районах у населения предгорий, которое хоронило своих умерших под курганами, была распространена почти исключительно круглодонная керамика. В Айритамском могильнике, расположенном не далее 15—20 км от Кенкольского¹, в курганах Тамдинского могильника у озера Бийли-куль, до которого от Кенкола не более 150 км², в курганах Буранинской группы, отстоящих от верховьев Таласа на 200—250 км³, и в других пунктах Чуйской долины⁴ почти все сосуды — кувшины, кружки, горшки, миски — имеют округлое дно (рис. 1—3—7). Только для Берккаринского могильника, часть курганов которого относится к I в. н. э., характерны не только круглодонные, но и плоскодонные сосуды. В сакское время население северных и северо-западных склонов Тянь-Шаня пользовалось также круглодонной посудой (рис. 1—1, 2). Таким образом, в районе Кенкола плоскодонная посуда хронологически сменяет круглодонную, и притом не ранее рубежа нашей эры или даже несколько позднее.

В Кенкольском могильнике вся глиняная посуда — плоскодонная (рис. 1—8—11). Значительную группу составляют кувшины с округлым корпусом, нешироким горлом и вертикальной ручкой⁵, которые А. Н. Бернштам правильно сравнивает с кувшинами из катакомбных погребений, раскопанных Г. В. Григорьевым под Ташкентом, но неправильно считает ранними, принимая датировку Г. В. Григорьева, исправленную в свое время А. И. Тереножкиным и С. П. Толстовым. Эти кувшины служат типичными образцами среднеазиатской посуды первых веков нашей эры. Некоторые из кенкольских кувшинов этой формы (из курганов № 5, 8 и 10) находят прямые аналогии в материале второго слоя Каунчи-тепе (II—IV вв. н. э.)⁶ и в синхронных этому слою соседних курганах⁷. Котлообразный сосуд, орнаментированный волнистой линией⁸, аналогичен сосуду из разрушенного погребения Ширин-сайского могильника, датирующегося II—IV вв. н. э.⁹ Фляга с плоским боком из кургана № 10 принадлежит к большой группе сосудов, бывших в ходу по всей Средней Азии в первых веках нашей эры. Кувшинчик с ручкой и высоким горлом

¹ Н. Heikel. Указ. соч., Айритам, курган № 3.

² Л. Я. Маловицкая. Указ. соч., стр. 119—121, а также стр. 70 и рис. 3, 7 и 8 на стр. 71.

³ М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 162—179.

⁴ МИА, № 14, 1950, стр. 91, 92, 98, 100, 103, 108, 109 и табл. XLII.

⁵ Государственный Эрмитаж, Отдел советского Востока, № СА-9245, СА-9247, СА-9251 и СА-9274.

⁶ А. И. Тереножкин. Рецензия на работу Г. В. Григорьева «Каунчи-тепе» в Изв. Узб. филиала Академии наук СССР, т. 8, 1940, стр. 86; С. П. Толстов. К вопросу о датировке культуры Каунчи. ВДИ, 1946, № 1, стр. 173—177; Г. В. Григорьев. Келесская степь... рис. 71.

⁷ Г. В. Григорьев. Келесская степь... рис. 29—31.

⁸ А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник, табл. XIII (нижний справа сосуд).

⁹ В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., рис. 16, 4 и стр. 350 и 354.

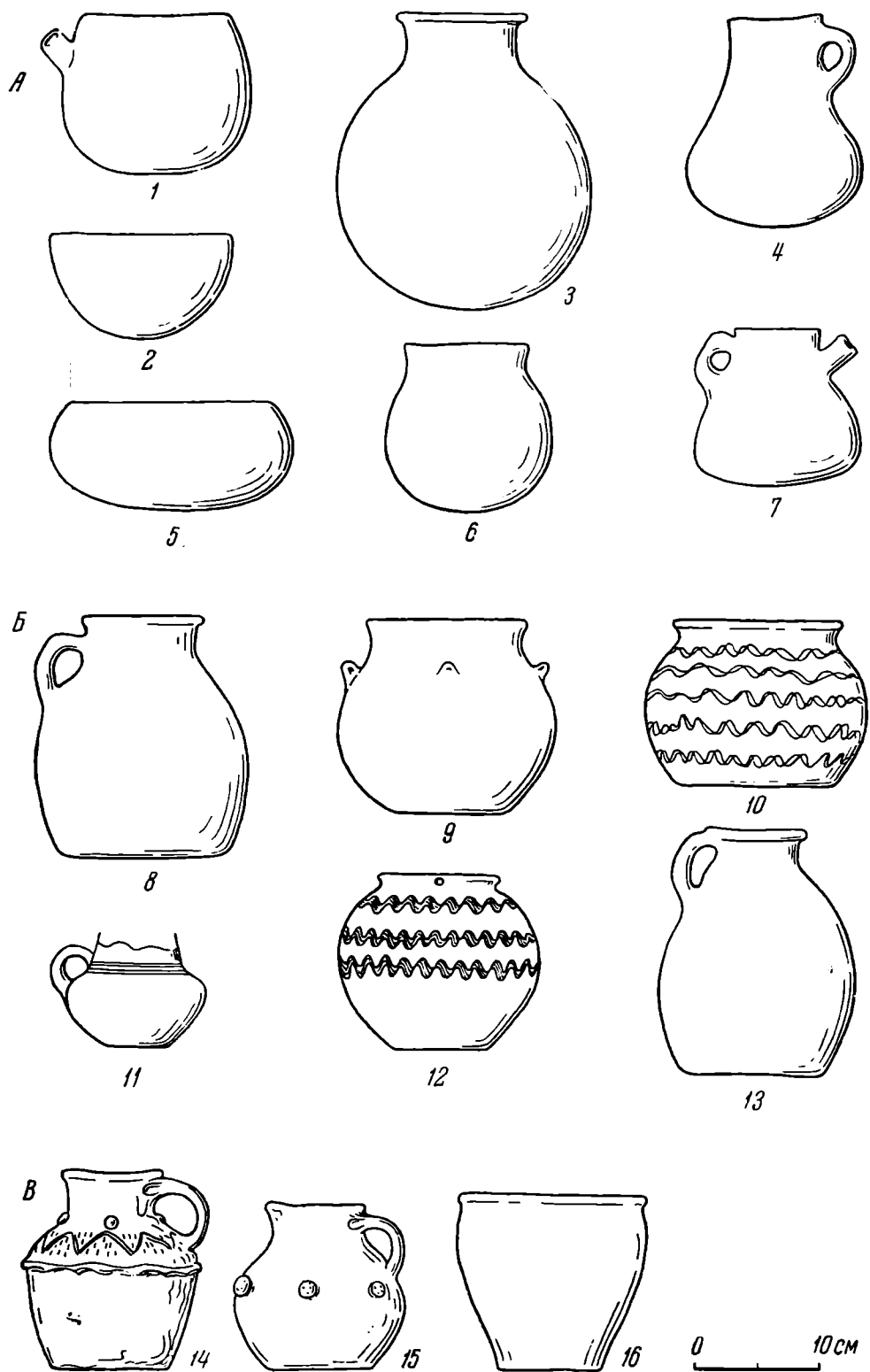

Рис. 1. Некоторые образцы керамики Таласской долины и прилегающих к ней районов.

А — керамика, предшествующая кенкольской: 1, 3—6 — Чуйская долина; 2 — Ташкент; 7 — Кара-тау (по А. Н. Бернштаму, А. И. Терезовкину и Л. Я. Маловицкой);
 Б — керамика из Кенкольского могильника и синхронная ей керамика ташкентского района и западной Ферганы: 8—11 — Кенкольский могильник (по А. Н. Бернштаму); 12 — Ширин-сай (по В. Ф. Гайдукевичу); 13 — Каунчи-тепе (по Г. В. Григорьеву);
 В — грубая лепная керамика тюркского времени: 14—16 — Чуйская долина (по А. Н. Бернштаму).

из кургана № 9, сделанный на гончарном круге и украшенный у основания горла горизонтальными бороздками¹, по аналогии с кувшином из погребения 1 Ширин-сая², датируется временем не ранее II в. н. э.

Таким образом, судя по материалам из близких к Таласской долине районов, керамика Кенкольского могильника, местная по своему облику и характеру, относится к группе, хронологически сменяющей в этих районах круглодонную, и внутри этой группы должна быть датирована временем не ранее II в. н. э.

С датировкой керамики вполне согласуется датировка некоторых предметов вооружения и обихода, которыми пользовалось население, оставившее Кенкольский могильник. Вооружение представлено железными и костяными наконечниками стрел и костяными накладками от сложных луков.

Железные наконечники стрел из Кенкольских катакомб, хранящиеся, как и вся кенкольская коллекция, в Государственном Эрмитаже, но не вошедшие в публикацию³, были нами тщательно изучены. Все они относятся к типу крупных (не менее 9—10 см длиной) трехперых черешковых наконечников. Их в Кенколе найдено более десяти: семь — с треугольной боевой частью⁴, один — с боевой частью лавролистной формы⁵ и черешки еще от нескольких таких же крупных наконечников. Некоторые черешки сохранились всаженными в древко⁶. Все эти наконечники относятся к сопровождающему инвентарю основных захоронений, но не были учтены и использованы при первоначальной датировке могильника, хотя в этом отношении они представляют исключительно важный материал.

В конце I тысячелетия до н. э. (III—I вв.) и несколько позднее (до II—III вв. н. э.) на территории северных и северо-западных предгорий Тянь-Шаня и прилегающих к ним степных районов были распространены мелкие (не более 3—4 см в длину) трехперые, черешковые наконечники стрел, чаще железные, реже бронзовые⁷. Аналогичные наконечники известны и в районах расселения сарматских племен, где они характерны для конца I тысячелетия до н. э., но встречаются также в памятниках, которые можно датировать временем до III в. н. э. включительно⁸. И. В. Сеницын считает, что в Нижнем Поволжье мелкие трехперые черешковые наконечники стрел получают широкое распространение в первых веках нашей эры⁹. В это же время в Нижнем Поволжье начинают появляться несколько более крупные

¹ А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник, табл. XIII (нижний слева сосуд).

² В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 334, рис. 3, 1 и стр. 354.

³ Мелкие втульчатые наконечники «скифского типа», которые, как сообщает А. Н. Бернштам, были найдены почти во всех могилах Кенкола (А. Н. Бернштам. Археологические работы в Семиречье. КСИИМК, IV, 1940, стр. 45) и которые, по его мнению, являются одним из важных аргументов в пользу ранней даты могильника, среди вещей коллекции нами не обнаружены и в инвентарных описях музея не значатся. Нет также ни одной фотографии с них, хотя сохранились все фотографии, сделанные со многих предметов коллекции вскоре после раскопок. Поэтому судить о характере этих наконечников можно только по нескольким фразам и одному мелкому схематическому рисунку в работе А. Н. Бернштама «Кенкольский могильник» (стр. 22 и табл. XXVIII).

⁴ Государственный Эрмитаж, инв. № СА-9278, СА-9282, СА-9331, СА-9332, СА-9333 (курган № 2) и СА-9252 (курган № 6).

⁵ Государственный Эрмитаж, инв. № СА-9334 (курган № 2).

⁶ Государственный Эрмитаж, инв. № СА-9335 (курган № 2), СА-9252 (курганы № 6 и 54).

⁷ Л. Я. Маловицкая. Указ. соч., стр. 120; М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 169, рис. 36; А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941, стр. 17.

⁸ И. В. Сеницын. Указ. соч., стр. 20; К. Ф. Смирнов. Сарматские погребения Южного Приуралья. КСИИМК, XXII, 1948, стр. 83; его же. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 113—125; Уч. зап. Саратовского гос. университета, т. IV, 1925, курганы № 1, 2, 16, 23, 27, 31, 32, 43, 47, 51.

⁹ И. В. Сеницын. Указ. соч., стр. 20.

(до 8 см) трехперые черешковые наконечники стрел со свисающими вниз жальцами, такими же, как и у мелких¹. Наиболее близкими аналогиями для наконечников этого типа следует признать наконечники из Самарканда и из Нисы, где они датируются III—I вв. до н. э.², и из курганов, раскопанных под Ашхабадом и относящихся ко времени не ранее первых веков нашей эры³. В районе расположения Кенкольского могильника наконечники со свисающими жальцами не получили распространения. Для этих районов в первых веках нашей эры становятся характерными крупные железные трехперые наконечники с боевой частью треугольной формы, т. е. без оттянутых вниз жалец. Они известны в Фергане и под Ташкентом⁴. Наиболее поздним их вариантом следует признать трехперые наконечники столь же крупные и с такими же длинными черешками, но имеющие боевую часть лавролистной формы, которые получают распространение в IV—V вв. н. э.⁵ Начиная с VI в. н. э., в районах северо-западных склонов Тянь-Шаня появляются плоские наконечники стрел, которые обычно находят в погребениях с конем, характерных именно для этого времени, но не ранее⁶. Трехперые черешковые наконечники с треугольной боевой частью продолжают, однако, встречаться в этих погребениях вместе с плоскими ромбическими⁷.

Таким образом, для района расположения Кенкольского могильника устанавливается, насколько об этом можно судить на основании более чем скромного материала, следующая схема хронологической последовательности типов железных наконечников стрел (рис. 2):

III в. до н. э.—I в. н. э.—наиболее характерны мелкие трехперые черешковые наконечники; возможно появление более крупных, тоже черешковых;

II—III вв. н. э.—мелкие наконечники исчезают совершенно, наиболее характерными становятся крупные трехперые черешковые с треугольной боевой частью;

IV—V вв. н. э.—крупные трехперые черешковые наконечники с треугольной боевой частью продолжают бытовать; появляются аналогичные, но с боевой частью лавролистной формы;

с VI в. (не ранее) появляются плоские ромбические наконечники, но продолжают бытовать и трехперые.

В кенкольской коллекции мелких трехперых черешковых наконечников стрел нет совершенно, и большинство составляют крупные трехперые с треугольной боевой частью. Есть наконечник с боевой частью лавролистной формы. Такое количественное соотношение наконечников различных форм позволяет отнести весь набор к III—IV вв. н. э.

Использование для датировки костяных наконечников стрел затруднено, — их в Средней Азии найдено очень ограниченное количество, а за

¹ И. В. С и н и ц ы н. Сарматская культура Нижнего Поволжья. СА, VIII, 1946, стр. 92; его же. Археологические памятники в низовьях реки Иловли. Уч. зап. Саратовского гос. университета, т. XXXIX, вып. историч., 1954, стр. 218—253. Автор считает, что крупные трехперые черешковые наконечники стрел появляются в Нижнем Поволжье с IV в. н. э. (стр. 224).

² А. И. Т е р е н о ж к и н. Археологическая разведка на городище Афрасиаб в 1945 г. КСИМК, XVII, 1947, стр. 117, рис. 50; М. Е. М а с с о н. Новые археологические данные к изучению истории Парфии. Изв. Академии наук Туркм. ССР, т. 5, 1952, стр. 17, 18.

³ М. Е. М а с с о н. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана. ВДИ, 1953, № 1, стр. 159.

⁴ Раскопки Памиро-Ферганской экспедиции 1950 г. (материал хранится в Ферганском областном музее); Г. В. Г р и г о р ь е в. Келесская степь..., рис. 32, 126, а также Архив ИИМК, д. 628.

⁵ А. Н. Б е р н ш т а м. Находки у озера Боровое в Казахстане, Сб. МАЭ, т. XIII, 1951, стр. 223 (два левых наконечника).

⁶ МИА, № 14. 1950, стр. 87, 91.

⁷ Там же, стр. 92.

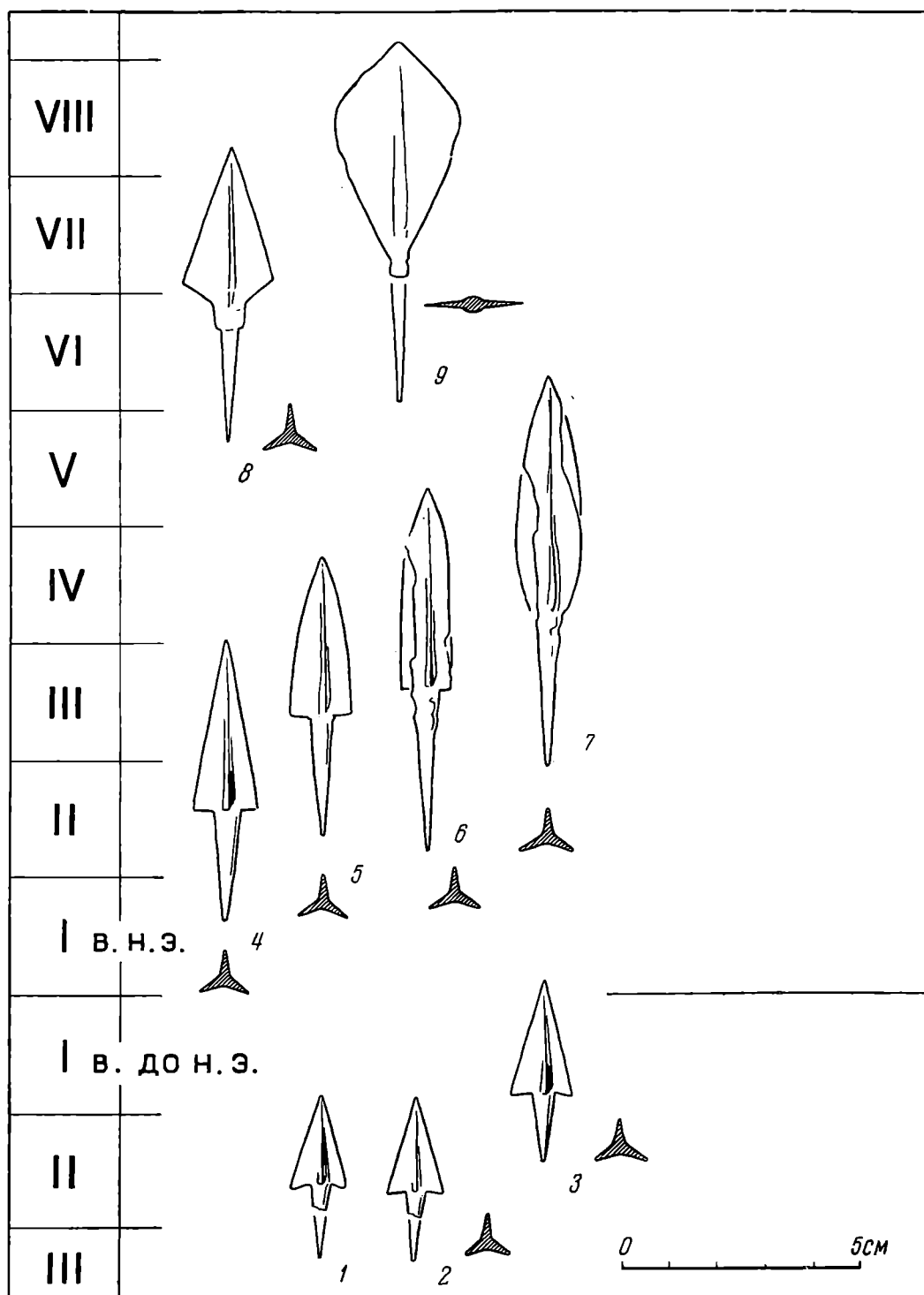

Рис. 2. Схема хронологической последовательности типов железных наконечников стрел для Таласской долины и географически близких к ней районов.

1, 2 — Кара-тау (Тамды, по А. Н. Берштану и Л. Я. Маловицкой); 3 — Талас (по Гейкелю); 4, 5 — Южная Фергана (Боркорбазский могильник); 6 — Северная Фергана (по М. Э. Воронцу); 7 — Казахстан (Боровое, по А. Н. Берштану); 8 — Ташкент (по А. И. Терепожкину); 9 — Чуйская долина (по А. Н. Берштану). (Наконечники стрел, аналогичные изображенным на рис. 2 — 4, 5, 6 и 7, найдены в катакомбах Кенкольского могильника).

пределами ее для интересующего нас времени известно несколько больше. Например, они часто встречаются в сарматских погребениях Нижнего Поволжья, а также в Забайкалье¹. Сарматские и забайкальские наконечники представляют собой два совершенно различных типа, отличающихся конструкцией черешков: сарматские — с плоско-заостренными черешками, которые всаживались в расщепленный конец древка; забайкальские — с раздвоенными черешками, крепящимися на плоско-заостренный конец древка. Кенкольские костяные наконечники по форме и системе крепления к древку

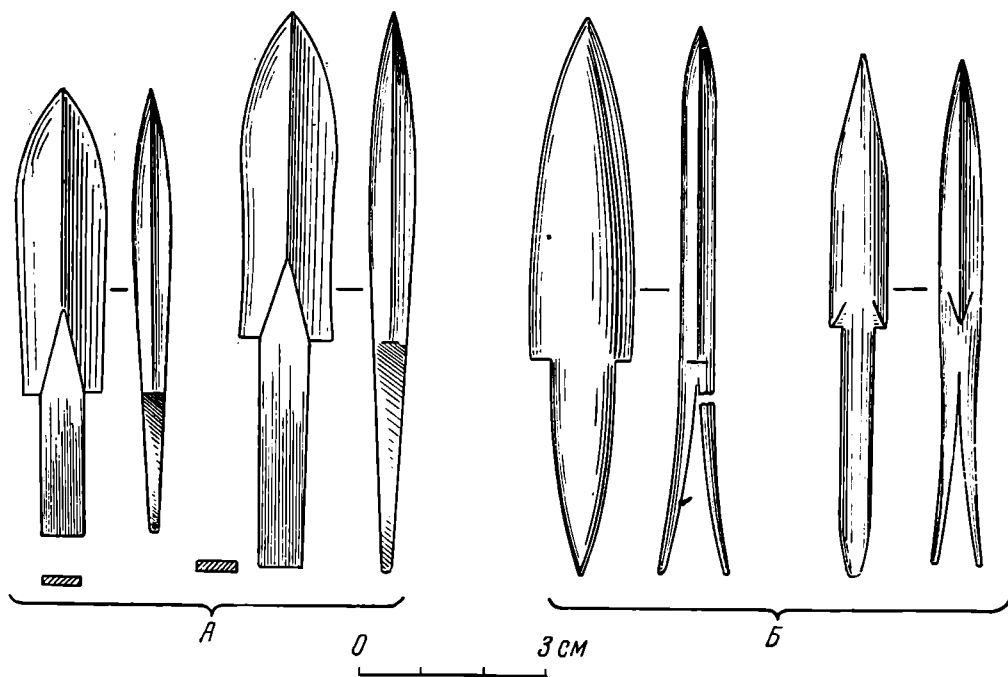

Рис. 3. Костяные наконечники стрел.

А — из Кенкольского могильника; Б — из Нижне-Иволгинского городища (по А. Н. Бернштаму и В. П. Шилову).

сходны с сарматскими (рис. 3). Однако ввиду того, что типология костяных наконечников стрел вообще не разработана, сарматские параллели кенкольским образцам не могут быть использованы для уточнения датировки могильника.

Важным датирующим материалом, ранее не использованным, являются железные пряжки из курганов № 2, 6 и 8. Это пряжки с овальной или круглой дужкой; на ней укреплены слегка изогнутый подвижной язычок и охватывающая дужку двойная обойма с отверстием, через которое язычок пропущен. Ширина обоймы несколько меньше диаметра просвета дужки. Ремень крепился к обойме заклепками, пропущенными через обе ее щеки. Пряжки аналогичной формы и системы найдены в ферганских и алайских подбойных погребениях III—IV вв. н. э.² Точно датировать изделия этого рода трудно, но, как представляется, подвижной язычок и крепление ремня охватывающими обоймами и заклепками совершенно не были известны в Средней Азии в I тысячелетии до н. э. и даже в начале нашей эры. Распространение пряжек типа найденных в Кенколе

¹ А. В. Давыдова и В. П. Шилов. Предварительный отчет о раскопках Нижне-Иволгинского городища в 1940 г. Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры, XIV, Улан-Удэ, 1952, стр. 111, 112.

² А. Н. Бернштам. Очерк истории гунов, стр. 115; его же. Из итогов археологических работ на Тянь-Шане и Памиро-Алае. КСИИМК, XXVIII, 1949, стр. 58 и рис. 7 — 3, 4.

относится, вероятнее всего, ко 2-й четверти I тысячелетия н. э., хотя появляются они в начале нашей эры¹.

Костяные накладки на лук (курганы № 8 и 10) не могут быть использованы для датировки, так как их типологическая хронология совершенно не разработана, а изделия такого рода бытовали в течение долгого времени и на очень большой территории. Костяные накладки от сложных луков, аналогичные кенкольским, известны в Забайкалье, в Приаралье, в Фергане, в районе Ташкента, в Нижнем Поволжье и в Центральной Европе. Наиболее ранними из них, повидимому, являются забайкальские; возможно, что родиной подобных костяных накладок было Забайкалье². Время их появления в Средней Азии не установлено.

Можно бы было остановиться на хронологической характеристике других многочисленных предметов из Кенкольских катакомб, но это не представляется в данном случае необходимым, так как они или привозные (шелковые ткани, бусы и др.), — и тогда, помимо даты производства, нужно располагать дополнительными данными о времени их проникновения на территорию Средней Азии, — или распространены на обширной территории и бытуют в течение продолжительного времени, превышающего тот отрезок в три века, который удается установить на основании другого датирующего материала³.

На основании всего, сказанного выше, Кенкольский могильник следует датировать II—IV вв. н. э. Это один из памятников тех племен, история которых в течение ряда столетий протекала на территории Южного Казахстана, Средней Азии и Восточного Туркестана. К истории хуннских племен он прямого отношения не имеет.

---

¹ М. Э. Воронец. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории Академии наук Узб. ССР на территории Ферганы в 1950—1951 годах. Труды Музея истории Узбекской ССР, вып. II, Ташкент, 1954, стр. 62, 63, 72 и 73.

² W e r n e r. Bogenfragmente aus Carnuntum. *Eurasia Septentrionalis Antiqua*, VII, 1932, стр. 50 и сл.

³ А. Н. Бернштам при датировке Кенкольского могильника слишком большое значение придает как раз вещам, которые следует признать привозными, датируемыми на территории Средней Азии не точно, и почти игнорирует достаточно точно датируемые предметы местного производства. Археологический материал он разбивает на две группы: раннюю, к которой относит ткани, черный лак, железные втульчатые наконечники стрел и «архаического» облика керамику, и более позднюю — украшения с инкрустацией и черешковые наконечники стрел. По его мнению, сочетание архаических элементов с более поздними «как бы уравнивает возможную амплитуду колебания датировки культуры Кенкольского могильника, приближая его к рубежу нашей эры». (А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник, стр. 29). Но прием «уравнивания» даты представляется нам неправильным, так как нижний рубеж датировки любого могильника определяется по наиболее поздним вещам, органически с ним связанным. Наличие в могильнике шелковых китайских тканей ханьского времени не противоречит нашей датировке. Исторические источники, привлекаемые А. Н. Бернштамом для датировки могильника, в таком аспекте, в каком они им использованы, т. е. в соответствии с его «гуинской точкой зрения», вообще не могут служить этой цели. События хуннской истории, как об этом было сказано выше, непосредственного отношения к Кенкольскому могильнику не имеют и не могут дать материал, прямо относящийся к его датировке.

Б. А. ЛАТЫНИН

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ИРРИГАЦИИ ДРЕВНЕЙ ФЕРГАНЫ

Мотыжное земледелие на суходолах, возникавшее из собирательства в ряде районов южной зоны еще в неолите и энеолите, по своей трудоемкости и вместе с тем низкой производительности не могло стать ведущей формой хозяйства. Сочетаясь с ранними формами пастушеского скотоводства и сохранявшими еще большое значение собирательством, охотой, а при благоприятных условиях и рыболовством, мотыжное земледелие не определяло само по себе резкого перелома в росте производительных сил первобытного общества. Толчок к дальнейшему и более ускоренному их развитию был дан лишь переходом к орошаемому земледелию, которое, даже в самых простейших, начальных его формах, резко увеличивая в условиях жаркого, сухого климата урожайность, значительно повышало производительность общественного труда.

Превратив впервые земледелие в основную и весьма продуктивную отрасль хозяйства, орошаемое земледелие создало устойчивую и достаточно широкую экономическую базу для того особенно интенсивного и ускоренного процесса развития общества, который еще в IV тысячелетии привел к образованию первых цивилизаций древнего Востока, с их классовым уже, рабовладельческим строем, городами-государствами и письменностью.

Возникнув несколько позднее и в менее благоприятных природных и исторических условиях, орошаемое земледелие в Средней Азии не привело к столь же значительным последствиям в экономическом и социальном развитии общества, однако именно оно в основном определяло и здесь дальнейшие пути и особенности этого развития. Поэтому проблема ирригации является ключевой и важнейшей темой в изучении истории земледельческих культур не только древнего Востока, но и Средней Азии. Без установления конкретных особенностей и последовательности изменения способов орошения в связи с изменениями в уровне развития производительных сил, характере производственных отношений и строе того общества, которое их создавало, эта история не может быть правильно понята и интерпретирована. Археологические материалы при изучении истории ирригации имеют особенно большое значение.

В связи с изучением проблемы возникновения орошаемого земледелия на древнем Востоке и в Средней Азии встает вопрос об исследовании культур, характеризующихся архаической расписной керамикой. Рассматривать эти две темы, вероятно, связанные между собой и требующие самого пристального и углубленного внимания археологов, следует параллельно.

Такое понимание основного направления археологических работ в Средней Азии и определило задачи Ферганской экспедиции ГАИМК и

Государственного Эрмитажа. Некоторые результаты исследований обобщаются в настоящей статье.

При широко развернувшихся уже в годы первых пятилеток проектировании и строительстве в области водного хозяйства в вопросах истории ирригации оказались заинтересованными также и некоторые гидротехнические организации. В содружестве с ними и с учетом их запросов, при постоянном содействии научных организаций Узбекистана, осуществлялись в 1930, 1933 и 1934 гг. наши археологические исследования в Ферганской долине.

Поскольку археологические источники при изучении истории орошения Ферганы в таком направлении почти не привлекались, пришлось начинать с уточнения конкретной тематики исследований и методики их проведения. Работа осложнялась еще тем, что ранние, обычно называвшиеся тогда одним общим термином «домусульманские», периоды истории Средней Азии были изучены весьма недостаточно.

В результате начатых экспедицией работ в таком мало еще известном в археологическом отношении районе, как Фергана, в котором со времени разведочной поездки туда в 1885 г. Н. И. Веселовского исследований почти не производилось, был получен не только довольно большой фактический материал, но на основе его наметились уже и некоторые обобщения и выводы.

В отчете о работах 1933 г., кроме описания обследованных археологических памятников восточной части Ферганской долины, был выделен и систематизирован ряд керамических комплексов, которые послужили материалом, определяющим археологическую культурную и относительно-хронологическую принадлежность этих памятников. Затем были намечены основные этапы археологической периодизации древней земледельческой Ферганы¹. Тогда же была сделана попытка обобщить отдельные наблюдения, относившиеся непосредственно к проблеме истории ирригации².

Основные положения этих предварительных, наметившихся на основе работ 1930 и 1933 гг., выводов и заключений получили известное распространение и были приняты как отправные в некоторых дальнейших исследованиях. Эти положения нашли подтверждение в работах экспедиции 1934 г., позволивших расширить и углубить археологическое изучение Ферганской долины. Они выдержали в основном и проверку практикой археологических исследований, проводившихся здесь в последующее время. Дополненная и уточненная новыми материалами археологическая периодизация может быть намечена теперь более уверенно и определенно и явится основой для дальнейшей работы по проблеме истории ирригации Ферганы.

Схематически археологическую периодизацию можно представить таблицей, в которой отражены три этапа развития земледельческих культур древней Ферганы. В соответствующих графах (см. таблицу) указаны предлагаемые определения общественного строя, датировки и условные шифровые обозначения с возможным подразделением первых двух этапов (Фергана I и II) на более ранние, средние и поздние периоды. Как примеры в таблице указаны некоторые археологические памятники, а также керамические комплексы, характеризующие принадлежность памятника к тому или иному этапу периодизации.

Последовательность этих этапов и относительная хронология периодизации обоснованы объективными данными стратиграфических наблюдений. Даты же абсолютной хронологии пока остаются еще лишь приблизительными.

¹ Изв. ГАИМК, вып. 110, стр. 142, 157.

² Б. А. Л а т ы н и н. К вопросу об истории ирригации. Сб. «Академия Наук СССР академику Н. Я. Марру». М.—Л., 1935, стр. 697—708.

Схема археологической периодизации земледельческих культур древней Ферганы

Общественный строй	Этапы периодизации (археологические культуры)	Намечаемое хронологическое подразделение этапов — периоды	Шифры	Даты	Некоторые характерные памятники	Характерные признаки ведущих типов керамики
Ранний феодализм	Фергана III	На основе археологических материалов пока не устанавливаются	ФIII	V—VIII вв. н. э.	Первое городище в Кызыл-яре, верхние постройки Кала-иболо, бескурганые могильники Исфары, 2-й домусульманский слой Мунчак-тепе у Беговата, верхние слои Кюль-тепе	Изготовление на ножном гончарном круге, тусклый, сургучно-красный (реже черный) ангоб, отсутствие орнамента. Неангобированные кувшины с мелким рифлением в верхних частях. Ручки — дужкой. Плоское дно, иногда с дисковым поддоном
Патриархально-рабовладельческий	Фергана II	Поздний	ФII/3	II—IV вв. н. э.	Верхний слой тепе у Кугая, 1-й домусульманский слой Мунчак-тепе	Изготовление на ручном круге. Блестящий, иногда лощенный, густой оранжево-красный (реже черный) прочный ангоб и прочерченный по нему своеобразный геометрический орнамент — системы треугольников и одиночных спиралей. Дно широкое, плоское, не совсем ровное. Намечается возможность типологического разделения по периодам
		Средний	ФII/2	I в. до н. э.—I в. н. э.	Курганный могильник Исфары, Бузульмас и малые тепе в его зоне(?)	
		Ранний	ФII/1	III—II вв. до н. э.	Памятники с красноангобированной ранней керамикой, подобной смешанным комплексам 8—9-го участков Большого Ферганского канала	
Первобытно-общинный	Фергана I	Поздний („бургулюкский“)	ФI/3	IV—III вв. до н. э.	Смешанные комплексы с лепной, не окрашенной керамикой 8—9-го участков Большого Ферганского канала	Архаическая лепная керамика, иногда на матерчатой болванке, круглодонная или с уплощенным дном, иногда и плоскодонная. Для более ранних периодов обычны лощение, красочная облицовка (для ФI/1 — темно-красная, густая, для ФI/2 — жидкая, лиловато-красная) и черная или буровато-красная геометрическая роспись
		Средний („эйлатанский“)	ФI/2	VII—IV вв. до н. э.	Нижний слой Эйлатана и нижний слой тепе у Кугая, могильник Актам	
		Ранний („чустский“)	ФI/1	II тысячелетие — VIII в. до н. э. (эпоха бронзы)	Чустское и Дальверзинское поселения	

Анализируя на основе наметившейся периодизации археологические материалы по древней Фергане, оказалось возможным проследить:

во-первых, известную закономерность и хронологическую последовательность в преимущественном распределении земледельческих поселений разных исторических эпох по различным физико-географическим зонам долины: ранних, относящихся к I этапу периодизации, — в заболочивавшихся низинах и по их окраинам, поселений II этапа — в засушливых предгорных степях и еще более поздних, III этапа, — в промежуточной между этими двумя зонами равнинной части;

во-вторых, обусловленную связь такого расположения памятников с изменением ареалов орошаемых земель и изменением способов ирригации;

в-третьих, известную хронологическую последовательность в изменении способов орошения и в хозяйственном освоении поливных земель, а также некоторую общественно-историческую закономерность изменения их ареала в ту или иную эпоху.

В прямой и устанавливаемой фактически связи этих явлений с возникновением и дальнейшим развитием ирригации, с одной стороны, и развитием общества, — с другой, становится возможным подойти к ним не как к отдельным, разобобщенным фактам, вне общих их связей и зависимости, но в процессе их исторического развития, и в какой-то доступной сейчас мере пытаться также вскрыть причинную их обусловленность.

Наметившиеся на такой основе ступени общей схемы истории ирригации Ферганы выражают не только рост техники орошения, но и главные этапы хозяйственного и общественного развития в целом.

Кратко изложить эту схему, как выражение некоторых обобщений и выводов, можно следующим образом:

I ступень. Возникновение небольших «оазисов» древнейшего лиманного и каирного орошения в заболоченных речных поймах, в низовьях затухавших на плоскости долины малых горных рек и перемежающихся потоков (саев). Для земледелия использовались участки, естественно орошавшиеся разливами таких потоков — только применяясь к их сезонности и границам, или как-то уже регулируя и направляя их. Возможно, что несколько позднее, для расширения зоны орошаемых земель такого «оазиса» узкой полосой вверх по течению потока, иногда возникала и небольшая сеть древнейших, собственно оросительных каналов (рис. 4 — 1; рис. 5 — 1, 3, 5)¹.

Базируясь на использовании для земледелия естественно орошавшихся участков, эта характерная для I этапа периодизации ступень развития ирригации соответствовала возможностям техники и организации общественного труда первобытно-общинного строя. Для материальной культуры памятников этого периода характерна ферганская архаическая крашеная керамика.

II ступень. Небольшие, но многочисленные оросительные системы с искусственным водосбором на склонах предгорий, направлявшие перемежающиеся речки и потоки для сезонного полива высоко расположенных степей. Применение искусственного орошения даже в таких относительно простых формах, не требовавших еще сложных земляных работ, уже значительно расширяло первоначальный ареал поливных земель, присоединив к заболочивавшимся низинам зону предгорных, засушливых степей; оно соответствовало дальнейшему росту производительных сил общества (на II этапе по периодизации) и стало возможным в условиях сложения патриархально-рабовладельческих отношений, которые в древней Фергане, однако,

---

¹ На рисунках условно показаны схемы расположения зон древнейшего естественно орошаемого земледелия и переходы к ранним системам искусственного орошения в условиях предгорного и равнинного ландшафтов Средней Азии.

не получили, видимо, своего специфического и значительного развития (рис. 4—2; рис. 5—2).

III ступень. Большие веерные оросительные системы и отдельные магистральные каналы, выводимые из полноводных рек, позволившие освоить для постоянного орошения новые обширные и плодородные зоны равнинных частей Ферганской долины. Возможно, что некоторые из этих систем, следуя руслам прежних естественных паводковых водостоков, в первоначальном своем виде начали возникать еще и в конце II этапа. Но развитие свое, охватывая всю периферию конусов выноса таких рек, как Сох, Исфара и т. п., они получили лишь на III этапе, продолжая существовать

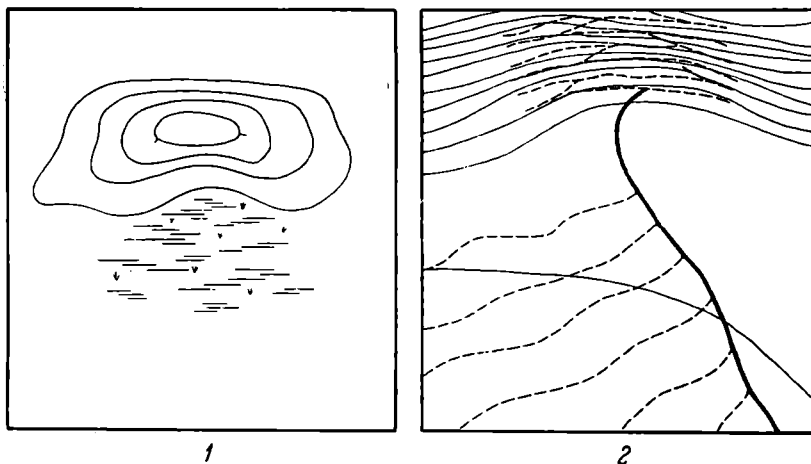

Рис. 4. Схемы расположения зон древнейшего орошаемого земледелия.

1 — естественно орошаемый участок у подошвы холма (предгорная полоса Южной Туркмении) — древнейший «лиманный прототип» развития ирригации (по Букиничу); 2 — водосборная сеть на склонах адыров, задерживавшая и направлявшая талые воды в канал для орошения высоко расположенной предгорной Кизыл-ярской степи. Схема на рис. 4—1 характерна для I ступени возникновения и развития ирригации, схема на рис. 4—2 для II ступени.

без особых изменений и в эпоху мусульманского средневековья. Возникновение этих систем было в прямой зависимости от дальнейшего роста техники, в частности, от появления в эту эпоху специализированных железных землекопных орудий (кетменя), от общего роста производительных сил и такого характера производственных отношений, который в эпоху раннего феодализма в древней Фергане позволял сосредоточивать на тяжелых и длительных ирригационных работах организованный и постоянный труд значительного количества людей (рис. 5—4, 6, 7).

Для установления времени, условий возникновения и истории дальнейшего развития веерных оросительных систем и больших магистральных каналов древней Ферганы исключительно важно археологическое изучение связанных с ними холмов-тепе, подобных Сар-кургану на Сохе, Шош-тепе на Шарихан- и Андижан-сае (Кара-Дарье) и Кала-и-боло в Исфаринской долине.

Располагаясь непосредственно над верхним распределительным узлом оросительной системы, там, где берут начало большой магистральный канал или десятки каналов, веерá, эти тепе являются остатками тех укрепленных «замков», которые охраняли в самом уязвимом месте и одновременно контролировали оросительную систему и весь охватываемый ею обширный район поливных земель. Тот, кто владел таким «замком», владел и водой и, следовательно, не только охранял этот район, но безраздельно господствовал над всем районом.

Такие «замки» были неразрывно и органически связаны с блокируемыми ими ирригационными системами. Последовательно отложившиеся

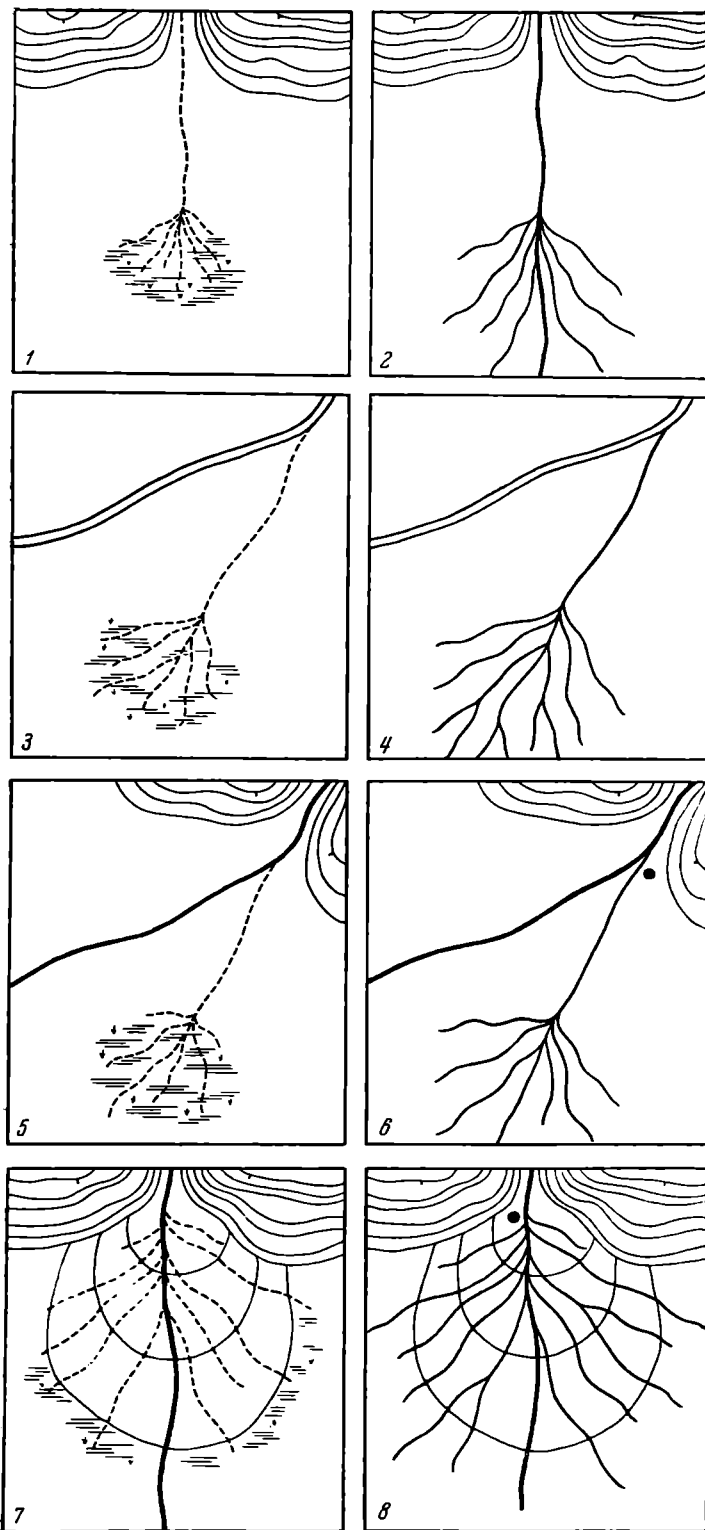

Рис. 5. Схемы расположения зон древнейшего орошаемого земледелия.

1 — лиманный разлив в низовьях затухающего при выходе на плоскость горного ручья или саевого потока; 2 — постепенное превращение лиманного разлива в небольшую древнейшую искусственную оросительную систему путем очистки русла и выведения боковых каналов; 3 — лиманный разлив в низовьях затухающего рукава дельты равнинной реки; 4 — превращение лиманного разлива в искусственную оросительную систему очисткой его русла и выведением сети боковых каналов; 5 — лиманный разлив паводкового сбросового потока горной реки при выходе на плоскость; 6 — последующее превращение лиманного разлива путем очистки и устройства головного заборного сооружения в магистральный канал с веерной оросительной сетью (черной точкой на схемах 6 и 8 обозначено укрепление, блокировавшее оросительную систему); 7 — дельта паводковых сбросовых потоков, расходящихся по косяку выноса при выходе горной реки в долину; 8 — превращение дельты в типичную для Ферганы большую веерную оросительную систему в результате очистки прогонов и выведения боковых каналов. (Схемы на рис. 5 — 1, 3 и 5 и, возможно, на рис. 5 — 7 характерны для I ступени возникновения и развития ирригации, схемы на рис. 5 — 2, 4 и 6 — для II ступени, схемы на рис. 5 — 4 и 6 в развитии их виде и на рис. 5 — 8 — для III ступени).

культурные напластования подобных холмов-тепе — это страницы истории оросительной системы и орошаемой области. Археологическое изучение этих тепе может дать ответы на ряд вопросов, связанных с переходом к более сложным и эффективным способам орошения и освоению новых земель долины древней Ферганы¹.

Совершенно особое значение изучение таких тепе может иметь также для выяснения вопроса о владении источником воды в условиях появления феодальной собственности на землю в районах поливного земледелия Средней Азии.

Более позднее возникновение в Фергане больших и сложных оросительных систем, чем в древнем Согде, Кафирнигане, Маргиане и Хорезме, где их сооружение исследователи склонны относить еще к середине и 1-й половине I тысячелетия до н. э., связывая возможность их появления с формированием в этих областях Средней Азии рабовладельческого строя, является особенностью истории ирригации Ферганы, закономерно связанной с ее природными и общественно-историческими условиями.

Известные аналогии намеченному в таких чертах процессу возникновения и развития орошаемого земледелия в древней Фергане прослеживаются и в некоторых других районах Средней Азии, например, в низовьях Аму-Дарьи, в Южной Туркмении и на Зеравшане.

Работами С. П. Толстова и Я. Г. Гулямова выяснено, что в древнем Хорезме поливное земледелие также возникло еще при первобытно-общинном строе как лиманное и каирное на естественно орошавшихся участках². В районах низовьев Аму-Дарьи, где огромный поток несет свои воды по плоской аллювиальной равнине, использовались разливы затухавших боковых протоков дельты. Однако по существу тип орошения там был не только аналогичным, но и почти тождественным типам древнейшего лиманного орошения в разливах низовий горных речек и перемежающихся саевых потоков, затухавших на плоскости Ферганской долины.

Хотя фактических наблюдений сделано еще не вполне достаточно, но можно проследить, что и в древней Фергане, и в Хорезме дальнейшее расширение первоначальной зоны естественно орошавшихся земель достигается благодаря переходу к искусственному орошению путем выведения все выше по течению потоков небольшой сети оросительных каналов.

Характерное для предгорий Ферганской долины последующее освоение для поливного земледелия высоко расположенных степных участков путем устройства небольших ирригационных систем, питаемых из саевых водных источников, в условиях низовий Аму-Дарьи не мог иметь места. Переход же к созданию больших магистральных каналов (в Фергане, возможно, и несколько позже, и в несколько иных общественных условиях, чем в Хорезме) совершался аналогичным путем. Превращение заилявшихся протоков дельты Аму-Дарьи, в результате постоянной очистки их, в оросительные каналы со все более сложными и усовершенствованными

¹ Значение тепе, расположенных под головными узлами оросительных систем, обратило на себя внимание еще при обследовании Ферганской экспедицией в 1930 г. Саркургана на Сохе. Обследование Шош-тепе на Кара-Дарье и развалин замка Кала-и-боло в Исфаринской долине подтвердило сделанные ранее наблюдения. В последующие годы связи тепе с оросительными системами были отмечены и в ряде других районов Средней Азии. См. Д. Д. Букин и ч. Каналы древнего Термеза. Труды Академии наук Узб. ССР, т. II, сер. 1, Ташкент, 1945, стр. 194; В. Ф. Гайдукевич. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 г. КСИИМК, XIV, 1947, стр. 108, 109; С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 122; Я. Г. Гулямов. Отчет о работе третьего отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала имени И. В. Сталина. Труды Института истории и археологии Академии наук Узб. ССР, т. IV, Ташкент, 1951, стр. 103; его же. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Автореферат докторской диссертации. Ташкент, 1949, стр. 16.

² Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 9 и сл.

головными сооружениями, изменение их профиля и протяжения, а потом и искусственное выведение магистральных каналов из Аму-Дарьи или ее рукавов, имели, конечно, свои особенности. Но все же последовательность смены приемов орошения и формы их почти повторяются и в древней Фергане, и в древнем Хорезме. В частности, использование и постепенное превращение в магистральные оросительные каналы боковых протоков дельты равнинных рек (Хорезм) и отходивших в сторону от основного тальвега или растекавшихся веером по конусу выноса сбросовых протоков при выходе на плоскость горных рек и саев (Фергана) — едва ли не было действительной, казавшейся загадочной причиной точности выбора направления их трассы. Точность эта обуславливалась, видимо, не пресловутым «нивелированием на палец ноги» и т. п., а следованием такого канала направлению русла первоначального естественного протока.

Одним из первых исследователей, правильно оценившим возможность широкого использования археологических материалов в изучении проблем истории орошения и применившим это на практике, был, как известно, Д. Д. Букинич¹. Инженер-ирригатор и энтузиаст краевед-археолог, он еще в начале 20-х годов пришел к весьма интересным выводам о возникновении и развитии поливного земледелия в Южной Туркмении. Выводы его были сделаны на основе многолетних этнографических наблюдений над пережиточно сохранявшимися еще кое-где у туркмен архаическими формами естественного лиманного орошения и на изучении особенностей расположения мест древних поселений анауской культуры в предгорной полосе Копет-дага и Сюрен-дага.

Судя по наблюдениям Д. Д. Букинича, в Южной Туркмении, где природные условия во многом схожи с ферганскими, способы ирригации, основанной на использовании сбегавших с гор на равнину небольших водных потоков, и процесс развития орошаемого земледелия аналогичны существовавшим в древней Фергане. Аналогии эти, пожалуй, более близкие, чем можно найти в хозяйстве Хорезма.

Как древнейший «лиманный прототип» поливного земледелия в Южной Туркмении, Д. Д. Букинич выделяет небольшие изолированные участки посевов у подошвы мергелистых холмов предгорий, естественно орошаемые периодическими разливами сбегавших с них талых и дождевых вод.

Такое лиманное поливное земледелие возникало затем и в разливах низовий затухавших на плоскости перемежающихся (силевых) потоков, ручьев и паводковых сбросов по окраинам дельт более значительных рек, где эти разливы несколько уже и регулировались обвалованием.

Следующим этапом было расширение зоны поливного земледелия вверх по течению перемежающихся горных потоков и речек. Для отвода воды на новые, более высокие участки использовались боковые паводковые протоки, растекавшиеся по слегка покатым склонам конусов выноса. Как и в Фергане, происходило постепенное превращение таких протоков в каналы небольших систем древнейшего искусственного орошения, которые и охватывали первоначально прилегающие участки только ниже вершины дельты силового потока или речки.

Из небольших предгорных районов естественного лиманного и древнейшего искусственного орошения поливное земледелие распространилось потом в долины среднего течения более значительных и полноводных рек, таких, как Мургаб и Теджен, где оно стало возможным лишь с выведением больших магистральных каналов, сооружение которых Д. Д. Букинич относит к значительно более позднему времени.

---

¹ Д. Д. Букинич. История первобытного орошаемого земледелия в Туркменской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства. Журнал «Хлопковое дело», 1924, № 3—4, стр. 108—113 и сл.

Обобщающих наблюдений над развитием ирригации на Зеравшане еще не сделано. Однако если расположить в хронологическом порядке и сопоставить отдельные, оставшиеся изолированными факты, касающиеся истории орошения, то удастся проследить еще более близкие аналогии, чем те, которые отмечались при изучении соответствующих материалов древнего Хорезма и Южной Туркмении.

Ранние формы естественного лиманного орошения прослежены Я. Г. Гулямовым в разливах затухающих протоков дельты Зеравшана. Как и в дельте Аму-Дарьи, эти формы относятся к культурам эпохи поздней бронзы, началу века железа, к заключительному периоду первобытно-общинного строя¹. Обнаруженные тем же исследователем в низовьях Зеравшана погребения, относящиеся к более раннему времени, могут служить указанием на возникновение в этой зоне древнейшего орошаемого земледелия, как это устанавливается и для Ферганы, и для Южной Туркмении, еще в предшествующую, более раннюю эпоху бронзы.

Изменение ареала поливных земель, в связи с переходом от ранних форм естественного лиманного орошения к созданию древнейших искусственных оросительных каналов, проходило в низовьях Зеравшана примерно так же, как и в низовьях Аму-Дарьи. В среднем же течении Зеравшана, в окаймленной горами долине, были созданы небольшие ирригационные системы, аналогичные появившимся в предгорных степях Ферганы на II ступени развития ее ирригации.

Отмечая большое распространение таких систем на Зеравшане, А. Ю. Якубовский в своей последней, напечатанной уже посмертно, работе по Пянджикенту, пришел к выводу, что более легкая, но менее производительная форма саевого орошения, как правило, предшествовала орошению посредством каналов, выводимых из больших рек². По его мнению, магистральные каналы системы, питающей Самаркандский оазис, выведены из Зеравшана у Варагсара «или в античности, но не позже II в. н. э. или — во 2-й половине VI в.—начале VII в.», т. е. в эпоху феодализма.

Этим А. Ю. Якубовский подтвердил наличие в хозяйстве древнего Согда тех же трех ступеней развития ирригации и в той же их последовательности и хронологической датировке, что и в Фергане. Причина подобного сходства лежала в очень близких природных и общественно-исторических условиях развития обоих районов.

Приведенные параллели и аналогии позволяют не только с большей уверенностью отнести к намеченному в таких чертах процессу возникновения и дальнейшего развития ирригации в Ферганской долине, но в какой-то мере рассматривать его как одно из конкретных выражений закономерностей, общих для Средней Азии, а, может быть, и всего древнего Востока в целом.

Изменение ареалов орошаемых земель, поражая любого наблюдателя, легло в основу столь же распространенных, сколько неверных представлений о каком-то катастрофическом сужении орошаемых зон в Средней Азии или в связи с климатическими изменениями, или в результате монгольского нашествия в XIII в. Однако ознакомление с археологическими памятниками древнейшей Ферганы показывает, что для ранних периодов решение этого вопроса следует искать в иной плоскости.

Можно с несомненностью установить, во-первых, что с изменениями ареалов орошаемых в различные эпохи земель общая площадь их не уменьшилась, а прогрессивно увеличивалась; во-вторых, что некоторые ранее орошавшиеся и густо заселенные земледельческие районы были оставлены и уже не орошались до новейшего времени не в XIII в., а значительно

¹ Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 12.

² А. Ю. Якубовский. Вопросы изучения пянджикентской живописи. Живопись древнего Пянджикента. М., 1954, стр. 14.

раньше — еще на II этапе или, местами, на III этапе намечаемой периодизации, т. е. по меньшей мере за 800 или 500 лет до монгольского нашествия.

Вместе с тем так же несомненно устанавливается, что в зонах веерного орошения, интенсивно развивавшегося на протяжении III этапа и всего последующего, уже мусульманского периода средневековья, вплоть до современности, следов сокращения сети каналов и зоны орошаемых земель ни в связи с арабским (в VIII в.), ни с монгольским (в XIII в.) завоеваниями Ферганы не прослеживается. Если события VIII и XIII вв. и сказывались как-то на оросительных системах, то, очевидно, лишь временно и не изменяя их коренным образом.

Если можно говорить о каком-то переломе в развитии ирригации древней Ферганы, то это будет не катастрофическое сокращение, а, наоборот, резкое увеличение поливных площадей на основе перехода к более совершенным способам орошения и роста оросительной сети. Перелом этот происходит на III этапе периодизации, в IV—VIII вв. н. э., когда со сменой рабовладельческого строя раннефеодальными отношениями создаются (или интенсивно развиваются) большие веерные оросительные системы и отдельные магистральные каналы и осваиваются новые обширные зоны, а многие из использовавшихся ранее, более высоко расположенных, менее удобных и хуже орошаемых земель забрасываются.

В порядке гипотезы можно высказать предположение о прямой связи резкого подъема в ирригационном хозяйстве в IV—VIII вв. с тем, что в предыдущем периоде рабовладельческий строй в тех его формах, в которых он существовал в древней Фергане, не получил здесь большого развития. Он не привел в ней к созданию крупных городов, концентрации в них значительного количества рабов. Не было на II этапе намечаемой периодизации и объединения в одно политическое целое обширных территорий.

Таким образом, условий, необходимых для осуществления работ над большими и сложными ирригационными сооружениями, до IV в. н. э. создано не было. Они появляются в древней Фергане позже, на III этапе, с переходом к феодальным отношениям, когда массовый подневольный труд общинников-земледельцев был направлен на выполнение крупных ирригационно-строительных мероприятий.

Феодальные формы организации общественного производства и производственных отношений в Фергане сохранялись в основном и позже, в эпоху мусульманского средневековья, когда без особых, видимо, изменений использовались те же земли и те же системы орошения, которые были созданы и освоены еще на III этапе, в эпоху, предшествующую арабскому завоеванию.

Изменения приемов и систем орошения и значительные изменения ареалов земель поливного земледелия происходили в Ферганской долине неоднократно. Действительные причины этого, однако, лежат не в переселениях племен и народов, не в войнах и нашествиях завоевателей и т. п., а гораздо глубже, и закономерно отражая прежде всего процесс внутреннего развития общества.

Опыт археологического изучения древней Ферганы, не ограниченного только формальным анализом памятников материальной культуры, но направленного на выявление действительно существовавших неразрывных связей этих памятников с историей ирригации позволяет проследить этапы ее развития. Оно шло от простейшего использования участков, которые обводнялись естественно, к созданию искусственного орошения все более сложными, но и более эффективными приемами, позволявшими увеличивать ареал поливных земель и доступными лишь на определенных этапах общего развития данного общества.

Расположение в Ферганской долине древних земледельческих поселений определялось возможностью орошения того или иного района. Эта возможность, однако, не была величиной постоянной и зависела не только от природных условий — рельефа местности, водных ресурсов, почвы и т. п., но и прежде всего от уровня развития производительных сил общества, от уровня техники, характера производственных отношений и строя.

Способы ирригации, ее размеры и возможности также не являлись ничем-то неизменным, ни случайным или зависящим только от природных условий. Люди целесообразно меняли эти условия; изменялись и совершенствовались и способы ирригации, но не как-то самостоятельно, оторванно от всего хода развития культуры, а в теснейшей связи с этим процессом.

Такое археологическое изучение не только позволяет судить о том, что на протяжении тысячелетий техника ирригации прогрессировала, а площади поливных земель расширялись, но вскрывает и зависимость этих изменений от состояния производительных сил, характера производственных отношений и структуры общества, создавшего и использовавшего тот или иной тип ирригационной системы. Становясь доступными и необходимыми или уже устаревшими и отжившими способы и приемы ирригации отвечали той или иной определенной ступени общества.

В постоянно нарушавшемся и вновь устанавливавшемся соответствии производительных сил и производственных отношений развитие ирригации и базировавшегося на ее основе поливного земледелия имело в условиях древней Ферганы ведущее значение.

Как особую тему, представляющую некоторый общий интерес для дальнейшего изучения истории ирригации, можно выделить вопрос о самой методике исследований.

Остатки древних оросительных каналов или отдельные упоминания о них в письменных источниках известны для различных районов Средней Азии давно. Однако вне связи с природными условиями местности, гидрологическими и геоморфологическими особенностями и рельефом, вне связи с определенной исторической эпохой, такие указания обычно оставались изолированными и не могли быть поняты и применены как достаточно полноценные источники для изучения истории орошения.

Этих примеров можно было бы привести много не только в исследованиях прежних лет, но и в очень недавних. Причина была не только в недооценке проблемы орошения. Основным затруднением в изучении истории ирригации скорее было отсутствие навыков и приемов или, говоря точнее, методики использования для решения многих проблем археологических материалов, широкое привлечение которых необходимо при историческом подходе к изучаемой теме.

Ферганская экспедиция, ставившая основной своей целью изучение проблем истории орошения, не ограничивалась поисками и обследованием древних ирригационных сооружений.

Особое значение придавалось установлению условий расположения, характера и времени существования древних земледельческих поселений, материалы которых позволяют проследить изменения ареалов поливных земель, выявить особенности способов орошения и, опираясь на полученные данные, поставить вопрос о причинах и общественно-исторической обусловленности их изменения.

Конечно, еще нельзя сказать, что методика изучения археологических памятников Средней Азии, направленная на выяснение вопросов истории поливного земледелия, сложившаяся в ходе наших исследований в Фергане, уже вполне совершенна и универсальна, что она всегда позволяет правильно поставить и решать все проблемы истории ирригации и т. п. Разумеется,

это лишь начало новой работы, — далеко не легкое, но оправдывающее себя и давшее уже некоторые положительные результаты.

Эта методика позволяет систематизировать и в какой-то мере исторически понять некоторые, хотя и сделавшиеся известными, но оставшиеся изолированными наблюдения по истории ирригации на Нижнем и Среднем Зеравшане, в древнем Согде и наметить основные ступени возникновения и последующего развития орошаемого земледелия в древней Фергане. Д. Д. Букинич, применяя такую же методику еще в 20-х годах сделал это для Южной Туркмении, а С. П. Толстов и Я. Г. Гулямов смогли установить историческую последовательность нескольких начальных ступеней ирригации в особых условиях дельты Аму-Дарьи, в древнем Хорезме.

М. П. ГРЯЗНОВ

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРАХ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В СИБИРИ

Долина р. Оби к югу от Новосибирска и до г. Камня представляет большой исторический интерес. Это район, пограничный между областями расселения лесных племен Западной Сибири и племен степной полосы Сибири и Казахстана. Граница эта в разные периоды истории древних племен неоднократно изменяла свои очертания. То область расселения племен со скотоводческо-земледельческой или скотоводческо-охотничьей культурой простиралась далеко на север, до Томска (I тысячелетие до н. э.) и до Томска, Тары и Сургута (II тысячелетие до н. э.), то культуры лесного типа распространялись на юг, до предгорий Алтая (I тысячелетие н. э.). Поэтому для решения вопросов сложной истории культуры западно-сибирских племен — последовательного развития общества в пределах отдельных конкретных этнических групп, передвижений этих групп на значительные расстояния, столкновений их и сложных взаимоотношений друг с другом, — район р. Оби к югу от Новосибирска приобретает весьма важное значение. Между тем здесь археологические памятники — единственный источник для освещения истории края — не только не изучены, но и неизвестны.

В 1925 г. была напечатана небольшая заметка, где сообщалось, что учитель Ордынской школы раскопал около с. Ордынского на Оби 2 кургана и нашел в них кости человека, «разные амулеты», медные наконечники копий и стрел и посуду¹. Кроме того, известно, что в Новосибирском музее хранится небольшая коллекция керамики и некоторых вещей XVI—XVII вв. с городища чатских татар близ г. Бердска. Это все, что есть в литературе и в собраниях наших музеев по археологии района работ Новосибирской экспедиции ИИМК, начавшей свои исследования в 1952 г.

Естественно, что в первый год своих работ экспедиция не имела конкретного плана раскопок. Предстояло начать археологическое обследование района работ, выявить сохранившиеся памятники древности, произвести разведочные и начать систематические раскопки некоторых наиболее ценных в историческом отношении памятников².

Разведки проведены вдоль левого берега р. Оби в 40—100 км выше г. Новосибирска на протяжении около 70 км. Здесь открыто 27 различных

¹ «Наука и техника», 1925, № 52.

² В экспедиции приняли участие научные сотрудники М. Н. Комарова, В. Н. Полторацкая, М. П. Нечаева, сотрудник Новосибирского музея Б. С. Семенов, преподаватель Барнаульского педагогического института А. П. Уманский, а также студенты Московского и Ленинградского университетов и Барнаульского педагогического института.

археологических памятников, расположенных главным образом по р. Ирмени, а также по рр. Шаралу и Орде (рис. 6). В некоторых из этих пунктов находились памятники двух и трех разных периодов. Зарегистрированы неолитическая стоянка и 10 поселений—2 относящихся к андроновской культуре, 3—к карасукскому времени, 2—к фоминскому этапу (VII—VIII вв.) и 3—точно не датированы. Открыто 2 грунтовых могильника: один—фоминского этапа, другой,—повидимому, большебереченского

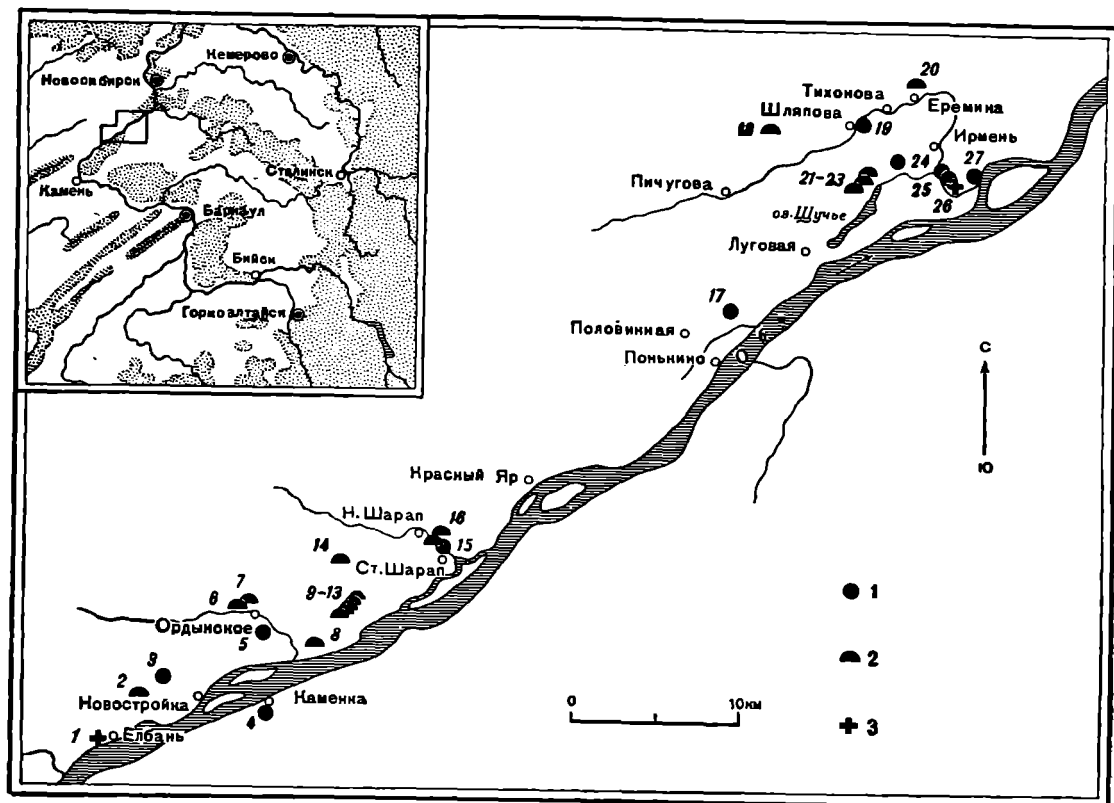

Рис. 6. Археологическая карта района работ Новосибирской экспедиции.

1 — поселения; 2 — курганы; 3 — могильники.

(VII—VI вв. до н. э.); 17 курганных групп, состоящих обычно из нескольких небольших плоских насыпей, во всех случаях со следами разграбления.

Раскопан один курган около дер. Старый Шарал (см. рис. 6—15). В ограбленной могиле обнаружены остатки погребения с типичными для сrostкинской культуры (IX—X вв. н. э.) вещами. Курган интересен тем, что в нем удалось установить устройство надмогильного сооружения. Это был бревенчатый сруб с кровлей, покрытой землей. Ко времени раскопок постройка превратилась в едва заметное земляное возвышение высотой около 15 см, диаметром около 6 м, с остатками основания сруба на поверхности погребенной почвы. Интересно отметить, что похороненный здесь мужчина был подвергнут в свое время хирургической операции—трепанации черепа, после которой прожил несколько лет¹.

Наиболее древним из исследованных экспедицией памятников является неолитическая стоянка Ирмень II (см. рис. 6—26). Расположенная на вершине высокого дюнного всхолмления, на берегу р. Ирмени (покрытого, вероятно, и в древности сосновым бором), она занимала небольшую площадь. Стоянка была недолговременной, с бедным культурным слоем. Раскопками вскрыто около 25 кв. м. Остатков жилых комплексов не обна-

¹ По заключению нейрохирурга проф. В. В. Гольдмана.

ружено. Под дерновым слоем, в дюнном песке встречены черепки глиняной посуды и собрана небольшая серия каменных орудий — мелкие скребки, наконечники стрел, шлифованное долотцо (рис. 7—1), осколок от шлифованного топора. Керамика представлена обломками небольших плоскодонных и остродонных горшков с текстильным, ложнотекстильным, мелкоямочным и мелкозубчатым орнаментом (рис. 7—2—9). Обломки большого горшка такого же типа (рис. 7—10) найдены при раскопках другого памятника, значительно более позднего времени, в полукилометре от стоянки, около землянки № 2 фоминского этапа на поселении Ирмень I.

Неолит лесостепной полосы Западной Сибири почти совершенно не исследован. Поэтому каждая новая находка очень интересна. Теперь можно уже ставить вопрос о своеобразии культуры неолитических племен лесостепной полосы Сибири. Керамика, близкая найденной на стоянке Ирмень II, известна в неолитических погребениях Томского могильника¹, выше по р. Оби на Чудацкой горе², на Екатерининской стоянке на р. Таре³ и по отдельным находкам в некоторых других пунктах. Очевидно, лесостепные районы среднего и верхнего течения р. Оби с ее притоками были областью распространения неолитических племен — носителей культуры, отличной от культуры других этнических групп этого времени. Таким образом, начинает выявляться еще одна новая область неолитических культур; детальная характеристика, освещение истории сложения и развития этих культур, будем надеяться, — дело недалекого будущего.

Ориентируясь на неолитические памятники восточно-европейского Севера и Северного Приуралья, открытые нами памятники лесостепной Оби следовало бы датировать самым поздним неолитом, II тысячелетием до н. э., что на юге Сибири соответствует эпохе бронзы, афанасьевскому и даже андроновскому времени. Вряд ли это возможно. Несомненно, это поздний неолит, но все же он не синхронен афанасьевским памятникам и тем более андроновским. Памятники андроновского времени теперь известны по Оби от Томска до Бийска и во всех случаях четко отличаются от выше описанных неолитических.

Основные работы экспедиции были направлены на исследование памятников эпохи бронзы. Около дер. Шляповой, на надпойменной террасе р. Ирмени, произведены раскопки поселения, относящегося к андроновской культуре (см. рис. 6—19). На площади в 130 кв. м вскрыт культурный слой, содержащий обломки костей домашних и в ничтожном количестве (2%) диких животных, черепки глиняной посуды, костяные, каменные, глиняные и бронзовые предметы, в том числе каменную булаву, бронзовый пластинчатый обоюдоострый нож или кинжал и др.

Глиняная посуда представлена главным образом банками, украшенными по всей или большей части поверхности орнаментом в виде горизонтальной и вертикальной елочки, крупных фестонов и других простейших узоров, оттиснутых толстой гладкой пластинкой, палочкой и крупнозубчатой гребенкой. В небольшом количестве встречены горшки характерной андроновской формы, с лощеной поверхностью, с нарядным геометрическим орнаментом, оттиснутым мелкозубчатой гребенкой. Вся эта керамика принадлежит к одному хронологическому типу, собственно андроновскому или, как его предлагает называть К. В. Сальников, федоровскому.

¹ М. Н. Комарова. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. МИА, № 24, 1952, рис. 5. Близ г. Томска подобная керамика мною собрана в 1924 и 1925 гг. на старом татарском кладбище, около городища в Басандайке и в Самуськином затоне.

² М. П. Грязнов. Древние культуры Алтая. Материалы по изучению Сибири, вып. 2. Новосибирск, 1930, рис. 11—14.

³ В. Н. Чернецов. Результаты археологической разведки в Омской области. КСИИМК, XVII, 1947, рис. 33; его же. Древняя история Нижнего Приобья, МИА, № 35, 1953, табл. X и XI.

В связи с этим андроновское поселение у дер. Шляповой особо интересно. Впервые в поселении андроновской культуры керамика представлена только одним хронологическим типом. Во всех других известных нам случаях керамика встречалась двух или трех хронологических типов. Создалось такое положение: могильники эпохи развитой бронзы в Южной Сибири и Казахстане, судя по керамическому материалу, точно распределяются по хронологическим группам, соответствующим трем последовательным этапам развития культуры: первый — собственно андроновский или федоровский, второй — алакульский и третий — замараевский на Западе и карасукский на Востоке. В культурном же слое поселений керамика встречалась двух или трех хронологических типов вместе. Это дает повод одним исследователям датировать поселения по наиболее позднему типу посуды, а ранний рассматривать как сосуществующий архаический, как пережиток предшествующих периодов. Другие исследователи пытаются по стратиграфическим и топографическим наблюдениям расчленить памятник на соответствующие керамическому материалу этапы культурного развития. Открытие однослойного андроновского поселения около дер. Шляповой, относящегося к федоровскому этапу, показывает, что более правилен второй путь решения вопросов датировки поселений эпохи бронзы. Очевидно, не только по материалам могильников, но и по материалам поселений можно проследить последовательную смену типов керамики.

Для поселения выбирались участки, удобно расположенные вблизи водного источника, пастбищ, полевых и других сельскохозяйственных угодий. Таких участков было сравнительно немного, и поэтому на одном и том же месте люди селились в разные периоды эпохи развитой бронзы. Естественно, что этому соответствовало и несколько типов находимой керамики. Выбор места для могильника был проще, поэтому могильники разных периодов, как правило, находятся в различных пунктах, а керамика в каждом отдельном случае оказывается однотипной. Вот почему разделение могильников на хронологические группы оказалось сравнительно легким, а материалы поселений часто приводят исследователей к неправильному заключению о сосуществовании в эпоху бронзы двух и трех разновременных типов керамики, приводят к неправильной датировке поселений, в культурном слое которых залегает керамика разных периодов, одним, относительно коротким, отрезком времени.

В этой же связи интересно и другое поселение эпохи бронзы — Ирмень I, исследованное экспедицией около дер. Ирмень в 6 км к юго-востоку от предыдущего (см. рис. 6—25). Оно расположено также на надпойменной террасе, на левом берегу р. Ирмени. Площадь поселения, протяжением около 250 м вдоль берега реки и не менее 70 м в поперечном направлении, разделена небольшой ложбиной на 2 неравные части — меньшую западную и большую восточную (рис. 8).

Сначала была сделана зачистка (протяжением более 200 м) обнажения культурного слоя вдоль размываемого рекой крутого обрывистого берега. Полученный при этом материал указывал на то, что поселение устраивалось 4 раза, в 4 разных исторических периода. Первое — относится к федоровскому этапу андроновской культуры, второе — к карасукской культуре, третье — к фоминскому этапу (VII—VIII вв. н. э.) и четвертое, четко стратиграфически отделенное, — русская деревня XVIII—XIX вв., перенесенная отсюда около 80 лет назад. Андроновская керамика попадалась только в восточной части — по правую сторону ложбины, карасукская — по обе стороны, но в западной части в незначительном количестве; керамика фоминского этапа встречалась главным образом по левую сторону ложбины. В полученном разрезе культурных наслоений можно было видеть, что ложбина была прежде на 1,5 м глубже, а затем, — вероятно, в результате естественной подпруды, — заполнялась отложениями. По левую

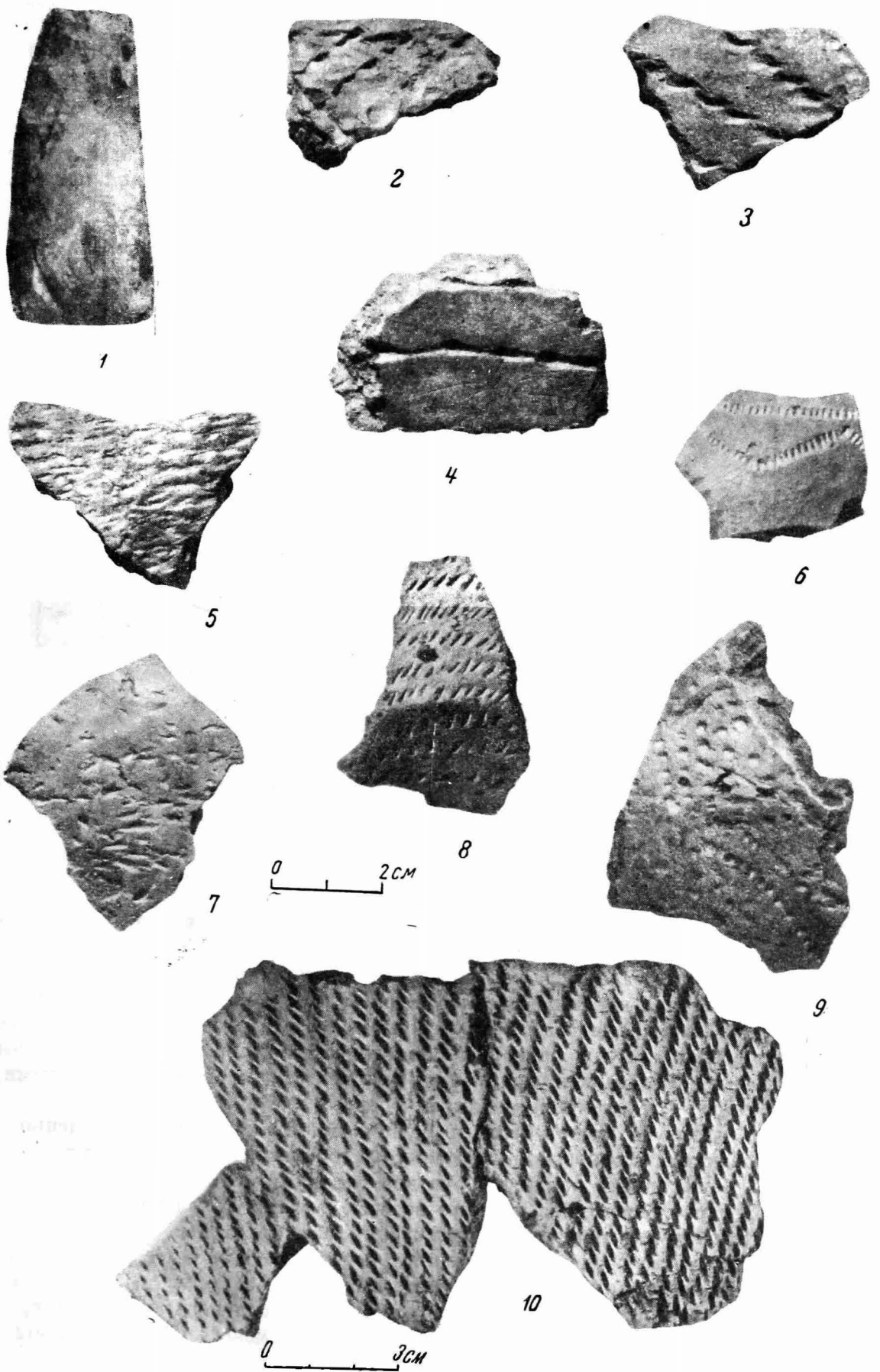

Рис. 7. Каменный топорик-долото (1) и черепки (2—10) из неолитических стоянок (7—9 — со стоянки Ирмень II; 10 — из поселения Ирмень I).

сторону ложбины в разрезе видны 3 небольшие землянки фоминского этапа, по правую — 2 обширные землянки эпохи бронзы (рис. 9).

Древний культурный слой в восточной части содержал довольно большое количество черепков и других находок. Черепки андроновской и карасукской посуды и небольшое количество керамики, относимой к фоминскому этапу, находились в слое толщиной 24—45 см в смешанном состоянии, стратиграфически не расчлененные; так же и в землянках — во всей толще их заполнения находились черепки и андроновской, и карасукской посуды.

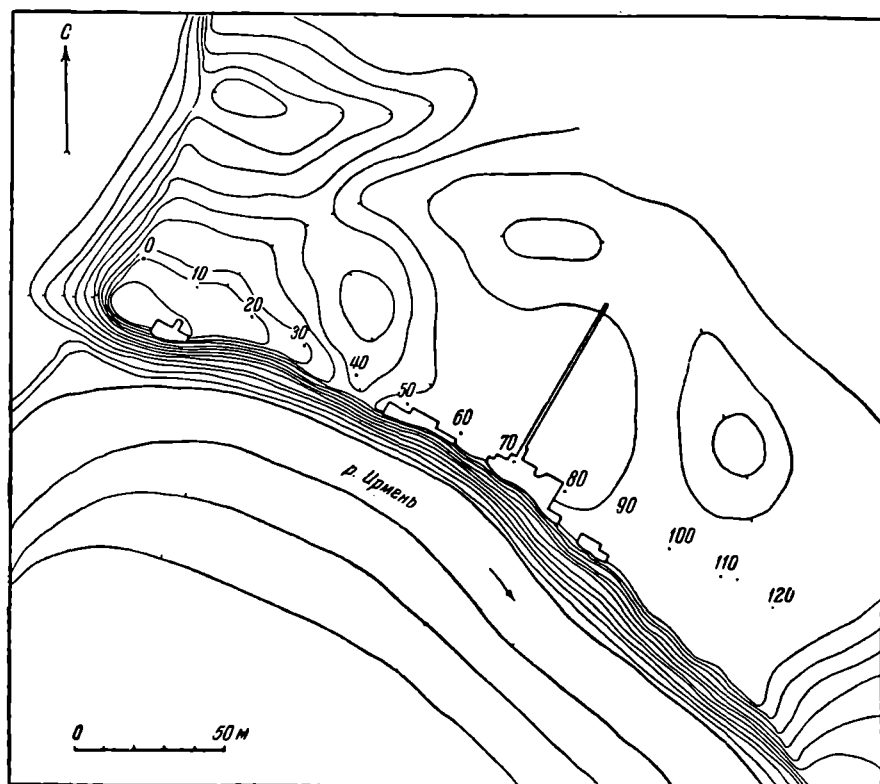

Рис. 8. План места древнего поселения Ирмень I.

Можно было только отметить, что андроновская представлена разрозненными мелкими черепками, а карасукская посуда — и небольшими, и крупными фрагментами, а иногда и лежавшими на полу раздавленными горшками. Это обычная картина для поселений эпохи бронзы в Казахстане и Челябинских степях, где тоже в культурном слое и в заполнениях землянок смешаны черепки сосудов разных хронологических типов и так же поздний тип керамики представлен крупными фрагментами и целыми горшками, а ранние типы — отдельными мелкими черепками.

Однако здесь не может быть и речи о возможности единовременного сосуществования андроновской керамики федоровского типа с карасукской керамикой, — настолько различны эти два типа. Совместное же нахождение их в одном слое объясняется тем, что во всех случаях, когда на поверхности почвы не происходит накопления отложений, все отдельные предметы (черепки, кости, металлические и каменные вещи), в силу естественных процессов почвообразования, постепенно погружаются в грунт и, независимо от того, когда они были оставлены человеком на поверхности земли, — 200 лет тому назад или 2 тысячи лет, — со временем все оказываются в одном слое, в нижнем горизонте почвенного слоя.

Понятно и нахождение разновременной керамики в землянках. Если жилище сооружалось на месте более раннего поселения, то в земляном

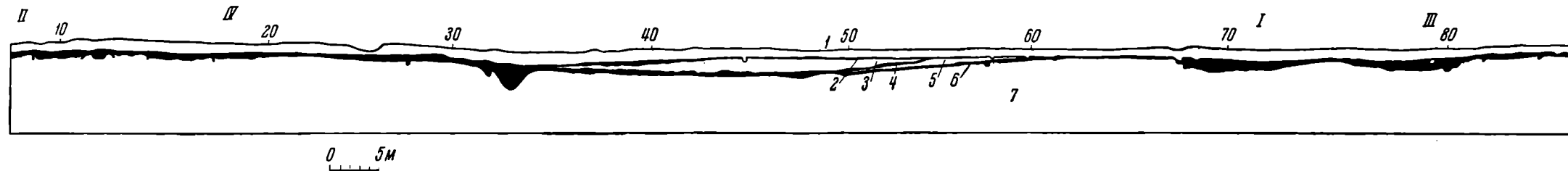

Рис. 9. Ирмень I. Разрез культурных наслоений вдоль обрыва берега.

1 — навесный песок и строительный мусор, слой XVIII—XIX вв.; 2 — погребенная почва; 3 — слоистые пески, карасукский слой; 4 — прослойки погребенной почвы; 5 — слоистые пески; 6 — нижняя погребенная почва, андроновский слой; 7 — материк; I, II, III, IV — землянки.

покрытии кровли неизбежно оказывалась керамика предшествующего времени, а на поверхности кровли накапливались обломки посуды, современной землянке. При разрушении и при последующем заполнении землей, намываемой с бортов ямы, керамика как предшествующего времени, так и современная землянке, попадала в разные горизонты, начиная с самого нижнего, с пола землянки.

Так и в нашем случае. В обеих раскопанных землянках на полу находились крупные фрагменты и раздавленные горшки карасукского типа, очевидно, оставленные обитателями, а в заполнении, начиная с самого пола, — черепки сосудов андроновского и карасукского типов, причем андроновские, как правило, в более мелких обломках. Отсюда ясно, что обе землянки сооружены в карасукское время, а керамика андроновская попала в их заполнение из культурного слоя бывшего здесь ранее андроновского поселения.

Только в редких счастливых случаях можно наблюдать четкое стратиграфическое расчленение разновременного материала в культурном слое поселений эпохи бронзы в степной и лесостепной полосе. У нас таким счастливым случаем оказались раскопки упомянутой уже ложбины, где вскрыто около 100 кв. м культурного слоя по правому восточному склону, рядом с исследованными карасукскими землянками. Под почвенным слоем залежали отложения илистых песков мощностью до 1,5 м в средней части ложбины, а под ними — слой погребенной почвы толщиной до 0,6 м. Нижний слой погребенной почвы был относительно беден культурными остатками. Собранное здесь небольшое количество черепков и крупных фрагментов принадлежит исключительно лишь к андроновской посуде. Толща супеси была обильно насыщена находками, которые сохранились много лучше, чем на площадке поселения. Во время образования культурного слоя ложбина была наполнена стоячей или слабо проточной водой, а в последнее время, может быть, заболочена. Сюда бросались или иным способом попадали расколотые глиняные корчаги, горшки с отбитым краем или пробитым дном, черепа овец и комолых коров, различные мелкие предметы, кости животных. Все это оставалось лежать в непо потревоженном виде. Упавший боком или вверх дном горшок или воткнувшийся носовой частью в вязкий ил череп овцы так и остались до наших дней. Керамика этого слоя, от самых нижних его горизонтов и до верха, относится к карасукскому типу. Только изредка встречались отдельные черепки сосудов андроновского типа, попавшие сюда, очевидно, в карасукское время из культурного слоя площадки поселения. Наконец, покрывающий супесчаное заполнение ложбины почвенный слой в нижнем горизонте содержит керамику карасукского типа и в небольшом количестве — значительно более позднюю, фоминского этапа.

Таким образом, в ложбине находился тот же самый по типологическому составу материал, что и на поселении, но не в смешанном виде, а стратиграфически распределенный по слоям. Во время существования андроновского поселка дно ложбины было сухим; сюда попало некоторое количество обломков сосудов и костей животных. Прошло довольно значительное время, исчисляемое десятками лет, а может быть, и больше; черепки и кости, лежавшие первоначально на поверхности земли, успели погрузиться в почвенный слой на глубину 10—20 см; в момент раскопок на поверхности погребенной почвы они уже не встречались. Затем ложбина стала водоемом со стоячей или слабо проточной водой; приблизительно одновременно с этим на берегу водоема возник новый поселок, уже относящийся к карасукской культуре. За время его жизни ложбина заполнилась наносами, заболотилась и, наконец, покрылась нормальным почвенным покровом. Распределение находок в наслоениях позволяет, таким образом, установить не только разновременность андроновского и карасукского поселений, но и

наличие значительного промежутка времени между периодами существования того и другого, — промежутка, равного во всяком случае не менее чем нескольким десяткам лет, а, вероятнее, — двум-трем векам.

На примере раскопанного нами поселения Ирмень I можно видеть, что нахождение в землянках и культурном слое поселения двух или трех типов керамики, залегающих совместно, а по могильным памятникам хронологически хорошо расчленимых, не может служить доказательством сосуществования этих типов, не может быть использовано для датировки таких поселений только периодом бытования позднего типа керамики. В связи с этим необходимо пересмотреть вопрос о датировке таких памятников эпохи бронзы, как Мало-Красноярское поселение на р. Иртыше¹, Алексеевское и Садчиковское поселения на р. Тоболе². Следует пересмотреть и вопрос о переживании андроновской культуры в западных областях ее распространения якобы вплоть до скифского времени, до времени ранних кочевников.

Однако основное значение раскопок поселения Ирмень I заключается в другом: это — первое поселение, относящееся к карасукской культуре, при исследовании которого собран обильный материал для характеристики хозяйства и быта карасукских племен и вскрыты остатки жилищ. Ведь все наши представления о карасукской культуре строились до сих пор только на изучении могильных памятников и случайных находок бронзовых предметов. Теперь мы получаем возможность более полно и конкретно представить себе картину хозяйственной и домашней жизни в поселке одного из карасукских племен.

Керамика, представленная двумя десятками сосудов, восстановленных полностью, и несколькими сотнями черепков, знакомит нас с новым, своеобразным вариантом посуды карасукского типа, отличным как от минусинского, так и от соседних — томского и верхнеобского. Подобная же керамика встречена экспедицией еще в 2 пунктах — в поселениях около деревень Каменка и Новостройка. Сосуды — почти все плоскодонные, с четко выраженной прямой шейкой, — можно отнести к 4 основным формам: большие корчаги емкостью 20—30 л (рис. 10—9); горшки емкостью обычно 1—3 л, иногда больше (рис. 10—1, 4, 7, 8, 10); кувшины красного обжига, с узким горлом и сильно вздутыми боками, емкостью 2—6 л (рис. 10—5, 6); маленькие чашки емкостью 0,5 л и меньше (рис. 10—2, 3).

Эта посуда, по формам и орнаменту имеющая много общего с карасукской посудой других районов, все же весьма своеобразна (рис. 11). Так как совершенно аналогичная посуда встретилась еще в 2 пунктах в 60 км вверх по Оби, по обоим ее берегам (см. рис. 6—3, 4), то уже сейчас можно говорить о том, что жившее по Оби выше Новосибирска карасукское население отличалось от своих соседей на севере (район Томска) и на юге (район Барнаула) особыми навыками в изготовлении глиняной посуды и приемами ее декоративного оформления. Можно говорить об этнографическом своеобразии этого населения, предполагать принадлежность его к отдельной этнической группе, к особому племени. Насколько эту характеристику можно распространить и на другие карасукские племена, — покажет будущее. Сейчас следует только отметить, что выявление нового района памятников карасукской культуры, с особыми, свойственными ему этнографическими отличиями населения, позволяет с большей определенностью поставить некоторые вопросы об этнографической карте древних племен X—VIII вв. до н. э. в Сибири и Казахстане.

¹ С. С. Черников. Отчет о работе Восточно-Казахстанской археологической экспедиции 1947 года. Изв. Академии наук Казахской ССР, 1950, № 67.

² О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, XVII, 1947; е е же. Садчиковское поселение. МИА, № 21, 1951.

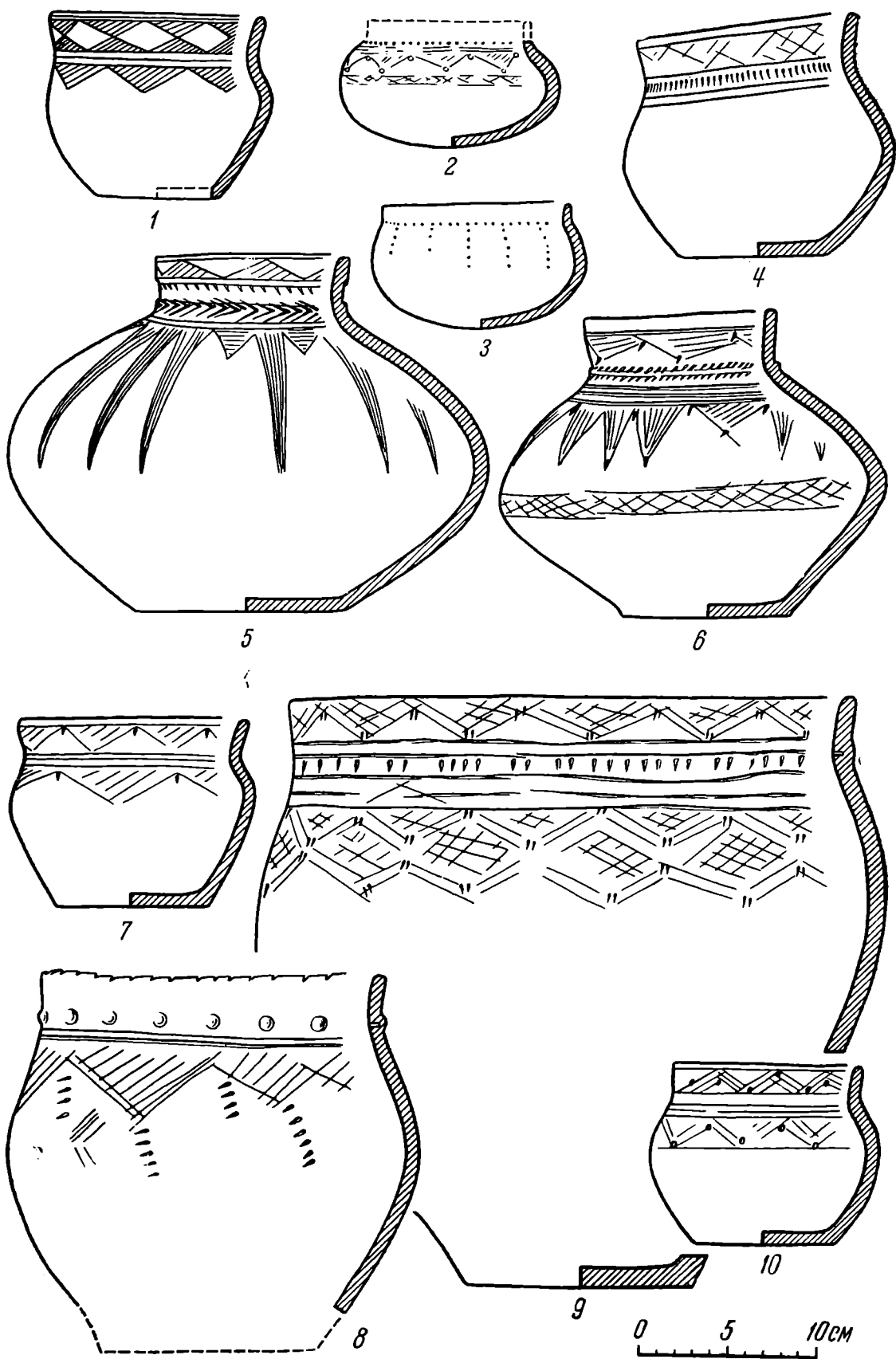

Рис. 10. Глиняная посуда карасукского времени из поселения Ирмень I.
 1, 4—6— из лощины; 2, 7, 10— из землянки I; 3, 9— из землянки III; 8— из культурного слоя.

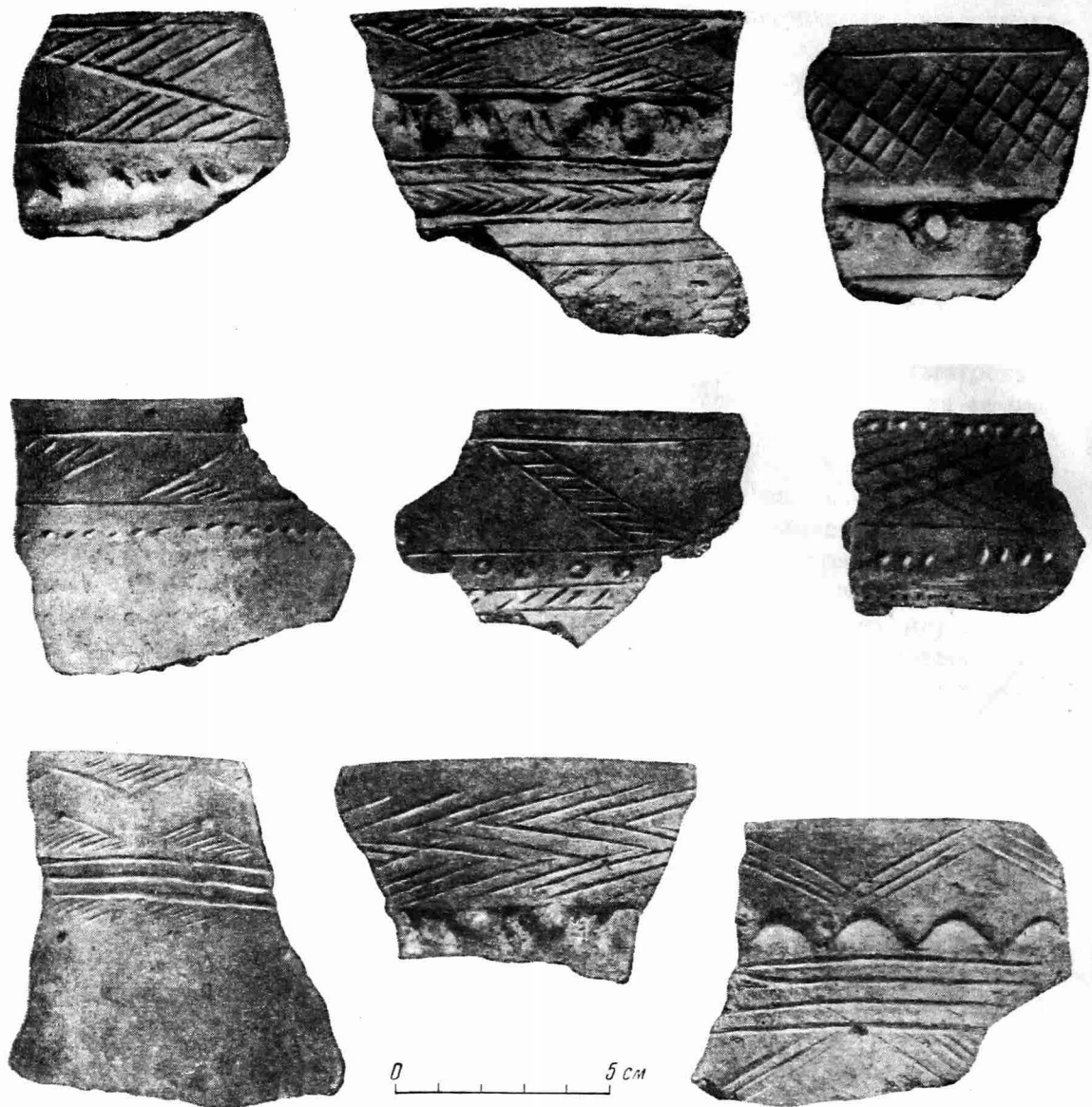

Рис. 11. Черепки сосудов карасукского времени из поселения Ирмень I.

По известным здесь в настоящее время памятникам можно выделить 10 районов:

- 1) Минусинский (степи Минусинской котловины);
- 2) Томский (по р. Томи, главным образом, около Томска) ¹;
- 3) Новосибирский (р. Обь между Новосибирском и Барнаулом);
- 4) Верхнеобский (р. Обь выше Барнаула и низовья рр. Бии и Катуни);
- 5) Восточно-Казахстанский (по р. Иртышу между Семипалатинском и оз. Зайсан) ²;
- 6) Центрально-Казахстанский (по рр. Чурубай-Нуре и Талды-Нуре) ³;
- 7) Северо-Казахстанский (в районе прииска Степняк) ⁴;

¹ Известна только керамика в 6 пунктах: городище Басандайка, Шеломок и «у лагерного сада», дер. Иштан, Самуськин затон, городище близ Старого Кузнецка.

² Материалы, собранные главным образом С. С. Черниковым, в том числе из землянок карасукского времени на поселении Усть-Нарын.

³ Могильники Дындыбай, Бегазы, Бугылы II.

⁴ Известны главным образом керамика из сборов на местах древних горных работ и одно погребение.

8) Кустанайский (в районе г. Кустаная — землянки Алексеевского и Садчиковского поселений);

9) Челябинский (по рр. Исети и Миасу — замараевский этап);

10) Усть-Тобольский (по р. Иртышу близ устья Тобола)¹.

Памятники районов, расположенных по соседству, как правило, наиболее сходны между собой, а памятники отдаленных районов иногда настолько отличны, что общие для них черты улавливаются с трудом. Вместе с тем можно отметить группы районов, памятники которых очень сходны между собой, но значительно отличаются от памятников других, соседних с ними групп. Томский, Новосибирский и Верхнеобский районы составляют одну такую группу, Восточно-Казахстанский и Центрально-Казахстанский — вторую, Северо-Казахстанский, Кустанайский и Челябинский — третью. Последняя группа отличается от всех восточных и хотя в силу развитого межплеменного обмена по своей культуре во многом с ними сходна, все же не может быть включена в область расселения племен — носителей карасукской культуры.

Первая из названных групп приурочена к лесостепным участкам по рр. Оби и Томи. Керамика из этих районов хотя и весьма четко различается, но вместе с тем имеет отчетливо выраженные многие общие для посуды всех трех районов черты, не свойственные керамике из соседних районов — Минусинского и Восточно-Казахстанского. Так же сходны и формы бронзовых изделий. Ножи, например, здесь делались небольшие, пластинчатые, иногда с отверстием для подвешивания, в то время как для Минусинского района характерны своеобразные формы коленчатых или кривых ножей с массивной орнаментированной рукоятью, а для Восточно-Казахстанского — с широким клинком и узкой, часто прорезной, массивной рукоятью.

Таким образом, лесостепные племена, обитавшие по рр. Оби и Томи, составляли особую группу карасукских племен; их материальная культура отличалась от культуры других групп карасукских же племен. В состав этой лесостепной группы входили, вероятно, и другие, нам пока еще неизвестные, племена. Так, в Барабинской степи (точнее — лесостепи), на р. Оми около дер. Осинцевой В. В. Радловым в 1866 г. найдена керамика, весьма близкая к томской и новосибирской². Возможно, и далее на запад жили племена, бытовая инвентарь которых был близок по формам инвентарю памятников по рр. Оби и Томи. На это указывает, например, большее сходство сузгунской керамики с томской и новосибирской, а не с территориально близкой к ней замараевской на Миасе.

Население лесостепных районов р. Оби, как показали раскопки в Ирмени I, отличалось от карасукских племен степных районов по этнографическим признакам (бытовая утварь, формы орудий и украшений, орнаментальное искусство), однако в хозяйстве и бытовом укладе разницы не было, или она была очень мала. В этом отношении интересны раскопки землянок, оказавшихся весьма близкими землянкам карасукского времени у Кустаная; одна исследована почти полностью, кроме юго-западного угла, разрушенного р. Ирменью, другая — только наполовину (рис. 12). Это были обширные полуподземные жилища. Одно из них — 14 м длиной, 8 м шириной, площадью около 110 кв. м; другое — еще больше: ширина его 13 м, длина пока не установлена. В землю врыты они на глубину около 1 м; средняя

¹ Большая серия керамики из жертвенного места Сузгун II. См. В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, 1953, стр. 48 и сл. Исследователь датирует этот памятник андроновским временем, с чем никак нельзя согласиться, так как характерные особенности орнамента сузгунской керамики находят себе аналогии не в андроновской, а в карасукской, прежде всего в томской и новосибирской керамике.

² Г. Ф. Филимонов. Каталог отделения доисторических древностей Московского публичного музея. М., 1875, стр. 115, № 2810.

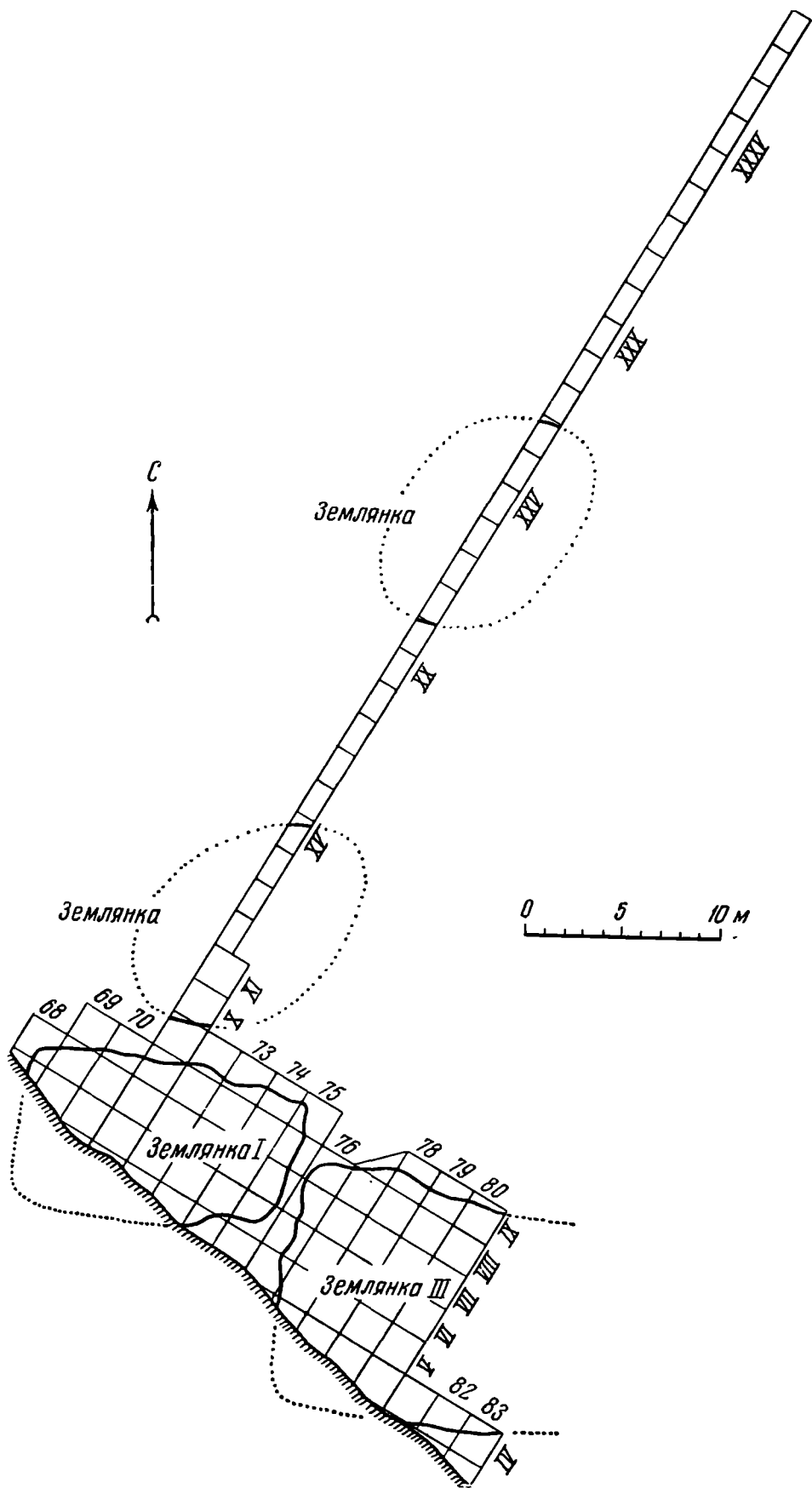

Рис. 12. План расположения землянок карасукского времени на поселении Ирмень I.

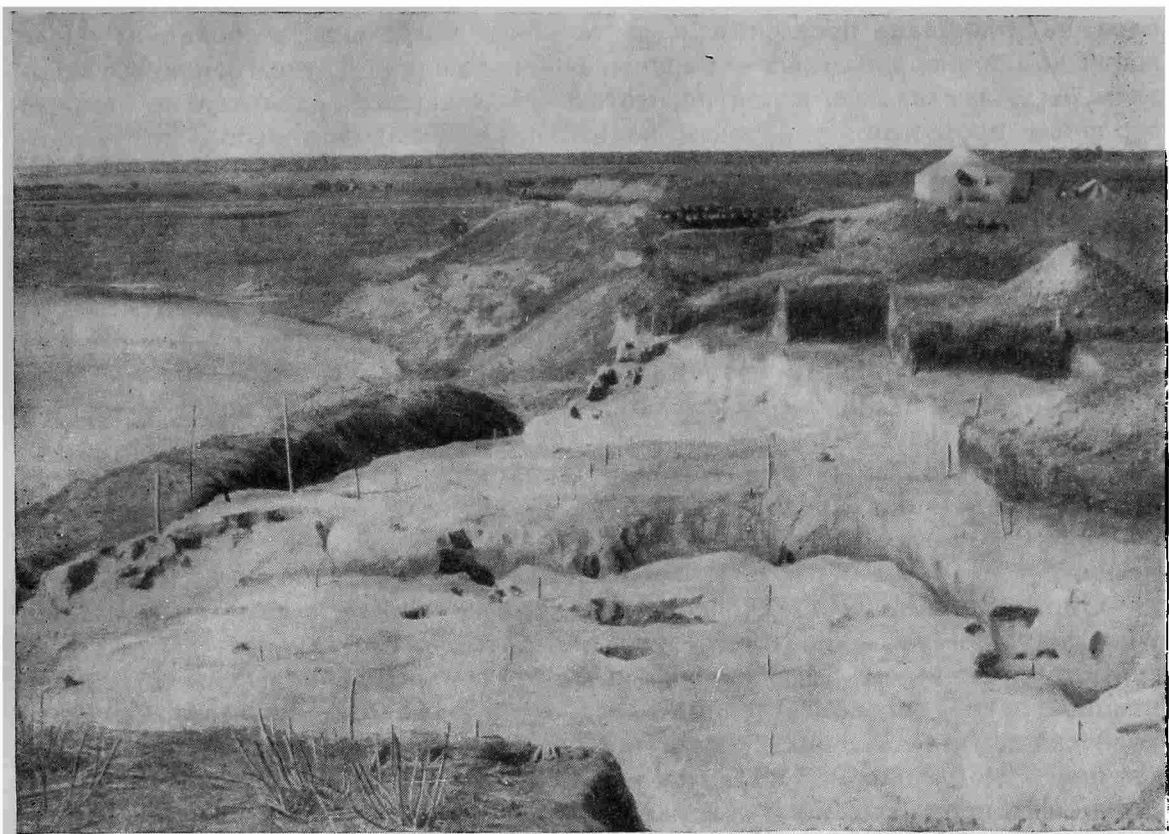

Рис. 13. Землянки карасукского времени на поселении Ирмень I. Вид с юго-востока. На переднем плане — землянка III, за ней — землянка I.

часть глубже, до 1,5 м (рис. 13). По аналогии с землянками, относимыми к срубной культуре (хутор Ляпичева на Дону), следует полагать, что кровля была сложена из бревен в виде пирамидального сруба и сверху завалена землей¹. Из расположенного рядом соснового бора доставлялся прекрасный строевой материал, обеспечивавший возможность сооружения обширных перекрытий.

На полу землянок обнаружено небольшое количество ямок разной формы и размеров. В одной из них, квадратной, глубиной 0,4 м, лежали растрескавшиеся от огня бучильные камни. Возможно, что в яме производилось нагревание воды камнями для каких-то хозяйственных надобностей. Назначение других ям и ямок осталось невыясненным.

В обеих землянках посередине вскрыты кострища. Никаких остатков очажного устройства не обнаружено.

В разных местах жилища попадались разбитые горшки, чаще неполные, и в небольшом количестве мелкие предметы — костяные наконечники стрел, так называемые тупики из челюстей быка и лошади, различные костяные острия, бараньи астрагалы со срезанными боками, лошала из речных галек для лощения сосудов (рис. 14 — 2), каменные зернотерки и др.

Интересно, что в землянке № 2, на высоте 10—15 см над полом лежали два черепа коровы и один самки лося. В свое время они находились, очевидно, на кровле и, возможно, являлись культовыми предметами.

Землянки — огромных размеров (110 кв. м и более) и рассчитаны, по видимому, на содержание в них в зимнее время скота. Скотоводство было одной из основных отраслей хозяйства. В заполнении землянок, в культурном

¹ М. П. Грязнов. Землянки бронзового века близ хут. Ляпичева на Дону. КСИИМК, L, 1953, стр. 137—148.

слое на площадке поселения и в ложбине встречены в большом числе кости домашних животных — коровы, овцы, лошади. Другим основным занятием было земледелие, вероятно, мотыжное, дававшее сравнительно немного зерновых продуктов; указанием на это служат находки небольших зернотерок, на которых могло быть обработано лишь небольшое количество зерна.

О том же говорит и находка более 20 так называемых тупиков из челюстей животных (рис. 14 — 8 — 10), характерных почти для всех поселений андроновской и срубно-хвалынской культур как на Оби, Иртыше и Тоболе, так и на Волге и Дону. Эти орудия принято считать инструментами для разминания кожи. Между тем на них нет характерных следов сточенности кости от сильного трения передвигаемой взад и вперед кожи. Зато ясно выражены следы держания орудия в руке за передний конец и трения, наиболее сильного с левой стороны. Такая сработанность характерна для трепал, употребляемых при трепании льна и конопли. Следовательно, так называемые тупики, представляя собой орудия для трепания растительного волокна, являются инвентарем не скотоводческого хозяйства, а земледельческого.

Определение этих орудий как трепала, а не тупика, весьма существенно. Мы получаем указание на то, что обработка растительного волокна для пряжи и, очевидно, для тканей в эпоху поздней бронзы была широко распространена по всей степной и лесостепной полосе. Ткачество у скотоводческо-земледельческих племен поздней бронзы базировалось не только на шерстяном волокне, но и на растительном, и было широко развитым домашним производством, о чем свидетельствуют и частые находки глиняных пряслиц (рис. 14 — 6).

Характерно, что охота не играла сколько-нибудь существенной роли в хозяйстве поселка. Среди множества костей домашних животных кости диких — лося, косули и выдры — составляли менее 1%. Хозяйство поселка было чисто скотоводческо-земледельческим. Все основные средства существования обеспечивались скотоводством и земледелием, как и в предшествовавшее, андроновское время, так и у срубно-хвалынских племен в степях Причерноморья. Первое место в стаде занимал крупный рогатый скот, второе — овца, третье — лошадь, количество костей которой на поселении было в 4 раза меньше, чем коровы и в 3 раза меньше, чем овцы; на четвертом месте — коза¹.

До сих пор в памятниках карасукской культуры мы знали только некоторые категории бронзовых орудий. При раскопках поселения нами найдено около сотни орудий; из них 4 сделаны из бронзы (рис. 14 — 7), остальные костяные. Костяные орудия широко применялись в хозяйстве и домашних производствах. Кроме указанных уже трепал, из кости и рога делали наконечники стрел, различного рода шилья и острия, долотца и стамески, ножи, точно имитирующие форму бронзового ножа, и другие инструменты, назначение которых пока точно не определено. Интересно, что многие костяные орудия чрезвычайно примитивны и представляют собой осколки костей, приспособленные для работы без сколько-нибудь тщательной обработки с целью придать вид законченного изделия. Если наконечникам стрел придана желаемая форма путем обработки их по всей поверхности (рис. 14 — 7, 11), то у шильев, стамесок и некоторых других орудий слегка подточен только рабочий конец (рис. 14 — 4, 5, 12). А в ряде случаев осколок кости с острым концом или с остро режущим краем употреблялся в качестве шила или ножа без какой-либо дополнительной подправки.

Раскопки поселения Ирмень I только начаты. Предстоит закончить расчистку второй землянки, раскопать третью, открытую в разведочной

¹ Определение костей животных произведено К. Б. Юрьевым.

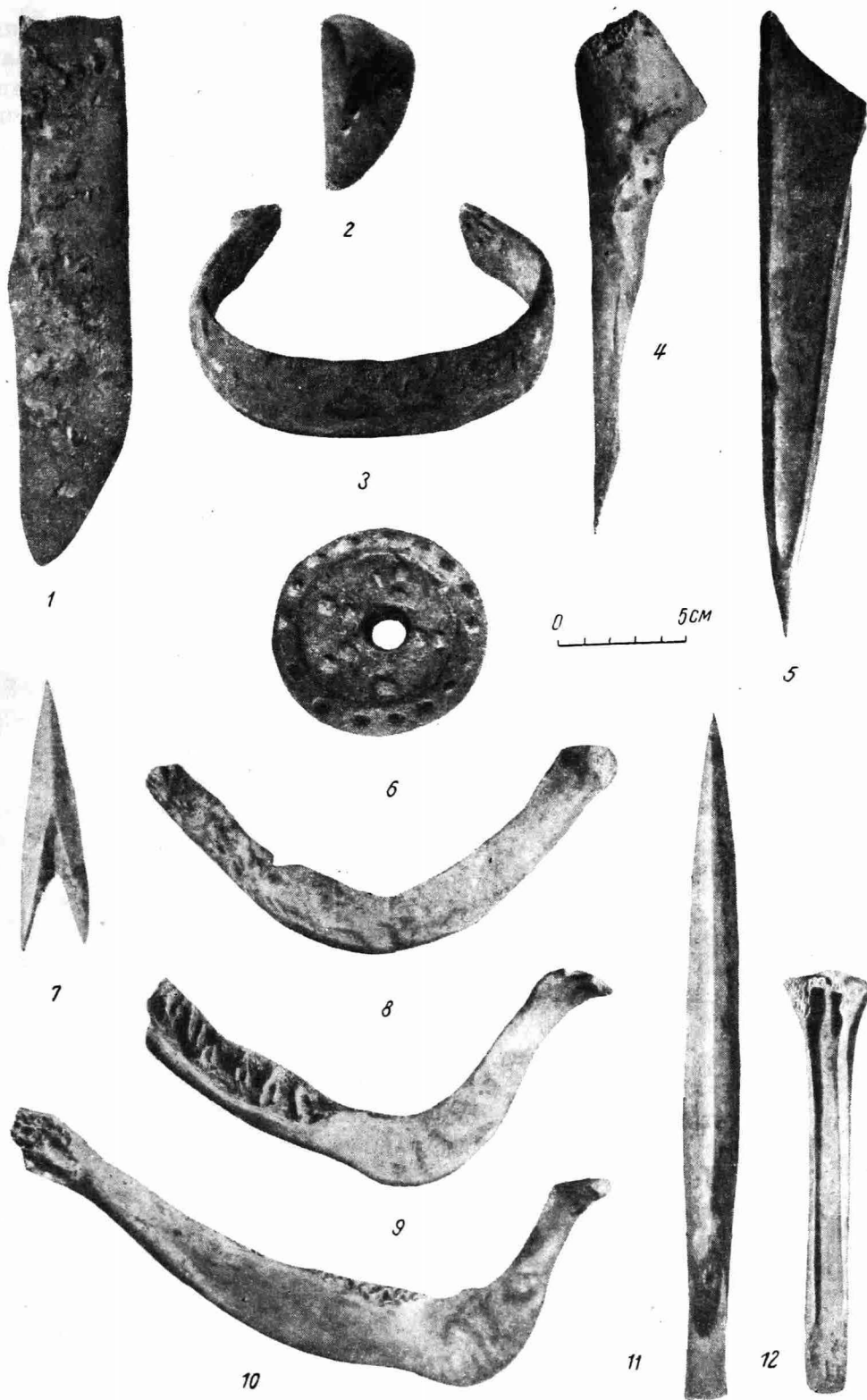

Рис. 14. Вещи из землянок и культурного слоя поселения Ирмень I.
 1, 3 — бревно; 2 — камень; 6 — глина; 4, 5, 7 — 12 — кость.

траншее, и попытаться найти еще два или три жилища. Тогда можно будет получить более полное представление об устройстве и характере использования жилищ-землянок и вообще о поселке в целом.

Не останавливаясь подробно на исследованных экспедицией памятниках более позднего времени, отмечу лишь, что раскопки разведочного характера проведены на небольшой площади двух поселений фоминского этапа — одного по левую сторону ложбины на территории, занятой рассмотренным уже поселением Ирмень I, и другого — в устье р. Ирмени, в 3 км от первого. Получен некоторый новый, дополнительный материал к тому, что нам было известно об этом периоде по раскопкам на верхней Оби. Открыты небольшие квадратные землянки площадью около 30 кв. м. Интересно нахождение на обоих поселениях большого числа каменных грузил, свидетельствующих о большом значении рыболовства у этих поздних скотоводческо-земледельческих племен, культура которых так тесно связана с культурой северных лесных племен Западной Сибири. Интересна находка обломков глиняных сосудов на коническом поддоне, что может служить еще одним указанием на близость культуры верхнеобских племен фоминского этапа с культурой Усть-Полуйского городища в низовьях р. Оби.

И, наконец, отметим особенности остеологического материала. Третья часть костей (31%) принадлежит диким животным — косуле, маралу (благородному оленю), лосю, бобру, барсуку и др. Если среди костей, являющихся кухонными отбросами, третья часть принадлежит диким животным, это значит, что в пищевом рационе населения мясо диких животных составляло третью часть потребляемой мясной пищи; следовательно, охота была одной из основных отраслей хозяйства. Это также сближает культуру племен фоминского этапа с культурой племен Западной Сибири, у которых рыболовство и охота были основной отраслью хозяйства, причем характерно сочетание охоты и рыболовства со скотоводством.

Таким образом, получен новый, дополнительный материал, который подтверждает, что население верхней Оби, известное по памятникам времени с первых веков нашей эры по VIII в., пришло сюда с Севера или Северо-запада, из среды угорских племен, принесло с собой новые для Южной Сибири культуру, язык и антропологический тип. Наблюдающиеся в языке и антропологическом типе некоторых современных народов Северного Алтая и Саян наслоения угорских элементов следует, очевидно, связывать с этим периодом.

Произведенные экспедицией археологические разведки и первые раскопки еще не дают полного представления об истории развития культуры древних племен в районе р. Оби к югу от Новосибирска. Однако и полученный материал дает уже возможность поставить некоторые вопросы о своеобразии исторического процесса в отдельные периоды, а раскопки карасукского поселения Ирмень I позволяют пересмотреть и исправить сложившиеся у нас представления по некоторым вопросам древней истории Южной Сибири и Казахстана.

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

С. С. ЧЕРНИКОВ

О РАБОТАХ ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Восточно-Казахстанская экспедиция 1952 г., так же как и в 1950 г., продолжала археологические работы в долине Иртыша от устья р. Бухтармы до оз. Зайсан¹.

Экспедиция попрежнему ставила своей целью исследование памятников разных эпох (палеолит, неолит, эпоха бронзы, время ранних кочевников) для получения материала по древней истории Восточного Казахстана, основные контуры которой могут быть намечены только в результате широких археологических работ.

1-й отряд² произвел раскопки в следующих пунктах:

1. У дер. Пещеры (в 11 км выше устья р. Бухтармы) продолжались работы на месте палеолитической стоянки, обнаруженной в 1950 г.³ Она была расположена у входа в большую карстовую пещеру, вымытую водами Бухтармы в известняковом массиве карбонового возраста. Большая часть потолка обрушилась (видимо, вследствие сильных землетрясений) и сохранилась только глубинная часть пещеры. В раскопе 1950 г. и примыкающем к нему с запада раскопе 1952 г. (45 кв. м при средней глубине 3 м) вскрыта часть дна древней пещеры у самого ее устья. В раскопе 1952 г. на глубине 2,7 м удалось проследить известняковое дно пещеры, перекрытое продуктами разрушения потолка — большими плоскими глыбами известняка и щебенкой. Песчано-суглинистая, аллювиальная терраса Бухтармы не перекрывает коренного пола пещеры и прислонена к нему на 1,8 м ниже.

В 1952 г. найдены 11 ножевидных пластин, 15 отщепов (частью с ретушью) верхнепалеолитического облика, угольки и точно не определимые кости крупных и мелких животных⁴.

Выяснены геологическая структура пещеры, древние размеры подземной полости, а также характер заполняющих ее напластований. Несомненно, что

¹ С. С. Черников. Восточно-Казахстанская экспедиция 1950 года. КСИИМК, XLVIII, 1952, стр. 81.

² Экспедиция организована ЛОИИМК совместно с Институтом истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. В полевых работах принимали также участие студенты исторических факультетов Ленинградского и Казахского университетов. Ввиду большого объема работ раскопки велись 3 отрядами, которыми руководили: Э. Р. Рыгдылон (1-й отряд), Н. Н. Панова (2-й отряд) и А. А. Гаврилова (3-й отряд).

³ См. С. С. Черников. Указ. соч.; его же. Находки палеолитических стоянок в Восточном Казахстане. Вестн. Академии наук Каз. ССР, 1951, № 12, стр. 64.

⁴ Определение костей животных произведено старшим научным сотрудником Зоологического института Академии наук СССР И. М. Громовым.

палеолитическая стоянка находилась в пещере до того времени, как обрушилась большая часть свода и, видимо, была кратковременной, так как остатков культурного слоя обнаружить пока не удалось.

2. Близ дер. Ново-Никольской также был продолжен раскоп 1950 г., где собрано много верхнепалеолитических орудий. Однако культурный слой не был обнаружен; не найден он и в 1952 г., хотя, помимо расширения раскопа, для того, чтобы найти место стоянки, были заложены 12 шурфов (глубиной 1,5 м) по направлению от берега к горам, двумя линиями. В результате тщательного обследования обоих берегов Иртыша вверх до р. Таволожанки (около 7 км) собрано большое количество орудий палеолитического и неолитического облика, главным образом на самой береговой линии. Найденны скребки на отщепках, остроконечники, нуклеусы, ножевидные пластинки и отщепы с ретушью и без ретуши, обломок массивного скребла сибирского типа и нуклеус с боковой ретушью. Обращает на себя внимание обломок тонкостенного сосуда баночной формы, орнаментированный рядами неясных отпечатков гребенчатого штампа и вертикальным, ромбическим, врезным рисунком. Сосуд — явно неолитического облика и резко отличается от андроновской керамики.

По поводу стоянки у дер. Ново-Никольской возникают два предположения: или стоянка была расположена выше по р. Иртышу, затем частью размыта, и орудия из культурного слоя перенесены водой или льдом (что вероятнее); или здесь существовали очень кратковременные охотничьи лагеря, не оставившие культурного слоя и также размытые. Для решения вопроса требуются дальнейшие полевые исследования.

3. У аула Канай в 1950 г. были найдены 3 орудия палеолитического облика, изготовленные из черного кремня и кости *Bison longicornis* и *Bison priscus deminutus*. Обнаружены они недалеко от андроновского поселения. Это послужило поводом высказать предположение, что палеолитическая стоянка была разрушена андроновским поселением. Обследование 1952 г. показало, что это предположение едва ли правильно. Остановимся кратко на геологической характеристике местонахождения. Здесь к Нарымскому хребту (граниты) прислонена узкая, меньше 1 км делювиальная терраса, мощность которой прослеживается при современных земляных работах до 10 м. Терраса довольно крутым склоном переходит в низкую, заросшую камышом, пойму Иртыша, протекающего на расстоянии примерно в 2 км.

Здесь-то, в отвалах, оставшихся после современных работ, и найдена в 1952 г. серия палеолитических орудий, имеющих исключительный интерес¹. Сразу бросается в глаза, что некоторые из них более или менее окатаны и заглажены, другие же не подверглись никаким изменениям. Все неокатанные орудия по типологическим признакам можно отнести к верхнему палеолиту, если не к мезолиту. Совсем иного типа — орудия окатанные. Это остроконечники, сделанные из треугольных отщепов, односторонней обработки, с крупной ретушью по краям (рис. 15 — 1—4); массивные скребла с ретушью по рабочему краю (рис. 16 — 2, 3); орудие, напоминающее мустьерский дисковидный нуклеус, с подправкой крупной ретушью одного из краев (рис. 16 — 5), и отщепы с ретушью. Материал орудий — черный кремень и зеленоватая кремнистая порода. Поскольку эти орудия найдены не *in situ*, сейчас еще трудно отнести их с полной определенностью к тому или иному этапу палеолита. Однако бесспорно, что они — позднемустьерского облика, и не будет ошибкой считать их древнейшими из известных нам орудий на палеолитических стоянках Западной Сибири. находка в 1950 г. здесь же среднеплейстоценовой фауны подтверждает это предположение. Материалов пока очень мало, однако уже сейчас находка выразительных мустьерообразных орудий заставляет нас по-иному взглянуть на вопрос заселения чело-

¹ находка сделана Э. Р. Рыгдылоном.

веком Казахстана и Западной Сибири, связывая этот процесс скорее с Средней или Центральной Азией, чем с Восточной Европой¹.

4. В районе дер. Усть-Нарым разведкой 1950 г. собрано много кремневых орудий: ножевидные пластинки (частично с ретушью), дисковидные и

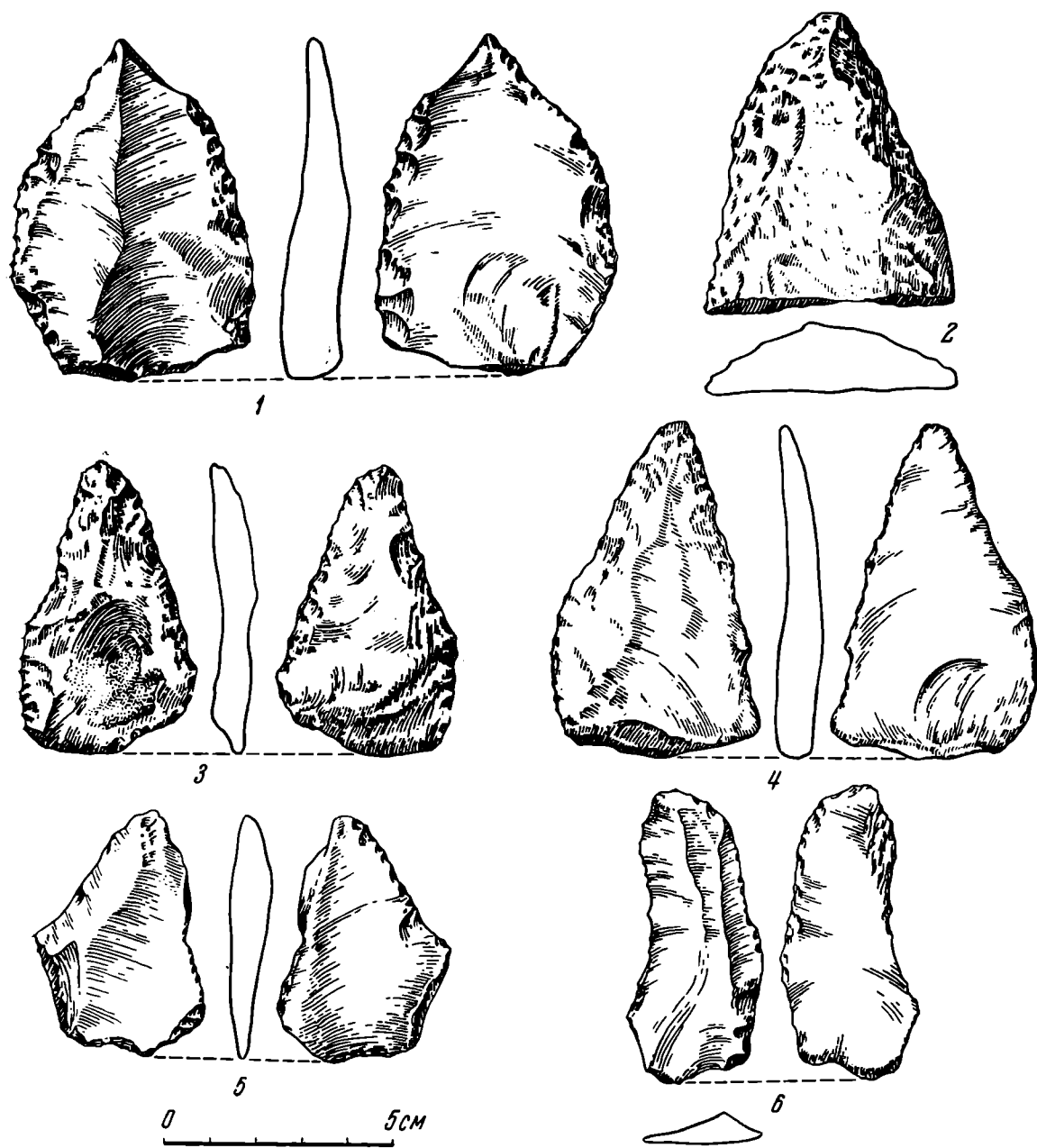

Рис. 15. Аул Канай. Палеолитические орудия мустьерского облика.

концевые скребки, нуклеусы, мелкие отщепы и обломки керамики с раннеандроновским орнаментом. Найден также каменный стержень рыболовного крючка китойского типа.

В 1952 г. на раннеандроновском поселении, расположенном на краю мыса песчаной надпойменной террасы Иртыша, которая в древности находилась у самой воды, вскрыто жилище — овальное углубление в песке (2,5 × 3,5 м) при максимальной глубине 0,9 м от современного уровня почвы (рис. 17). Северо-западный край жилища, где, повидимому, был вход,

¹ А. П. Окладников. Освоение палеолитическим человеком Сибири. Материалы по четвертичному периоду в СССР, вып. 3, 1950, стр. 155.

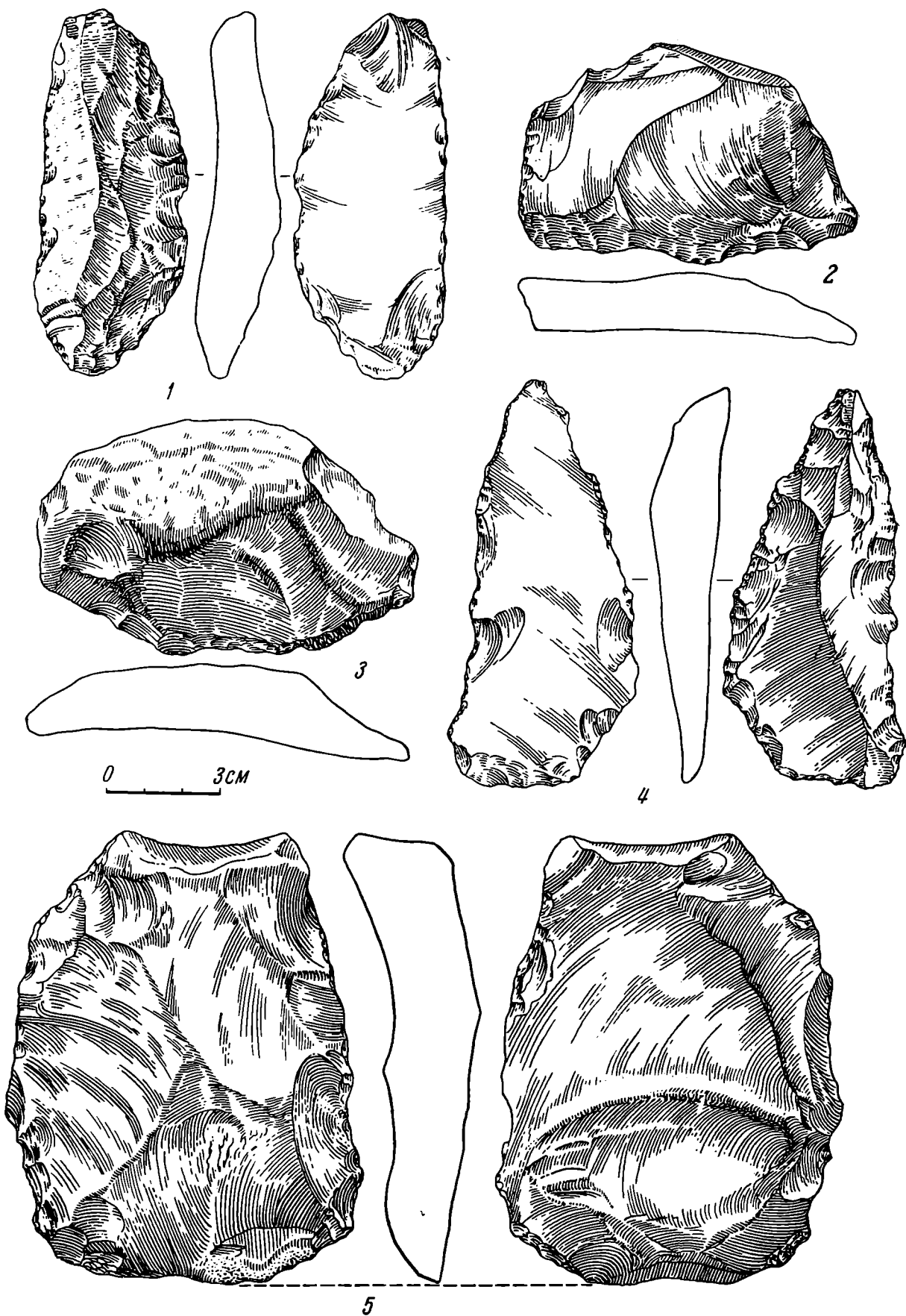

Рис. 16. Аул Кавай. Палеолитические орудия мустьерского облика.

проследить не удалось. Стратиграфия слоев на месте жилища следующая: почвенный, слабо гумированный слой—0,1 м; слой темносерой супеси—0,25—0,3 м; ниже идет желтовато-сероватый песок, из которого и сложена вся терраса. Углубление начало прослеживаться только ниже слоя темносерой супеси в виде отдельных зольных пятен. У его юго-восточного и

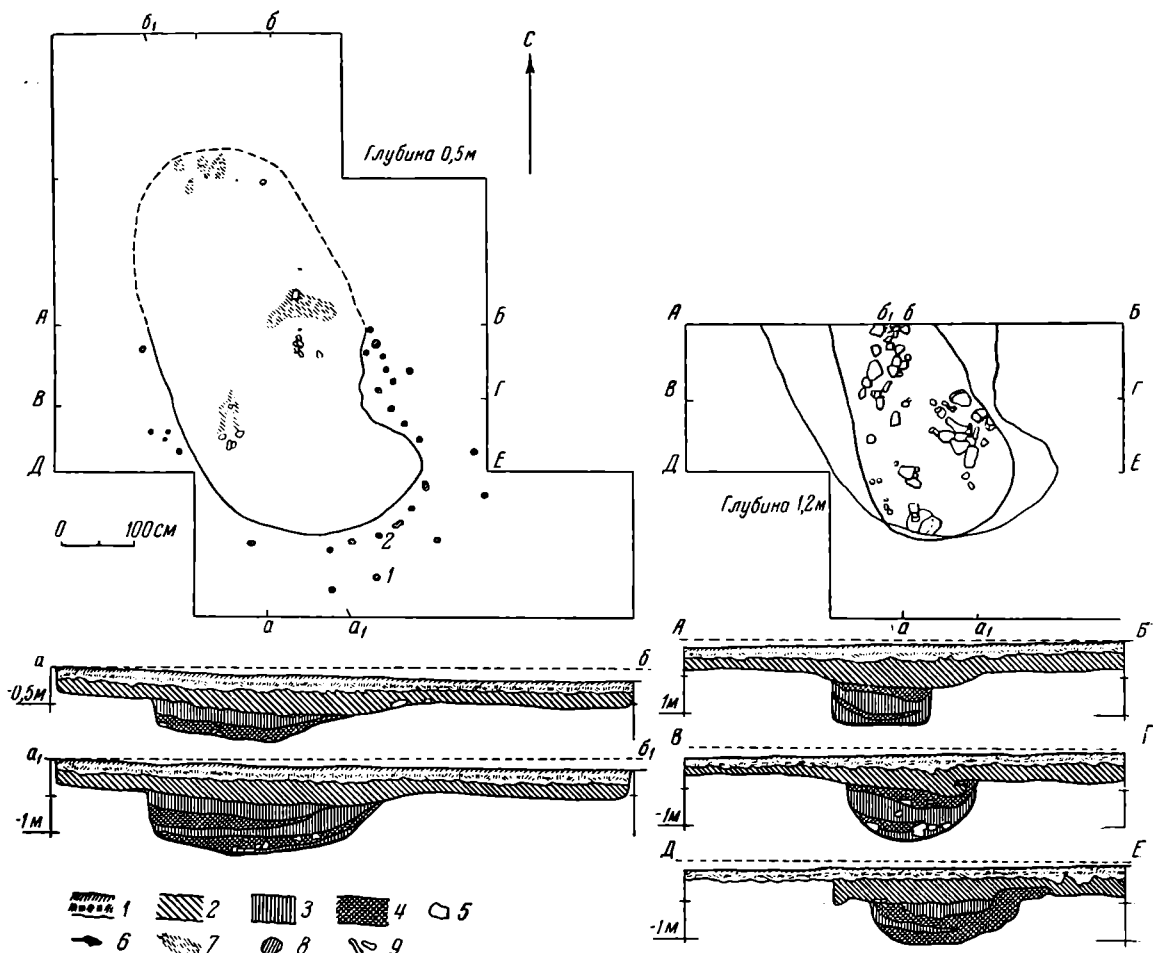

Рис. 17. Усть-Нарым. План и разрезы раннеандроновской землянки.

1 — почвенный слой; 2 — светлосерая супесь; 3 — темносерая супесь; 4 — зольный слой; 5 — камни; 6 — уголь; 7 — зольные пятна; 8 — ямы от столбов; 9 — кости.

южного краев, на расстоянии 0,3 и 0,8 м сохранились 2 ряда ямок от жердей перекрытия. Во внутреннем ряду ямки расположены гораздо чаще, чем во внешнем. В разрезах ямок видно, что жерди были тонкие, заостренные и врыты в песок под углом 30° по направлению к центру углубления.

Наблюдения позволяют реконструировать внешний вид жилища. Это был шалаш с двойной конической крышей из жердей, покрытый шкурами или камышом, с очагом из камней в центре. Жилище, видимо, не было врыто в землю, а углубление получилось естественно, вследствие длительного обитания на рыхлом песке. Зачистка показала, что обитатели жилища на какое-то время его покидали, так как между двумя слоями золы проходит пропластка стерильного песка. В центре углубления — очаг в виде неправильного круга, выложенного из небольших камней. Отдельные камни разбросаны по всей площади жилища. В заполнении обнаружены:

1. Ножевидные пластинки, миниатюрные скребочки и отщепы (частью с ретушью) из черного кремня.

2. Обломки глиняных сосудов баночной формы орнаментированных зигзагообразными вдавлениями гладкого и гребенчатого штампов или вдавле-

ниями палочки. У 2 сосудов по венчику идет ряд выпуклостей, сделанных зажимом, и два (один из них лощеный) украшены геометрическим орнаментом в виде треугольников и меандра, насколько можно судить по небольшим фрагментам (рис. 18).

3. Обломок тупика из челюсти коровы.

4. Обломок гранитной зернотерки.

5. Свинцовая¹ палочка (длина — 6 см, диаметр — 0,8 см) и несколько кусочков медного шлака.

6. До 30 небольших (до 8 см) обожженных камней (гранит), употребленных, вероятно, для нагревания воды в сосудах.

7. Кости животных (крупного рогатого скота — 4 особи, мелкого — 3, лошади, волка или крупной собаки, оленя и архара — по 1 особи).

Среди находок отмечены кости и чешуя рыб и 1 кость человека.

Весь материал жилища — характер керамики, находка зернотерки, тупика, шлака, а также найденные кости животных — позволяют датировать поселение раннеандроновским временем.

* * *

2-м отрядом проведены работы на поселении эпохи бронзы близ дер. Малой Красноярки. Вскрыт участок (400 кв. м), примыкающий с востока к раскопу 1950 г., и обнаружены остатки 2 хозяйственных построек земляночного типа.

Первая постройка имеет вид длинной и узкой канавы, вырытой в материковой супеси и ориентированной с северо-востока на юго-запад. Ответвляющееся перпендикулярное ей углубление придает сооружению Т-образную в плане форму. Дно канавы испещрено ямками от столбов большого (15—25 см) и малого (5—7 см) диаметра; глубина их — соответственно 25—60 см и 5—15 см. Стенки ямок от столбов большего диаметра образуют по отношению к полу помещения угол в 75—80°; видимо, столбы составляли шалашеобразное покрытие. Высота такого сооружения в месте соединения верхних концов столбов для глубокой части канавы должна была достигать 2,5 м.

В углистом заполнении помещения и близ него обнаружены 2 бронзовых четырехгранных шила и 2 тупика, сделанных один из лошадиной челюсти, другой — из лошадиной бабки.

Второе сооружение характеризуется рядом черт, придающих ему сходство с первой Т-образной постройкой. Оно, как и первое, вырыто в материковой супеси. В плане сооружение имеет форму вытянутой равнобедренной трапеции с закругленными углами. По длинной оси помещение ориентировано в направлении северо-восток—юго-запад. В северо-восточной части оно значительно расширяется, так как спустя несколько столетий эта часть землянки была приспособлена для раннекочевнического погребения, причем часть стенок скрыта. Дно землянки в юго-западном и северо-восточном концах находится на уровне древней земной поверхности, а в средней части — уже на глубине 0,75 м. Длина землянки — 12,5 м, ширина (юго-западного конца) — 4,6 м, минимальная — 1,3 м. Как и в первой землянке, пол покрыт густой сетью ямок от столбов большого и малого диаметра. Большие столбы, так же как и в первом жилище, расположены у обеих стен с соблюдением симметрии, на равных расстояниях друг от друга; стенки ямок образуют по отношению к полу угол 75—80°. Таким образом, и в данном случае можно считать, что землянка имела шалашевидное покрытие.

Никаких следов очага в этом помещении не обнаружено, хотя в юго-западной части выявлено небольшое зольное пятно со слоем золы толщиной 5 см.

¹ Определение В. Н. Кононова.

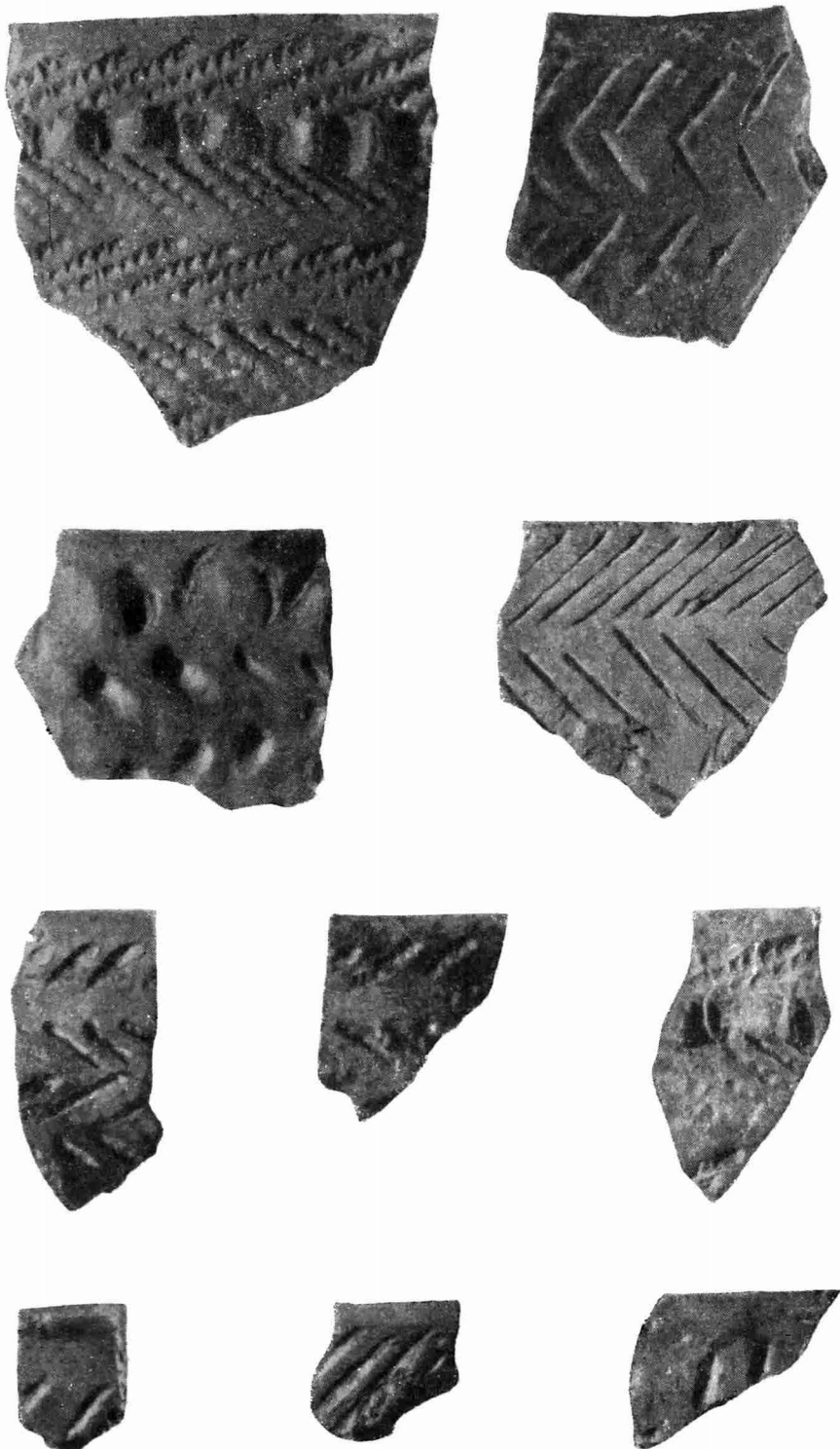

Рис. 18. Усть-Нарым. Керамика из раннеандроновской землянки.

В заполнении найдены: обломки глиняной посуды и костей животных, глиняные обожженные шарики диаметром 1 см, обломок зернотерки, двухперый бронзовый наконечник стрелы с конусовидной втулкой. Несомненно, что помещение было не жилым, а хозяйственным.

Восточнее землянки, в непосредственной близости от нее, обнаружено зольное пятно размером 3 × 4 м. Зольный слой (толщиной до 12 см) оказался перемешанным с некоторым количеством медного шлака, обломков глиняной посуды и горелых костей животных. Здесь же найден бронзовый серп с отпечатками злаков. Под слоем золы обнаружены ямки от 4 больших и 2 малых столбов, заполненные шлаком. Зольное пятно образовалось в результате свалки отходов выплавки меди, устроенной на месте разрушенной постройки.

В 4 м севернее землянки обнаружена круглая яма диаметром 3,5 м с ведущей в нее с запада канавой длиной 4 м и шириной 0,75 м. Дно ямы двумя уступами спускалось к устью канавы, где и достигало максимальной глубины — 0,65 м. Наибольшая глубина канавы — 0,5 м. В заполнении ямы встречались горелые обломки костей, мелкие черепки гладкостенных лощеных сосудов и сосудов с ногтевым орнаментом. Бока и дно ямы в устье канавы покрыты налетом гари. В устье под слоем горелой земли обнаружены 2 ямки (диаметр — 6 см, глубина — 0,25 м) от столбов, которые в свое время подверглись действию огня. Одним из рухнувших столбиков на полу канавы между ямками образована черная угольная полоска. Наиболее вероятно, что из этой ямы бралась глина для обмазки различных построек на поселении. Раскопками на поселении вскрыты 2 разновременных погребения. Одно из них (№ 1) — грунтовое, обнаружено в северной части раскопа на глубине 0,7 м от современной дневной поверхности. Могильная яма, узкая в южной части (0,55 м) и широкая в северной (1 м), была длиной 1,3 м. Костяк находился в узкой южной половине, а северная, широкая, была заполнена почвенным суглинком, в котором попадались угольки, мелкие обломки глиняной посуды и костей животных.

Костяк лежал на левом боку, скорченно, головой на юг, с незначительным отклонением на восток. Погребена женщина средних лет европеоидного (мезокранного) типа¹. Сохранность костей скелета хорошая. В головах стоял глиняный сосуд баночной формы, с уплощенным дном, украшенный горизонтальными рядами елочек. На тазовых костях — небольшая каменная плитка. Над головой (на 5 см выше) в заполнении ямы — кремневый отщеп. Погребение относится, очевидно, ко времени возникновения здесь поселения, но совершено оно еще вне пределов заселенной территории. Такая датировка подтверждается и наличием в погребении горшка архаической андроновской формы.

Второе погребение, — парное (?), с конем, — обнаружено в мусорном заполнении землянки. Поперек землянки, в направлении с северо-востока на юго-запад, последовательно лежали 2 человеческих скелета и скелет лошади с жеребенком на равных друг от друга расстояниях. Человеческие скелеты лежали на спине в вытянутом положении, головой на север (с отклонением на запад на 8°). Оба они мужские: один мужчина зрелого, другой — возмужалого возраста; оба — европеоидного (брахикранного) андроновского типа. Руки первого костяка согнуты в локтях под прямым углом и сложены на животе; у второго слабо согнуты в локтях и положены вдоль туловища, левая нога слегка согнута в колене. Сохранность скелетов хорошая. Никаких вещей при них не обнаружено. Лошадь лежала головой на север; с западной стороны, между ногами находился костяк жеребенка. На ребрах лошадиного скелета, ближе к передним ногам, найдены 2 бронзовые и 1 костя-

¹ Определение антропологических материалов экспедиции произведено В. В. Гинзбургом.

ная пряжки от седельного набора; костяная украшена по краю резным орнаментом в виде мелких треугольников. Указанные находки позволяют приблизительно датировать все погребение в целом рубежом нашей эры (рис. 19—5, 6).

В числе находок на поселении наиболее многочисленны обломки глиняной посуды. Встречены все типы баночных и горшковидных андроновских

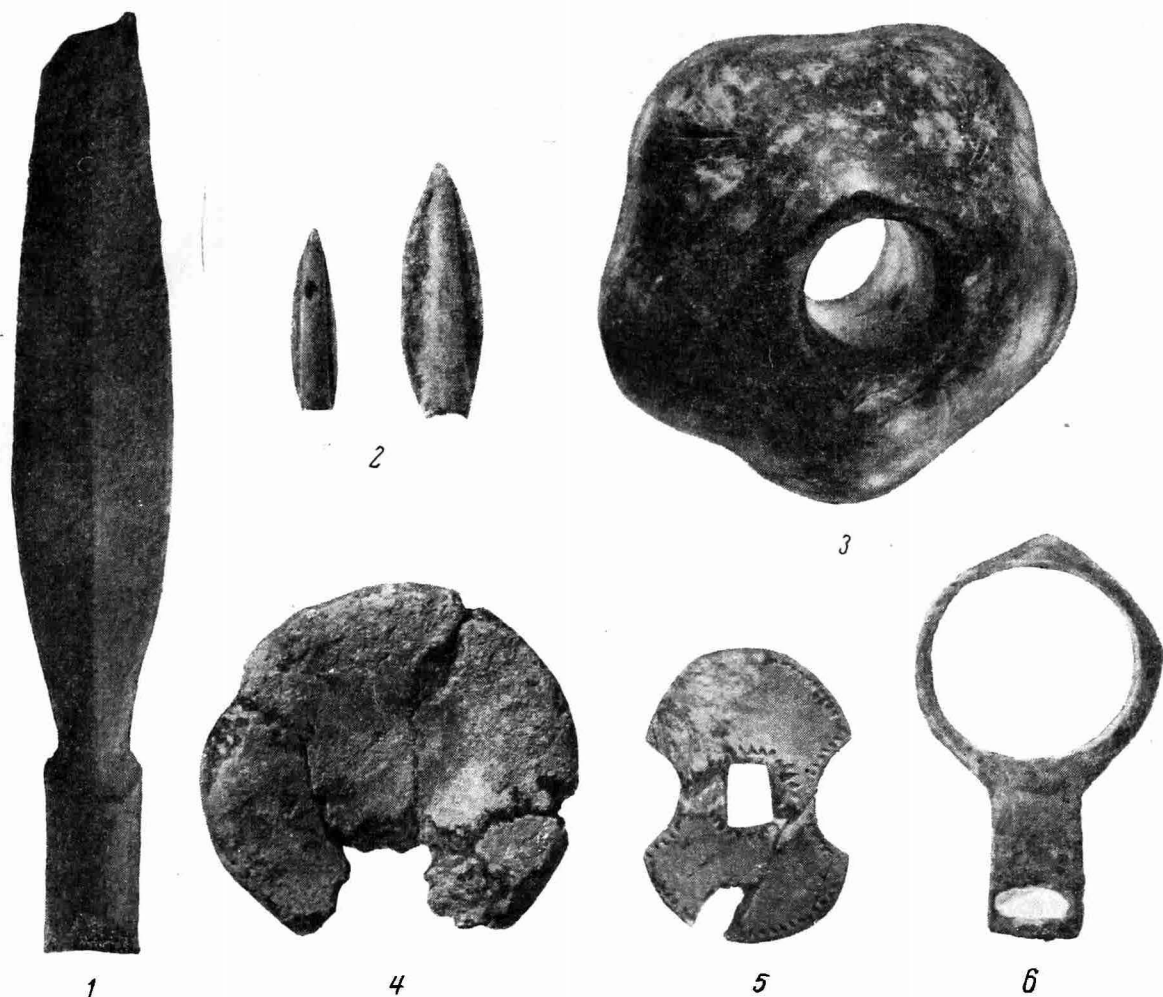

Рис. 19. Вещи из позднеандроновского поселения у дер. Малой Красноярки.

1 — бронзовый наконечник копья; 2 — бронзовые наконечники стрел; 3 — булава из твердого зеленоватого камня; 4 — глиняный тигелек; 5, 6 — костяная и бронзовая седельные пряжки из раннекочевнического погребения в андроновской землянке.

сосудов. Следует отметить только относительно меньшее разнообразие орнаментальных мотивов и меньшую композиционную сложность орнаментов, покрывающих стенки сосудов (рис. 20).

Из числа керамических изделий следует выделить маленький тигелек (рис. 19—4) и шарики из обожженной глины диаметром от 1 до 1,5 см, которых найдено 360, главным образом — в землянке. Назначение их пока неясно; возможно, они служили для гадания.

Довольно многочисленны на поселении находки изделий из бронзы. Среди них в первую очередь следует упомянуть о бронзовом серпе, обнаруженном на свалке золы и медного шлака. Это тип малоизогнутого серпа с закругленным тупым концом и двумя круглыми отверстиями для прикрепления к деревянной рукоятке. На поверхности серпа сохранились остатки знаков. Серпы такого же типа характерны для андроновских орудий¹.

¹ Б. Н. Граков. Отчет о работах (Южноуральской экспедиции). Изв. ГАИМК, вып. 110, М.—Л., 1935, рис. 67, 6.

Из бронзовых предметов вооружения на поселении найдены наконечник копья и 2 двуперых втульчатых наконечника стрел (рис. 21 — 2). Наконечник копья — листовидный, втульчатый, лезвие не отковано. Длина со втулкой — 24,5 см (рис. 19 — 1). Подобный наконечник копья впервые встречен в пределах распространения андроновской культуры. Вероятно, это неудачные поиски новой формы, но втулка получилась слишком узкая, и предмет отделять дальше не стали. Двуперые наконечники стрел с конусообразной втулкой того же типа найдены на Алексеевском поселении¹.

Изделия из рога и кости малочисленны. Это два так называемых ту-пики (один сделан из лошадиной челюсти, другой — из лошадиной бабки), роговой короткий наконечник и костяная застежка в виде стерженька с отверстием, утолщенного на обоих концах.

Каменные изделия также малочисленны. Из них особенно интересна прекрасно отшлифованная булава из черно-зеленого камня, имеющая в сечении форму пятилепестковой розетки (рис. 19 — 3). Найдены также обломок зернотерки, 2 каменных песта, кремневые скребки и отщепы.

Среди костей животных оказались кости крупного рогатого скота — 3 особи, мелкого — 4, лошади — 2, архара — 2 особи².

Весь материал 1952 г. подтверждает датировку поселения у дер. Малой Красноярки временем, более поздним, чем время Алексеевского поселения, т. е. IX—VIII вв. до н. э.

* * *

3-м отрядом экспедиции произведены раскопки курганов в следующих пунктах:

1. Могильник близ аула К а н а й. Расположен на надпойменной террасе правого берега р. Иртыша, полого спускающейся от подножия гор к болотистой пойме. Могильное поле пересекает лог, разделяя его на 2 неравные части: меньшую — восточную и большую — западную.

На могильнике обнаружены памятники 4 типов: 1) кольцевые ограды из ряда валунов, составляющие большую часть памятников; 2) овальные ограды такого же устройства, попадающиеся сравнительно редко; 3) квадратные ограды из вертикально поставленных каменных плит, представленные только одним памятником, и 4) курганы с насыпью из земли с камнями, составляющие меньшую часть захоронений. Исследования могильника начаты в 1950 г., когда были вскрыты 4 кольцевые ограды и 2 кургана. Несмотря на то, что все раскопанные могилы оказались ограбленными, выяснилось, что кольцевые ограды относятся к андроновскому времени, а курган — к периоду раннего железа, к кулажургинскому типу памятников Восточного Казахстана.

Осталось неясным, что представляют собой овальные и квадратная ограды. Желательно было также вскрыть не разграбленный курган кулажургинского типа, чтобы получить более полное представление о данной группе памятников.

В 1952 г. исследованы все 4 типа захоронений: кольцевая ограда (№ 8), 2 овальные (№ 7 и 10), квадратная (№ 9) и курган (№ 11). Ограды ока-

¹ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, вып. XVII, 1947, стр. 109.

² Привожу замечания старшего научного сотрудника Зоологического института Академии наук СССР И. М. Громова, сделавшего определение всего костного материала: «Домашние животные. Все кости, кроме найденных в погребениях, являются кухонными остатками; многие трубчатые расколоты, часть костей погрызена собаками. Преобладают кости молодых животных. Крупный рогатый скот сравнительно мелкий. Среди мелкого рогатого скота преобладают козы. Лошадь из парного погребения заметно крупнее тех, что шли в пищу».

Рис. 20. Обломки сосудов из позднеандроновского поселения у дер. Малой Красноярки.

зались андроновскими могилами, в большинстве случаев ограбленными, за исключением могилы в квадратной ограде. Курган, относящийся к памятникам кулажургинского типа, периода раннего железа, также оказался ограбленным.

Овальная ограда № 7. Овал из ряда валунов (0,9 × 0,5 м) ориентирован по длине с северо-запада на юго-восток. Валуны возвышаются над дерном на 5—40 см и углублены в землю на 20—50 см. Под дерном в центре

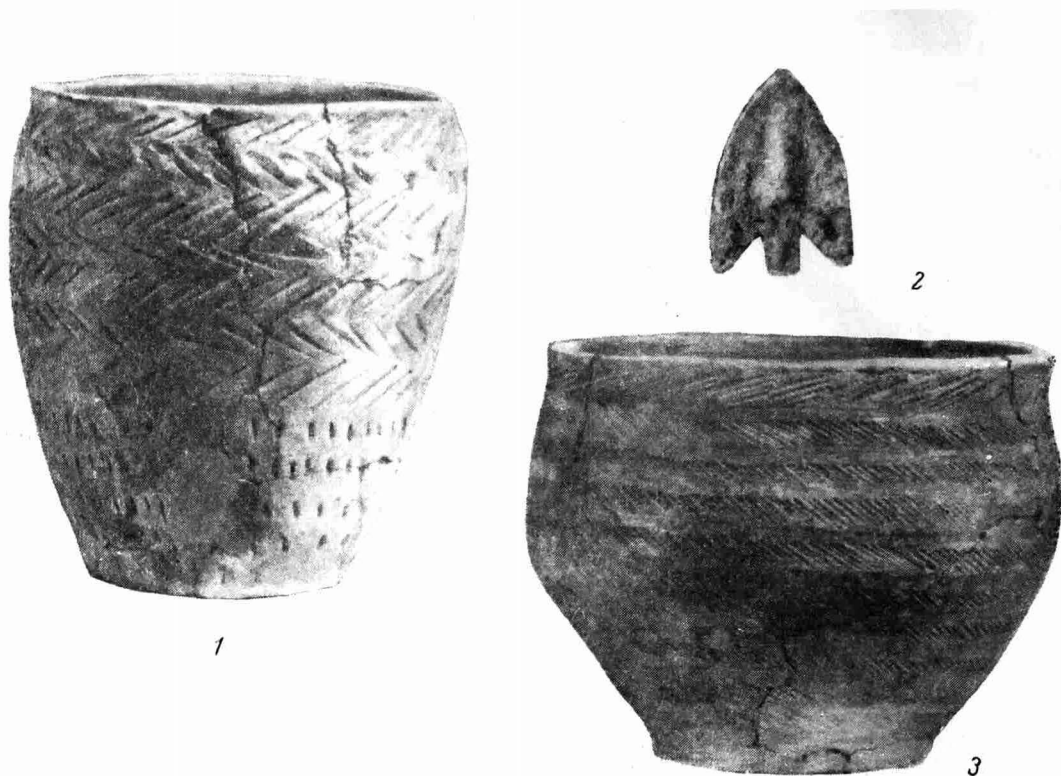

Рис. 21. Вещи из погребений у аула Канай.

1, 3 — сосуды из андроновского погребения 8; 2 — бронзовый наконечник стрелы из погребения 9.

ограды — несколько каменных плит в наклонном и вертикальном положении. Часть плит примыкала к гробнице, относящейся к погребению 1 и стоявшей поперек ограды в ее южной части.

На глубине 1,4 м обнаружена каменная гробница прямоугольной формы (погребение 1), сложенная из 9—12 слоев гранитных плиток. Размеры гробницы — 2,6 × 1,3 м снаружи и 1,9 × 0,8 м внутри, высота — 0,8 м; ориентирована по длине с запада—юго-запада на восток—северо-восток; покрыта она плитами, образующими крышку подпрямоугольной формы, размером 2,4 × 1,4 м. Северная стенка гробницы отсутствовала почти целиком; от нее остался только нижний слой лежащих плашмя плиток шириной 20—25 см.

Заполнение гробницы состояло из гранитной темносерой дресвы; ближе ко дну попадались угольки. На дне (материковая глина светложелтого цвета) найдены кости взрослого человека: бедренная, таз, плечевая, локтевая, ребра, позвонки. Кости лежали разрозненно, кроме бедер и таза, оставшихся на своем первоначальном месте. Судя по их положению, погребенный лежал на правом боку, головой на восток — северо-восток.

Могила ограблена уже после полного разложения трупа. На дне гробницы найдены: бусина из трех соединенных между собой дисковидных бус

из зеленоватой стекловидной массы и бронзовая коническая бляшка с двумя отверстиями по краям, украшенная рядом бугорков по внешнему краю.

Повидимому, из этого же погребения происходят черепки плоскодонного сосуда с разрушенной поверхностью, обнаруженные в центре ограды, на глубине 1,05 м, под упомянутыми каменными плитами, вытасненными грабителями из северной стенки гробницы и брошенными в грабительский ход, куда таким же образом могли попасть и черепки.

В северной части ограды обнаружен другой грабительский ход, направление которого позволило проследить на глубине 0,55 м от дневной поверхности наклонно лежавшие каменные плиты, а под ними — погребение 2. На глубине 1,8 м отмечены остатки деревянной гробницы, сложенной из 2 венцов бревен диаметром 10—15 см. Размеры сохранившейся части — 1,5 × 1,1 м снаружи, 1,2 × 0,75 м внутри, высота — 0,2 м; ориентирована по длине с запада—юго-запада на восток—северо-восток. На северной стенке и за западной лежали каменные плиты. Разрушены восточная часть сруба и крышка. Судя по каменным плитам в грабительском ходе и в могиле, гробница была покрыта каменными плитами. В пределах восточной части гробницы — кости молодого человека: лопатка, плечевая, таз, позвонки, ребра, эпифизы длинных костей, лежавшие разрозненно. Погребение ограблено после полного разложения трупа. Находок нет.

Кольцевая ограда № 8. Кольцо из ряда валунов; диаметр — 3,2 м. Валуны возвышаются над дерном на 5—50 см. С северной и южной сторон часть камней была перемещена и лежала внутри или вне ограды.

В северо-западной части ограды находилась каменная плита размером 1,7 × 1,2 м, задернованная по краям и выступающая из-под дерна на высоту до 8 см.

В центре ограды располагалась могила глубиной 0,9 м; граница ее не прослеживалась; заполнение — гранитная дрсва темносерого цвета.

На глубине от 0,8 м появились остатки погребения подростка примерно 13 лет: обломки черепа, ключица, ребра, позвонки, фаланги, лежавшие разрозненно. Судя по положению костей, могила была ориентирована с северо-запада на юго-восток. Среди костей найдены 2 раздавленных горшка: первый — баночный, украшенный рядом бугорков, опоясывающих венчик, и покрытый косыми нарезками в елочку, расположенными в несколько рядов в верхней части сосуда; нижняя часть до самого дна украшена рядами ногтевого орнамента (рис. 21 — 1); второй горшок — с выпуклым туловом — украшен рядом косых треугольников по краю венчика и параллельными полосами по тулову до самого дна, заполненными косыми оттисками гребенчатого штампа. Около венчика — пара отверстий, указывающих на починку сосуда (рис. 21 — 3).

Ограда № 9. Квадрат из вертикально поставленных каменных плит со сторонами 13,5 м; ориентирован по странам света с небольшим отклонением к западу. Внутри, параллельно стенкам восточной половины ограды, отступя от них на 0,95 м, сохранилась вторая стенка из таких же вертикально поставленных каменных плит. В юго-западном углу ограды — насыпь из земли с камнями, круглая, диаметром 1,5 м, высотой 0,2 м. Под насыпью — кольцевая оградка диаметром 1,3 м, под которой ничего не оказалось; на глубине 0,95 м обнаружен грунт. В центре ограды, под дерном — слой камней, окружавший могильную яму с западной и северной сторон. С южной стороны на глубине 0,2 м встречены черепки сосуда баночной формы, украшенного вдавлениями концом палочки, альчик и обломок трубчатой кости барана.

Обнаруженная грунтовая яма оказалась подквадратной формы, с закругленными углами. Размер ее — 2,1 × 2 м, глубина — 1,75 м.

В могиле — парное захоронение: мужчины (старческого возраста, андроновского типа), положенного с южной стороны, и женщины (средних лет) — с северной стороны. Погребенные лежали на спине, в скорчен-

ном положении, головой на восток; головы и колени повернуты вправо. Правая рука женщины вытянута, левая слегка согнута в локте; правая рука мужчины вытянута и лежит под левым боком женщины и под его собственными бедрами, от левой руки сохранилась только плечевая кость, а кости предплечья обнаружены в норах грызунов, черепа и челюсти которых попадались в могиле. На правом боку женщины, от плеча до бедер, лежала ножка козы, от которой сохранились сочлененные между собой лопатка и две трубчатые кости. На правом плече мужчины также лежали две несочлененные трубчатые кости козы¹.

Костяки окрашены охрой, особенно черепа, кости таза и ног мужчины. В области таза мужчины обнаружены угли.

Около правой руки мужчины найден бронзовый черешковый наконечник стрелы в комке глины, что не позволило установить его положение (рис. 21—2); около левой руки и в области ног мужчины, а также в насыпи могилы на глубине 1,6 м встречены куски охры; каменная бочонкообразная буса светлозеленого цвета обнаружена в выкиде из могилы.

Кольцевые и овальные ограды являются типичными андроновскими могилами.

2. Курганный могильник ранних кочевников близ поселка Кызыл-ту. Могильник расположен на надпойменной террасе правого берега р. Иртыша, близ поселка Кызыл-ту, Курчумского района.

При обследовании обнаружены курганы 2 типов: 1) с насыпью из земли с камнями — курганы кулажургинского типа и 2) с каменной насыпью, подобные алтайским.

Раскопанные в 1950 г. курганы — один кулажургинского типа (№ 1), другой алтайского (№ 2) — оказались ограбленными. Наименее пострадало от грабителей погребение ребенка с 2 лошадьми в кургане № 2, близкое не только по надмогильному сооружению и обряду погребения, но и по инвентарю к алтайским памятникам типа Пазырыка и Шибе.

В 1952 г. вскрыто также 2 кургана: один — кулажургинского типа (№ 3), в 120 м к юго-западу от кургана № 2, другой — алтайского (№ 4), расположенный в 20 м к югу.

Курган № 3. Округлая насыпь из земли с камнями, диаметр ее 8 м, высота 0,5 м. Признаков ограбления не отмечено.

Могильная яма — в центре кургана, вырыта в щебеночном грунте и заполнена землей со щебнем и крупными камнями, расположенными в 2 слоя на глубине от 1,15 до 1,6 м от основания насыпи. Границы могильной ямы не прослеживались; глубина ямы — 2,1 м. В яме — каменная гробница (размером 2,1 × 1,2 м снаружи и 2,0 × 0,9 м внутри, высота — 0,5 м), ориентированная с юго-запада на северо-восток. Она сооружена из вертикально поставленных сланцевых плит и покрыта такими же плитами. На дне ее — скелет взрослого человека, лежащий на спине; конечности вытянуты, голова обращена на северо-восток. Череп раздавлен; сохранились часть ребер и кости рук, за исключением правой плечевой. У северной стенки обнаружены остатки погребальной пищи — крестцы двух баранов.

Найдены разбитый глиняный кувшин с цилиндрическим горлом и остатки деревянного, цилиндрической формы сосуда со вставленным дном и ручкой.

Курган № 3 относится, повидимому, к последним столетиям до нашей эры, подобно курганам близ аулов Кула-журга и Баты, раскопанным в 1948 г.

Курган № 4. Насыпь диаметром 10 м, высотой 0,5 м. Под щебневой насыпью — кольцо крупных камней, служившее основанием кургана в момент

¹ Определение И. М. Громова.

его сооружения. Диаметр кольца — 7 м, судя по его незначительной части, вскрытой в северо-восточной полé насыпи. Остальная часть не прослежена. На кургане — явные признаки ограбления: углубление в восточной стороне насыпи — грабительская воронка и задернованная земля; к западу от центра — выкид из грабительской ямы.

В яме обнаружены трубчатые кости и ребра барана и обломок ручки глиняного сосуда.

Могила расположена в восточной части кургана; она прорезала слой глины мощностью 0,5 м, на котором особенно хорошо были видны ее очертания, и двухметровый слой щебенчатого грунта. Форма ямы подквадратная, с закругленными углами; размер 2,6 × 2,75 м в верхней части и 2,4 × 2,9 м на дне; глубина — 3 м от вершины. Заполнение ямы — земля с большим количеством щебня и крупных камней размером до 0,5 × 0,75 м.

В могиле — 2 яруса захоронений: погребения верхнего яруса — на глубине 2,1 м от вершины и нижнего — на дне; между ними — слой земли со щебнем и камнями, мощностью около метра.

Погребения верхнего яруса располагались в восточной половине несколько расширенной могильной ямы (размером на этом уровне 2,7 × 2,95 м). Здесь находились остатки 4 костяков.

Костяки № 1 и 2 лежали рядом. Около восточной стенки лежал костяк № 1 на наклонной плоскости, спускающейся на 0,25 м к западу, к костяку № 2.

Костяк № 1 (подросток 10—12 лет) обнаружен лежащим головой на север в необычном положении. Туловище было повернуто вправо; правая рука откинута в том же направлении, левая — полусогнута и лежала на туловище; правая нога находилась в слегка согнутом положении и повернута влево, а левая — вытянута и скрещивалась в бедре с правой. Череп, левая кисть и обе стопы отсутствовали.

Костяк № 2 (мужчина зрелого возраста) положен на спине, ноги вытянуты; голова ориентирована на север. От скелета были отделены предплечье в сочленении с кистью, найденное на костяке № 1, и голени, лежавшие в сочленении несколько отодвинутыми от бедер. Череп, верхняя часть позвоночника, кости рук и обе стопы отсутствовали. Около костяка № 2 найдены один из черепов и челюсть другого, а около северной стенки ямы — стопа одного из погребенных.

В головах обнаружены остатки погребальной пищи — кости барана (трубчатая, астрагал, позвонки).

Найдены: черепки кувшина, украшенного по слегка расширяющейся горловине и тулову косыми нарезками в елочку, и обломок ручки с таким же орнаментом; в северо-восточном углу могилы — раздавленный сосуд на поддоне, с 2 ручками поверх венчика (рис. 22 — 4); черепки кувшина без орнамента, кирпичного цвета снаружи и черного внутри; сосуд на поддоне, с 2 ручками по бокам, и кусочки листового золота — около северной стенки могилы.

Костяки № 3 и 4, почти полностью разрушенные, находились у южной стенки. Около середины этой же стенки лежали: череп костяка № 1, сочлененная рука без кисти и на ней разрозненно — ключицы, лопатка, ребра; сочлененная нижняя часть туловища от поясничных позвонков до таза включительно и на ней — сочлененное предплечье. Тут же обнаружена кисть руки, а отступя на 0,5 м от южной стенки — череп, слегка согнутая и обращенная коленом вправо нога (со стопой) костяка № 3, около колена — вторая стопа и тут же разрозненно лежавшие кости — большая берцовая, 3 плечевых, бедренная и остатки костяка № 4. Костяк № 3, судя по сохранившимся первоначальное положение остаткам ноги и кисти руки, лежал на правом боку, со слегка согнутыми коленями, головой на запад. Положение костяка № 4 не устанавливается.

Среди человеческих костей и к северу от них обнаружены остатки погребальной пищи — кости барана (трубчатая, астрагал, позвонки).

Найдены: кувшин, украшенный валиком, с косыми вдавлениями у основания цилиндрического горла (рис. 22—2); сырцовый на поддоне сосуд с ручкой, развалившейся на куски; севернее костяка № 3, около костей барана, — обломки бронзовой бляшки; обломки двух железных предметов с крючком на конце — в кисти руки костяка № 3; около них — кусочки красного лака; 24 белые цилиндрические бусины — в области стопы костяка № 3; кусочки листового золота — среди костей и на черепках.

Погребения нижнего яруса занимали всю могильную яму на глубине 3 м от вершины кургана. Здесь находились 3 костяка.

Полуразрушенный костяк № 1 (женщина старческого возраста) лежал вдоль северной стенки могилы, головой на запад. На первоначальном месте сохранились: череп с несколькими шейными позвонками, таз, левая нога; остальные кости смещены главным образом к восточной стенке. Тут же найдена сочлененная часть стопы. Отсутствовали позвоночник, кости рук (кроме правой плечевой), кости правой ноги. Судя по положению черепа и левой ноги, погребенная лежала на левом боку; ноги были слегка согнуты в коленях. Около таза обнаружено плоское бронзовое зеркало с круглым отверстием с одной стороны и бобовидным с другой, а в области шеи и груди — кусочки листового золота.

Костяк № 2 (мужчина средних лет) лежал на левом боку вдоль западной стенки могилы, головой на юг. Ноги согнуты и подвернуты коленями влево, руки откинута влево и скрещены в предплечьях. Сохранность костей, особенно черепа, очень плохая.

Между бедром и голенью согнутой правой ноги найден железный кинжал с прорезной рукояткой, прямым перекрестием и антеннообразным навершием (рис. 22—1); около левой стопы — обломок маленького глиняного сосуда с расширяющимся дном; куски листового золота встречены в области шеи, пояса и ног (из них куски подковообразной формы обнаружены под пятками).

Костяк № 3 (мужчина средних лет) лежал на левом боку вдоль южной стенки могилы, головой на запад. Ноги согнуты, но повернуты коленями влево, левая рука откинута в том же направлении, правая рука, полусогнутая, лежала на туловище. Сохранность костей, особенно черепа, очень плохая.

Под левым бедром найден железный кинжал с прорезной рукояткой, прямым перекрестием и, повидимому, 2 спиралью на навершии; обломки железных предметов ромбической формы обнаружены под правой стопой; кусочки листового железа — на черепе, в области шеи и груди.

В восточной части могилы найдены черепки 4 сосудов с лежавшими на них и около них костями барана — черепки сосуда на поддоне и с двумя ручками по бокам (рис. 22—3), аналогичного ему сосуда и черепки 2 кувшинов, а также роговая пронизка конусовидной формы, белая цилиндрическая бусина, полушаровидная пришивная бляшка из листового золота на бронзовой основе, обломок бронзового тисненого украшения. На дне могилы, особенно вдоль западной стенки, прослеживался слой истлевшего органического вещества, на котором находились узкие полоски листового золота и кусочки красного лака. Все 7 погребенных в этом кургане — европейцы, мезо- и брахикранного типа.

Судя по положению костяков в верхнем ярусе, можно думать, что захоронения были частично ограблены. Однако картина разграбления все же недостаточно ясна.

Курган № 4, так же как и раскопанный в 1950 г. курган № 2, относится к пазырькской культуре (в широком смысле), к ее позднему, шибинскому этапу, и может быть датирован III в. до н. э.

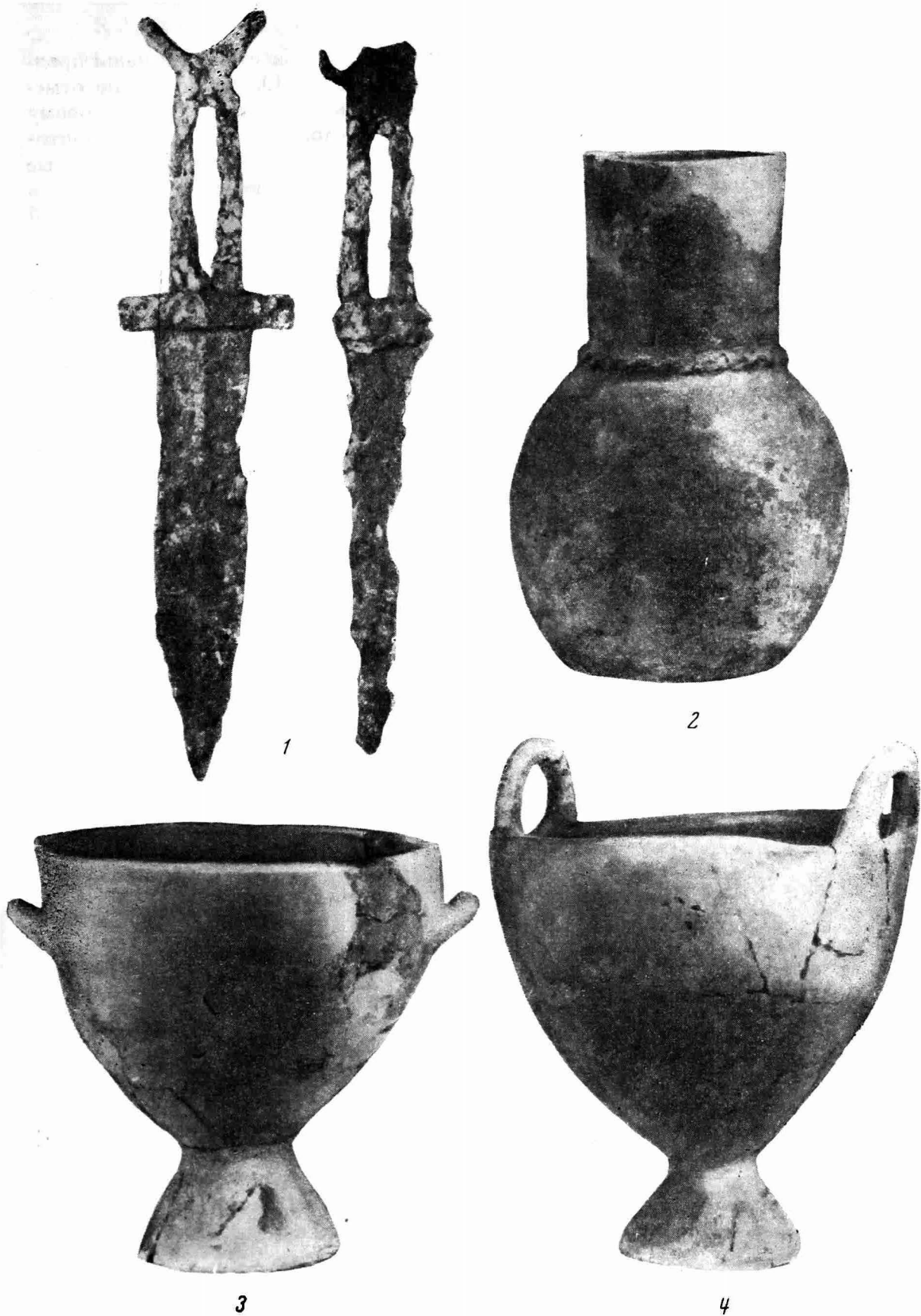

Рис. 22. Кызыл-ту. Вещи из раннекочевнического погребения.
1 — железные кинжалы; 2—4 — глиняные сосуды.

Работы экспедиции 1952 г. во многом расширили и уточнили наши представления о древней истории Восточного Казахстана. Особенно нужно отметить находку мустьерских орудий у аула Канай, которая позволяет по-новому поставить вопрос о первоначальном заселении человеком огромной территории Казахстана. Видимо, еще до конца последнего оледенения отдельные группы неандертальцев в поисках лучшей охоты проникали все дальше и дальше на север от горных долин Средней Азии, пока не достигли верховий Иртыша.

Работы будущих лет должны подтвердить правильность этой гипотезы, однако после находки у аула Канай ясно, что историю развития человеческого общества в Казахстане мы сейчас должны начинать на несколько десятков тысячелетий раньше, чем это было возможно до сих пор.

Много новых и интересных материалов дали и остальные объекты раскопок 1952 г., особенно курган № 4 (у поселка Кызыл-ту) с его коллективным захоронением и глиняными котлами «скифского» типа.

Восточно-Казахстанская экспедиция 1952 г. положила начало широким археологическим работам в верховьях Иртыша.

В. М. МАССОН

ПОСЕЛЕНИЯ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА
В ДЕЛЬТЕ МУРГАБА

Одним из важнейших вопросов древней истории Средней Азии является вопрос о времени широкого освоения оседлым земледельческим населением течения крупных рек. Работы советских археологов показали, что такое освоение — явление сравнительно позднее и что ему предшествовал длительный период использования для поливного земледелия небольших речек и ручьев. Например, в результате многолетних исследований С. П. Толстова в Хорезме можно говорить о широком освоении дельты Аму-Дарьи оседлыми земледельцами лишь с середины I тысячелетия до н. э., когда здесь создается развитая система каналов. Значительный интерес для исследования представляет также район дельты Мургаба, известный античным авторам под именем Маргианы. В 1954 г. древнемаргианские поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа изучались 14-м отрядом ЮТАКЭ. Они расположены в основном в северной части Мургабских земель древнего орошения. В 1904 г. некоторые из них были обследованы американской экспедицией¹, не определившей, однако, их датировки, несмотря на ближайшие аналогии с материалом раскапывавшегося той же экспедицией южного холма Анау. В 1937 г. Б. Б. Пиотровским вскрыты слои времени Анау IV в Гяур-кале². Широкую разведку этих памятников провела ЮТАКЭ в 1949 г. (С. А. Вязигин) и 1951—1953 гг. (М. Е. Массон), когда был открыт целый ряд новых пунктов и более обстоятельно исследованы ранее известные³.

Археологическая разведка обеспечила организацию в 1954 г. стационарных раскопок древнемаргианских поселений.

Из числа обследованных в 1954 г. памятников наиболее раннее поселение Тахирбай 3 расположено в 12 км к северу от колодцев Кишман. Здесь получен яркий и своеобразный археологический комплекс, ранее неизвестный для территории Маргианы. Разведочными раскопками вскрыта часть 2 помещений, построенных из сырцового кирпича. Почти вся керамика изготовлена на гончарном круге. Ведущими формами ее можно считать вазы на высоких полых ножках, кубки (обычно серого цвета) с подкошенной придонной частью и шаровидные сосуды с отогнутым наружу венчиком и

¹ E. Huntington. Description of the Kurgans of the Merv Oasis. В кн. R. Pumpelly. Explorations in Turkestan, v. 1. Washington, 1908.

² Б. Б. Пиотровский. Разведочные раскопки на Гяур-кала в Старом Мерве. Материалы ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949, стр. 35—41.

³ М. Е. Массон. О работах Южно-Туркменистанской археологической экспедиции. Тезисы докладов на сессии Отделения истор. наук и пленуме ИИМК Академии наук СССР, посв. археологич. и этнографич. исследов. 1953 г. М., 1954, стр. 42—45.

скошенной придонной частью, дающей в разрезе вогнутую выкружку. Распространен нарезной волнистый орнамент. Кроме керамики, найдены фрагмент терракотовой статуэтки коровы, носик сосуда, оформленный в виде головы змеи, каменное пряслице и бронзовая булава. Керамический материал дает ближайшие аналогии Намазга VI¹, что позволяет относить поселение Тахирбай 3 ко 2-й половине II тысячелетия до н. э. Подтверждением сравнительно поздней даты является находка в раскопе фрагмента сосуда ручной лепки, со штампованным орнаментом, имеющего ближайшие аналогии в андроновской керамике. Раскопки на поселении Тахирбай 3 показывают, что начальные этапы освоения дельты Мургаба оседлыми земледельцами относятся во всяком случае к периоду поздней бронзы.

Более поздние древнемаргианские поселения, где в подъемном материале есть керамика, аналогичная керамике Анау IV, расположены 3 группами, соответствующими 3 земледельческим оазисам древности. Наиболее крупным поселением восточной группы является Тахирбай-депе, центром средней группы было, надо полагать, поселение Яз-депе, а центром западной — Арвали-депе. Поселения получали воду из каналов, остатки которых особенно хорошо видны в центральной группе.

Стационарные раскопки в 1954 г. были организованы на поселении Яз-депе, расположенном в 34 км к северу-северо-западу от Байрам-Али. Яз-депе состоит из цитадели и прилегающих к ней бугров. Цитадель имеет в плане форму прямоугольника со срезанным углом и достигает в высоту 12 м. Бугры высотой до 4 м расположены к югу и северо-востоку. Они неправильных очертаний и не образуют единого массива, а как бы разбросаны «пятнами». Цитадель и основная часть поселения занимают площадь около 16 га. Однако небольшие всхолмления, усеянные фрагментами древнемаргианской керамики, распространены на значительно большей территории.

При раскопках 1954 г. были поставлены две основные цели: получение стратиграфической колонки культурных слоев и начало раскопок широкими площадями зданий верхнего слоя. Работы производились на цитадели — раскоп I (60 кв. м) по склону холма и раскоп II (120 кв. м), захвативший наиболее высокую точку в южной части сооружения. Кроме того, на южном массиве были заложены: 2 шурфа (3 × 5 м), раскоп III (200 кв. м) в северной части этого массива и раскоп IV (85 кв. м) — в южной.

В результате раскопок на поселении установлены три стратиграфических комплекса, соответственно названных Яз-I, Яз-II и Яз-III. Мощность культурных слоев в месте раскопок достигает 8 м.

В комплексе Яз-I, в слое, лежащем непосредственно на материке, преобладает керамика ручной лепки, распадающаяся на 3 группы: нерасписная, расписная и, сравнительно немногочисленная, керамика серого цвета, с лощеной поверхностью. В тесто сосудов двух первых групп замешан шамот. Цвет изделий — желтовато-розовый с различными оттенками. Роспись производилась темнокоричневой, коричневой и красно-бурой красками по зеленовато-белому фону. Преобладает мотив треугольника, заполненного сеткой или косыми линиями (рис. 23). Фрагменты посуды, сделанной на круге, в слое Яз-I встречаются сравнительно редко, особенно в самых нижних горизонтах. Постепенно, однако, процент ремесленной керамики увеличивается, и одновременно исчезает расписная. В верхних горизонтах слоя Яз-I найдены бронзовые изделия: иголка с ушком и черешковый наконечник стрелы с двумя шипообразно опущенными лопастями (рис. 24).

В комплексе Яз-II почти вся керамика, кроме кухонных котлов, изготовлена на гончарном круге. Черепок — красного цвета; снаружи сосуды покрывались беловатым ангобом; ведущие формы керамических изделий —

¹ Б. А. К у ф т и н. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культуры Анау». Изв. Академии наук Туркм. ССР, № 1, Ашхабад, 1954, стр. 25.

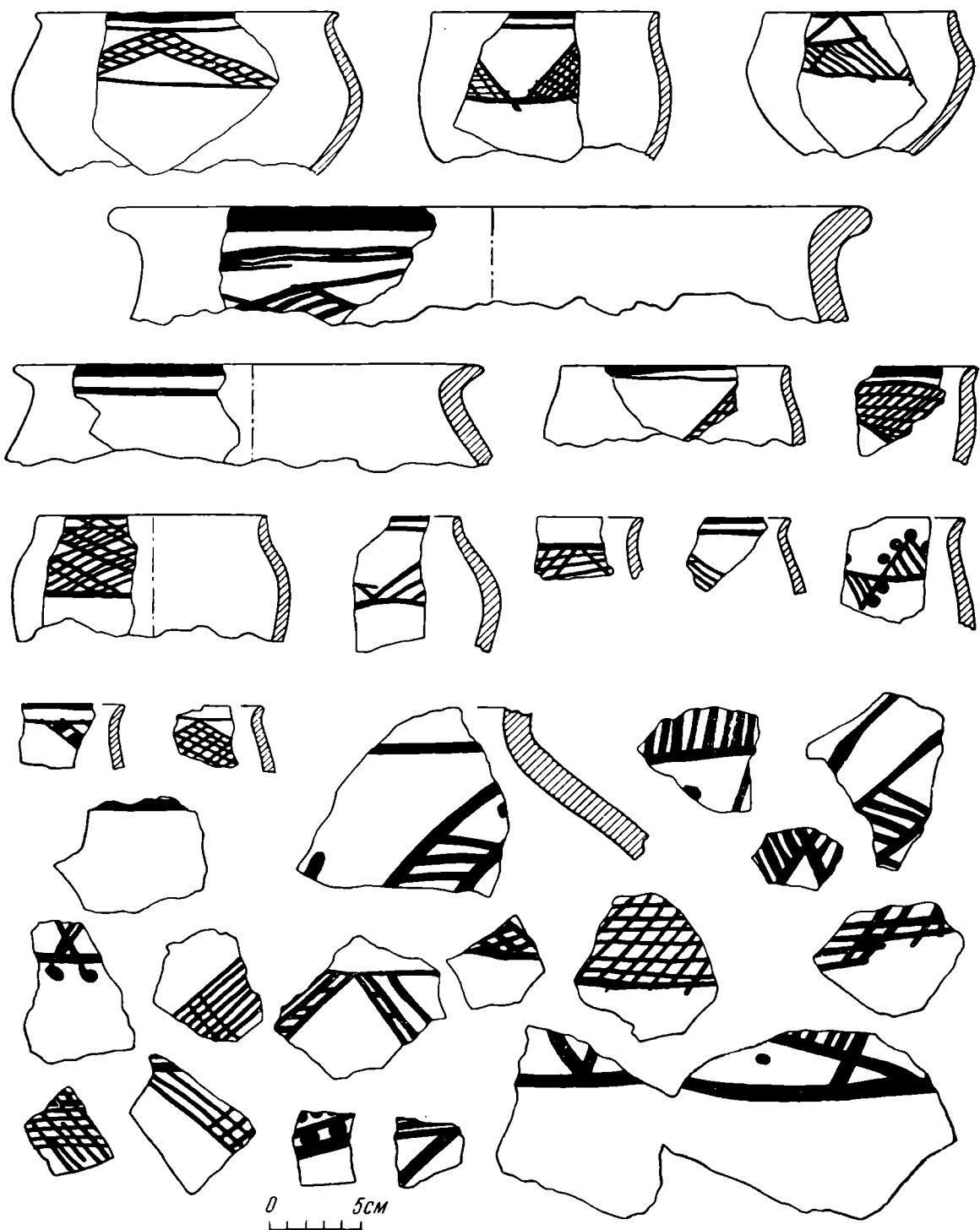

Рис. 23. Расписная керамика типа Яз-І.

сосуды с подкошенной придонной частью (банкообразные, а также хумы, хумчи и др.). Венчики хумов резко отогнуты наружу и крючкообразны в профиле. В слое Яз-II найдены бронзовые кольца и двуперые наконечники стрел с выступающей втулкой.

Комплекс Яз-III (рис. 25) по существу является лишь поздним вариантом комплекса Яз-II. Основные формы керамики сохраняются, но становятся более вычурными. Появляются низкие тарелочки с изогнутыми бортиками,

отсутствующие в слое Яз-II. Венчики хумов получают в разрезе вид уплощенных валиков. К этому комплексу относится находка в раскопе III клада железных изделий, в основном боевых топоров с проушинами (рис. 26).

Проведенные в 1954 г. раскопки на Яз-депе, таким образом, дают возможность наметить стратиграфическую колонку последовательной смены культурных слоев, что позволяет подойти к изучению исторического развития и самого Яз-депе, и всего района дельты Мургаба в целом. Рассматривая стратиграфию Яз-депе, следует отметить, что она находит близкие аналогии в раскопках южного холма Анау, которые теперь, в свете работ Б. А. Куфтина на Намазга-депе¹, получают существенные уточнения. Непосредственно под слоями Анау IV, соответствующими Яз-II и Яз-III нашей классификации, в южном холме шел слой с керамикой, сделанной ст руки и покрытой росписью². Эта керамика идентична материалам из слоев Яз-I. Показательно, что ниже этого слоя в южном холме Анау найдены фрагменты сосудов, принадлежащих культуре Намазга VI, не замеченной американской экспедицией и включенной ею в непомерно разросшееся Анау III³.

Раскопки на Яз-депе позволяют говорить о генетической связи Яз-I и Яз-II (т. е. слоя расписной керамики и Анау IV), чего пока на материале подгорной полосы установить не удавалось.

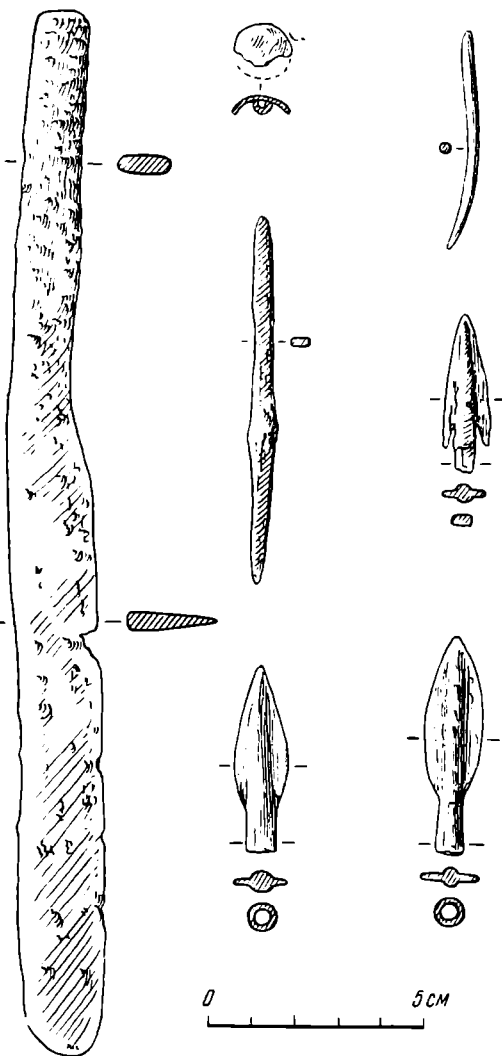

Рис. 24. Бронзовые изделия из цытадели Яз-депе.

Верхняя дата культурных слоев Яз-депе, как нам кажется, может быть определена IV веком до н. э. В слое Яз-III, содержащем остатки лишь одного строительного комплекса, появляются формы сосудов, близкие парфянской керамике Гяур-калы (тарелочки с изогнутыми бортиками). Очень существенно также взаимоотношение древнемаргианских поселений и стены, построенной в конце III в. до н. э. Антиохом I для обороны Мервского оазиса. Остатки этой стены впервые были обследованы ЮТАКЭ еще

¹ Б. А. Куфтин. Указ. соч.

² R. Pumpelly. Explorations in Turkestan, v. 1. Washington, 1908, табл. 35, 8, 9.

³ Таковы, например, фрагменты с нацарапанным волнистым орнаментом (табл. 12, 1, 2), хумы (табл. 19, 2, 4, 7) и фрагменты керамики тазабагыяско-андроновского типа (табл. 16, 7, 9).

в 1946 г.¹ Почти все древнемаргианские поселения, в том числе и Яз-депе, расположены к северу от этой стены, т. е. вне пределов оазиса III в. до н. э. К этому времени центральная и, видимо, восточная группы памятников уже были заброшены. Таким образом, имеющиеся данные взаимно подтверждают правильность отождествления стены, обследованной ЮТАКЭ, со стеной Антиоха и дату древнемаргианских поселений.

Находки втульчатых двуперых наконечников стрел в слоях Яз-II подтверждают датировку Анау IV 2-й четвертью I тысячелетия до н. э., предложенную Б. Б. Пиотровским. Комплекс Яз-II, вероятно, следует датировать VII—V вв. до н. э. Керамика Яз-II и Яз-III, кроме слоев Анау IV и нижних

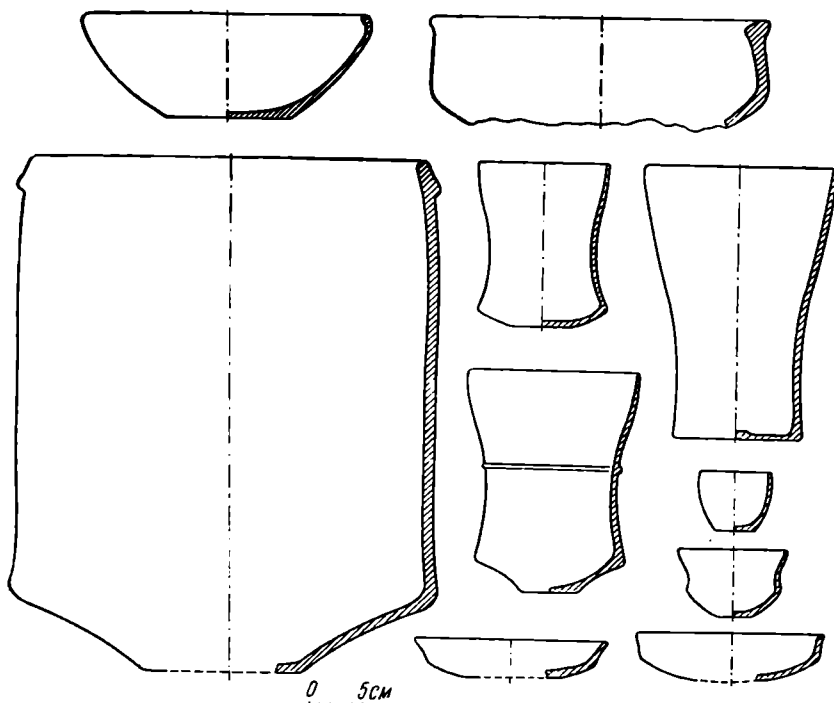

Рис. 25. Керамика типа Яз-III.

горизонтов Гяур-калы, находит прямые параллели в материале из долины Зеравшана (Афрасиаб I)², Северной Бактрии (Кобадан I)³ и Хорезма (Кюзели-гыр)⁴, что подтверждает предлагаемую датировку. Нижние слои Яз-депе (Яз-I) соответственно следует относить к началу I тысячелетия до н. э.

Опираясь на изучение стратиграфии, уже в 1954 г. удалось наметить некоторые моменты истории поселения Яз-депе. Очень интересны оказались раскопки цитадели. В раскопе I, заложенном по склону холма, установлено наличие массивной кладки из сырцового кирпича $54 \times 30 \times 10$ см, прослеженной на высоту до 6 м и в длину до 26 м. Эту кладку следует считать краем платформы, лежащей в основании цитадели. В раскопе II, захватившем наиболее высокую точку южной части цитадели, вскрыты узкие прямоугольные помещения (ширина 2,4—2,5 м), разделенные толстыми стенами из продолговатого сырцового кирпича и, видимо, перекрытые сырцовыми сводами. Комнаты были возведены непосредственно на платформе,

¹ С. А. Вязигин. Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы. Труды ЮТАКЭ, т. 1, Ашхабад, 1949.

² А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИМК, XXXIII, 1950, стр. 152—169.

³ М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении р. Кафирнигана (Кобадан). МИА, № 37, 1953, стр. 253—293.

⁴ М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма рабовладельческой эпохи. Автореферат диссертации. КСИЭ, XXII, 1955, стр. 72—74 и рис. 1.

прослеженной на глубину 3,2 м от пола помещений, причем кладка продолжается и ниже. Вскрытые помещения являются по всем признакам лишь частью монументального здания, состоявшего из многих комнат.

По стратиграфии поселения керамика, встреченная в раскопе II, соответствует переходному этапу от Яз-I к Яз-II. Кроме керамики, здесь найдены различные бронзовые изделия: нож с длинным черешком, иглы, нашивные бляшки, наконечники стрел двух типов (двуперые втульчатые и черешковые с шипообразно загнутыми концами). Судя по полученному материалу, цитадель возникла, вероятнее всего, в переходный период от Яз-I к Яз-II, т. е., очевидно, в VIII—VII вв. до н. э. Интересно, что в раскопе II отсутствуют более поздние слои, хотя керамика Яз-II в большом количестве встречается в других местах цитадели.

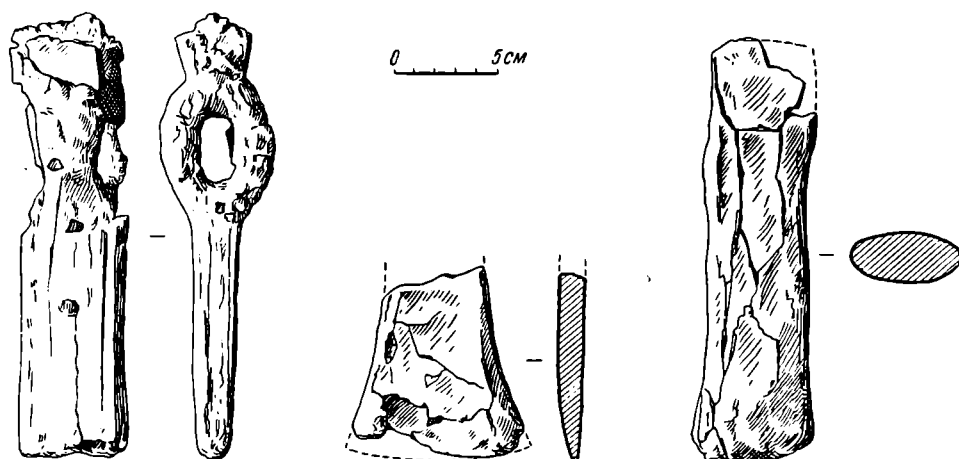

Рис. 26. Железные изделия из слоя Яз-III.

На территории самого поселения в раскопе III обнаружены части 2 домов, относящихся к комплексу Яз-III. Стены домов глинобитные, обычно тонкие (около 30 см), что свидетельствует о сравнительно небольшой высоте помещений. Внутри комнат найдены каменные зернотерки, кости животных, кухонные котлы, различная другая посуда и вкопанные в пол хумы. Наиболее интересна находка упоминавшегося выше клада железных изделий. Под полом одной из комнат расчищено скорченное погребение, ориентированное головой на юго-юго-восток.

В результате работ на раскопе IV установлено, что в поселении, во всяком случае в период Яз-II и Яз-III, не было специальных оборонительных сооружений. На краю его обнаружены лишь тонкие стенки жилых строений.

Таковы в общих чертах результаты раскопок 1954 г. на Яз-депе.

Судя по подъемному материалу, уже в период Яз-I осваиваются упомянутые выше центральный и западный оазисы, что связано с проведением больших каналов. Культурные традиции, проявившиеся в керамике, характере построек, обычае погребения под полом, свидетельствуют о тесных связях древних маргианцев с анаускими племенами Ахада и Атека. Вероятно, оттуда, с юго-запада, а также и с юга¹, шло заселение дельты Мургаба, о чем можно судить, в частности, и по культуре поселения Тахирбай 3, являющейся местным вариантом подгорной культуры Намазга VI. Возможно, что в результате дальнейших работ в дельте Мургаба будут обнаружены остатки более древних поселений земледельцев, но едва ли эти поселения были особенно значительны. Широкое освоение дельты крупной реки связано с проведением ирригационных работ, требующих сложной

¹ Поселение типа Анау II — Намазга II известно в районе Серакса.

организации общественного труда и значительного развития производительных сил. Вероятно, не случайно такое освоение происходит в период поздней бронзы и раннего железа не только в дельте Мургаба, но и в Юго-западной Туркмении, где выводятся каналы из Атрека (культура архаического Дахистана). Надо полагать, что именно к этому периоду следует относить начало сложения классового общества на территории Южной Туркмении.

Союзы общин, освоившие под земледелие новые территории, со временем сменяются примитивными государственными образованиями, границы которых, по справедливому замечанию М. М. Дьяконова, первоначально совпадали с границами ирригационных систем¹. Хронологические пределы этого процесса еще предстоит уточнить. На наш взгляд, о значительной социальной дифференциации свидетельствует появление на Яз-депе цитадели, выстроенной на мощной платформе и противопоставляющейся остальному массиву поселения. Яз-депе — один из крупнейших древнемаргианских памятников, — бесспорно, было большим экономическим, а, возможно, и административным центром доахеменидской и ахеменидской Маргианы. Дальнейшее изучение этого памятника, как и продолжение работ на других древнемаргианских поселениях, представляет несомненный интерес.

---

¹ М. М. Дьяконов. Сложение классового общества в Северной Бактрии. СА, XIX, 1954, стр. 138.

Б. А. ЛИТВИНСКИЙ

ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТАХ В ВАХШСКОЙ ДОЛИНЕ И В ИСФАРИНСКОМ РАЙОНЕ (В ВОРУХЕ)

В составе ТАЭ в 1954 г. работали, в числе других, Хуттальский отряд — на юге Таджикистана и отряд по сбору материалов для археологической карты — на севере республики¹. Эти отряды занимались изучением памятников оседлого и кочевого населения эпохи рабовладельческого общества, а также средневековья. Ниже дается краткая характеристика некоторых сторон проведенных работ.

На юге республики, на территории, где в древности располагалась Северная Бактрия, производились раскопки двух городищ — Кухна-кала² и Кум-тепе. Оба они лежат на краю верхней террасы Вахша, близ Ворошиловабада. Городище Кухна-кала характеризуется четким рельефом, редким для памятников Таджикистана (рис. 27).

Была поставлена задача выявить планировку городища на большой площади. Раскоп I занимал 1600 кв. м. Здесь вскрыто 17 помещений и осталось не вскрытыми, судя по микрорельефу, еще несколько (вероятно, — три-четыре). Кроме того, завершены раскопки внутрибашенного помещения и обнажен (на коротком отрезке) внешний фас северной стены (рис. 28).

Важным элементом планировки участка служил прямоугольный двор, вытянутый с севера на юг. В целом комплекс представлял образец довольно сложного планировочного решения. Варьируя размер помещений, связывая комнаты и группы их полосами коридоров, строитель проявил незаурядную творческую изобретательность. В планировке комплексов чувствуется определенный архитектурный ритм.

Изучение многочисленных помещений подтвердило вывод, сделанный в результате раскопок 1953 г., о том, что комплекс сооружений не был достроен. Нигде не обнаружено обмазок пола; штукатурка сохранилась только в нижней части стен, которые, очевидно, были доведены до уровня перекрытия, и на этом строительство прекратилось. В заполнении помещений встречены лишь отдельные фрагменты керамики на полу и в слоях разрушения. В двух комнатах на полу обнаружены следы погребений. Аналогичная картина наблюдалась и в раскопе в юго-западной части памятника.

Эти наблюдения, подкрепленные характером рельефа, однородного на всей площади, делают весьма вероятным приведенное выше заключение, что

¹ Отряды работали под руководством автора настоящего сообщения.

² Описание городища и данные о раскопках 1953 г. см. Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Вахшской долины в 1953 г. Докл. АН Тадж. ССР, вып. 11, Сталинабад, 1954, стр. 53—60.

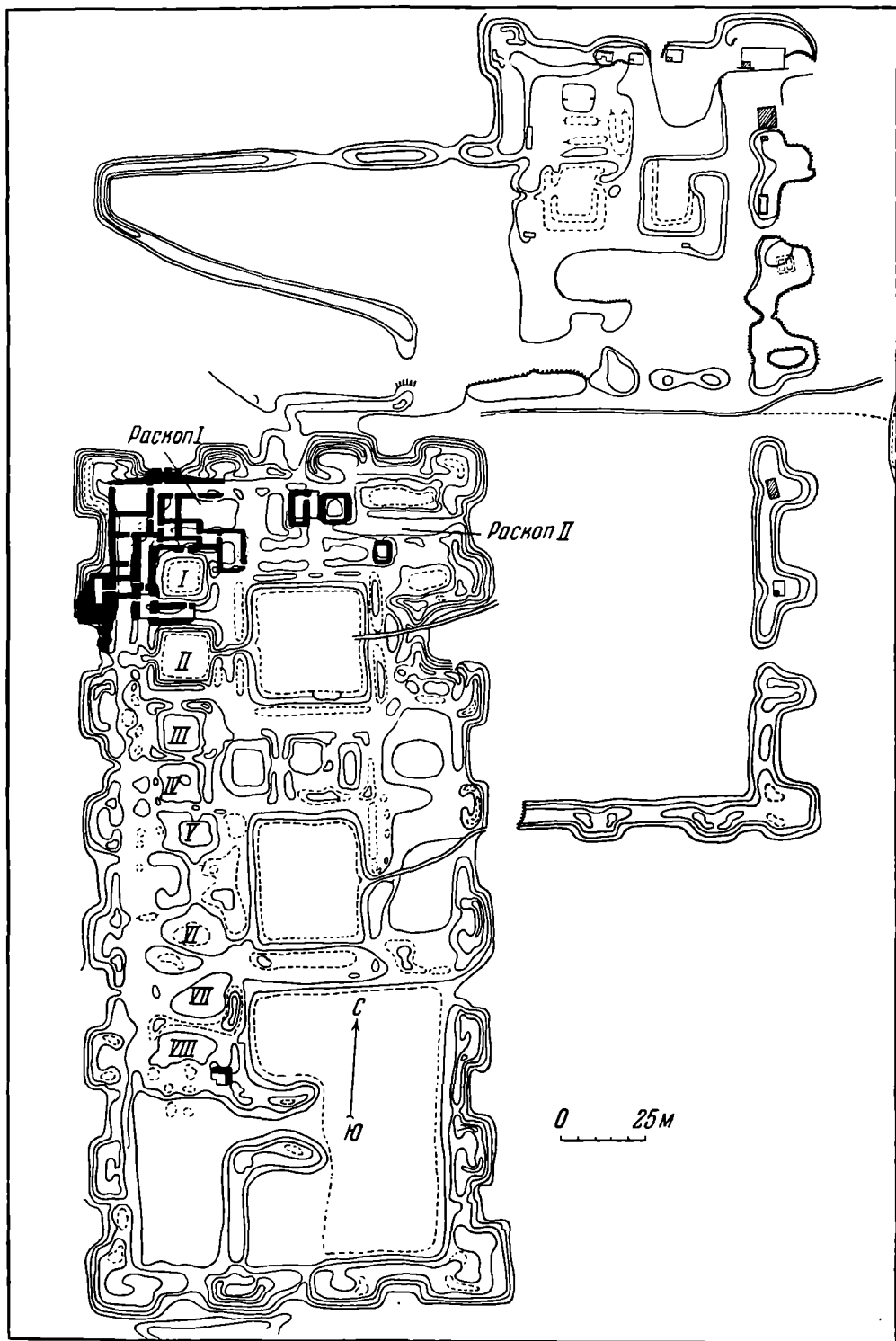

Рис. 27. План городища Кухна-кала. (Черным выделены стены раскопанных помещений).

комплекс сооружений был недостроен и необжит (разумеется, до раскопок городища в целом нельзя быть уверенным, что все помещения не были закончены). В силу каких-то причин строительство было приостановлено, и сооружения оказались заброшенными. Через некоторое, — впрочем, едва ли очень продолжительное, — время отдельные комнаты были использованы окрестным населением в качестве погребальных камер.

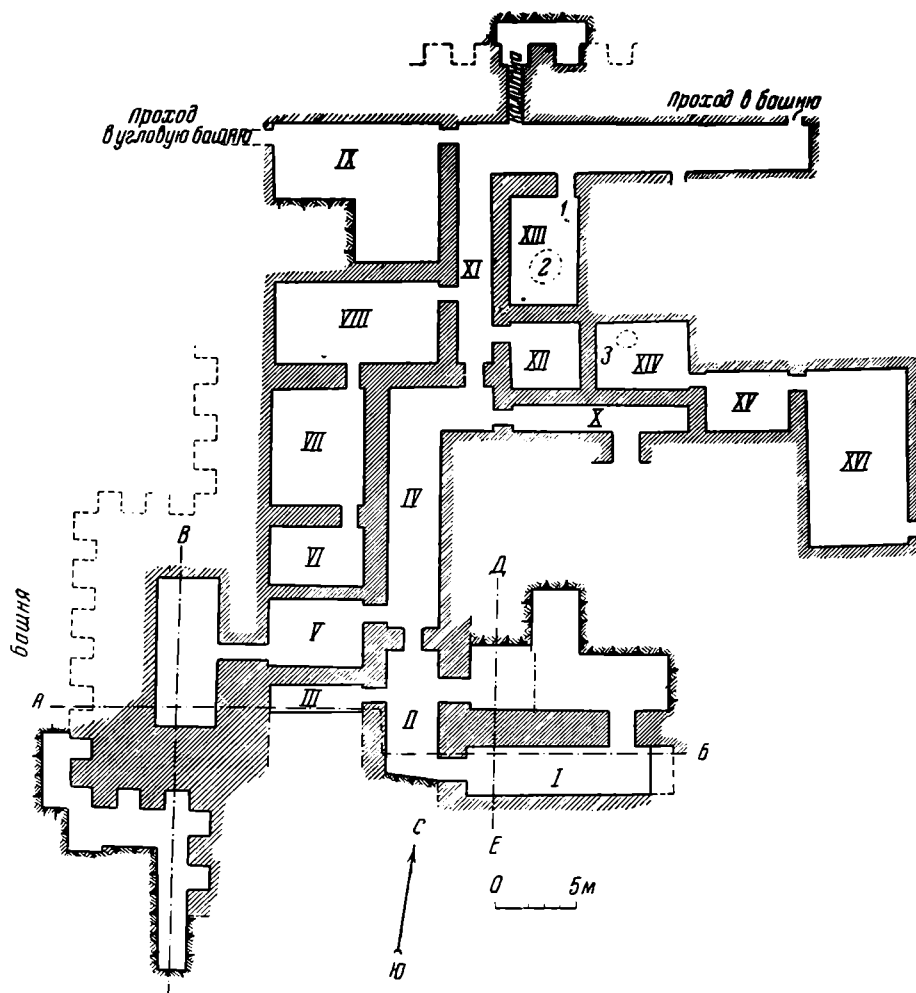

Рис. 28. Городище Кухна-кала. План расположения помещений, вскрытых на раскопе II.

1 — место находки бронзового браслета (помещение XIII); 2 — скопление человеческих костей, бусы, керамика (помещение XIII); 3 — место находки бронзовых серег, поделок, человеческих костей и керамики (помещение XIV).

Любопытную параллель мы находим в Хорезме. Работами Хорезмской археолого-этнографической экспедиции для городища Калалы-гыр I установлены 3 периода существования: «1) период строительства, которое, однако, осталось незавершенным (конец V в.—начало IV в. до н. э.); 2) период частичного заселения здания, прерванный какой-то катастрофой, связанной с большим пожаром (IV—III вв. до н. э.); 3) период использования стен городища и здания для оссуарных захоронений (III в.—начало IV в. н. э.)»¹.

Раскопки 1954 г. позволили уточнить и отчасти расширить представления о фортификационной системе Кухна-калы. Благодаря расчистке внутрибашенного помещения установлена величина башни. Ее размеры должны были равняться в длину примерно 17 м (с выступами — почти 20 м);

¹ Сессия, посвященная итогам археологических и этнографических исследований 1953 г. СЭ, 1954, № 3, стр. 89 (Хроника).

она выдается из стены на 7,4 м (с выступами — около 9 м). Куртины, по ориентировочному подсчету, достигали 16—18 м длины. Следует отметить, что дополнительные выступы располагались на углах башен по типу «ласточкина хвоста».

При сопоставлении с фортификационными сооружениями городища Кей-Кобад шах укрепления Кухна-калы оказываются значительно более мощными. При одинаковой примерно толщине крепостной стены (даже если считать без выступов) башни здесь более крупные (на городище Кей-Кобад шах они снаружи имеют размер всего 13×6 м) и расположены чаще (куртины короче на 2—6 м); кроме того, стены и башни снабжены дополнительными выступами. Размер башен и частота их расположения в Кухна-кале почти точно такие же, как в Беграме¹, являвшемся крупным центром.

Вторая, северо-восточная площадь Кухна-калы также обведена стеной. Здесь наряду с башнями, по внешнему виду похожими на башни первой площади, есть и резко отличные от них. Форма башен восточного фаса, а также микрорельеф их верхней площадки указывают как будто на то, что выступ башни за плоскость стены достигал длины самой башни по фронту или даже, скорее, превосходил ее, причем внутрибашенные помещения были не вытянуты вдоль стены, а поставлены по отношению к ней перпендикулярно. Обращает на себя внимание также расположение башен на юго-восточном углу, приближающееся к типу «ласточкина хвоста».

Характеристика оборонительной системы Кухна-калы была бы неполной, если не отметить еще несколько деталей. Судя по микрорельефу, вдоль всего южного и половины восточного фасов первой площади, отступя на 10—15 м от линии башен, по краю оврага шла вторая — внешняя — оборонительная стена, сейчас сохранившаяся в виде небольшого прерывающегося вала. Так как западная стена отстояла от обрыва террасы Вахша на 60—70 м, для усиления обороны с этой стороны вдоль обрыва было поставлено несколько башен-фортов, имеющих сейчас вид оплывших бугров. Все это значительно усиливало фортификацию Кухна-калы в целом, а первой площади — в особенности. Характерно, что дополнительные сооружения располагались там, где первая площадь не была включена в систему оборонительной стены второй площади.

Тщательному повторному обследованию подвергся микрорельеф первой площади. Данные о соотношении отдельных элементов микрорельефа и реальной планировки, полученные на участке раскопа I, позволили сделать попытку реконструкции планировки.

Таким образом, работы 1954 г. подтвердили выводы и наблюдения первого года раскопок и значительно расширили наши представления о памятнике.

Отметим особое значение, которое имеет решение вопроса о датировке памятника. Наличие в погребальном инвентаре захоронения, обнаруженного в 1953 г., монеты «безымянного царя» свидетельствует о том, что памятник был возведен до нашей эры. Сопоставление фортификационной системы Кухна-калы с укреплениями двух ближайших изученных бактрийских городов — Кей-Кобад шаха, возникшего в III в. до н. э., и Беграма, основанного, видимо, несколько позже, выявляет большую близость к Беграму².

В Кей-Кобад шахе при раскопках обнаружены пристроенные к углам башен прямоугольные выступы, которые не служили контрфорсами. Как известно, ремонт укреплений Кей-Кобад шаха производился близ рубежа

¹ R. Ghirshman. Bégram. Recherches archéologiques et historiques sur les Kouchans. Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan, t. XII, Caire, 1946, стр. 16 и сл.

² Интересно, что среди знаков на кирпичах в Кухна-кале превалирует знак, варьирующий греческую букву θ ; в Беграме на кирпичах стоит тот же знак. Разумеется, это деталь, но показательная.

нашей эры. Представляется, что эти выступы являлись как бы отголоском той фортификационной схемы, которая нашла воплощение в Кухна-кале. Следовательно, Кухна-кала скорее всего должна датироваться II в. — началом I в. до н. э.

Этот памятник, меньший по размерам, чем Кей-Кобад шах, обладал более мощными укреплениями, обеспечивавшими исключительно сильную защиту. Учитывая и беграмский материал, мы полагаем, что следует поставить вопрос о значительном прогрессе фортификационной техники Бактрии в III — II вв. до н. э. Одной из причин этого, несомненно, была возросшая опасность нападения кочевников с севера. Не было ли связано начало строительства Кухна-калы с тем периодом, когда «огромные полчища кочевников», которыми когда-то пугал Евтидем Антиоха III, уже были готовы к вторжению? Такая догадка кажется очень вероятной. Если принять это предположение, то временем возведения Кухна-калы следует считать 3-ю четверть II в. до н. э. Тогда станут понятными причины недостроенности и необжитости сооружений — тохарское завоевание.

Все изложенное о датировке и обстоятельствах сооружения Кухна-калы служит, разумеется, лишь рабочей гипотезой, возникшей в процессе раскопок. Но если она правильна, то этот памятник приобретает чрезвычайно важное историческое значение — свидетельства о характере и последствиях завоевания тохарами Бактрии.

Мы не имеем возможности остановиться на всех других вопросах и проблемах, связанных с изучением городища. Например, чрезвычайно показательна, что вся застройка была произведена по единому генеральному плану; характерна органическая связь планировки с фортификационной системой.

Рассматривая фортификационную схему Кухна-калы с точки зрения требований, предъявляемых военными теоретиками западной части эллинистического мира (Филон Александрийский и др.)¹, можно констатировать высокий уровень бактрийской фортификации.

* * *

Городище Кум-тепе расположено также несколько отступая от обрыва террасы Вахша. Оно как бы втиснуто между двумя глубокими и крутыми оврагами, перерезывающими террасу с востока на запад. Удачное использование рельефа усилило неприступность укреплений. Центральная часть городища прямоугольная (71 × 85 м). Башни помещались по углам и в середине сторон. В середине восточной стороны были ворота, фланкированные башнями. Внутри городища рельеф почти совершенно сглажен. Рельеф площадки к востоку от городища довольно сложен. При его анализе возникает предположение, что этот рельеф скрывает какие-то стены (и башни?), предназначенные для усиления обороны ворот (рис. 29).

Для выяснения фортификационной системы Кум-тепе было решено провести раскопки средней по размерам юго-восточной башни. Затем раскоп пришлось расширить, так что по длине он охватил весь участок до городских ворот (рис. 30).

На этом участке укрепления состояли из двух рядов стен, расположенных на расстоянии 1,95—2,05 м друг от друга. Перекрытое сводом пространство между ними образовывало «внутристенный» коридор. Длина его — 29 м (раскопан целиком); на северной торцовой стороне он открывался широким проходом вблизи ворот, другие проходы вели в предвратную и угловую

¹ Droysen. Befestigung. Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Herausg. G. Wissowa. Fünfter Halbband. Stuttgart, 1897.

башни; кроме того, он соединялся с внутривенным коридором южной стороны. Все проходы — арочные.

Коридор сохранился лучше всего в южной части. Высота его от основания стен до полочки, выше которой начинается свод, равна 2,7 м. Стены поставлены непосредственно на рыхлый лёсс. Основание их сложено из сырцового кирпича (34—36 × 34—36 × 12—14 см). Над основанием — пахса. Свод был выложен из трапециoidalного кирпича. Размер кирпичей свода колеблется (например, 34 × 34 × 27 при толщине 13 см), но характерно, что их формат исходит из размеров обычного формата строительного кирпича; свод выкладывался поперечными отрезками.

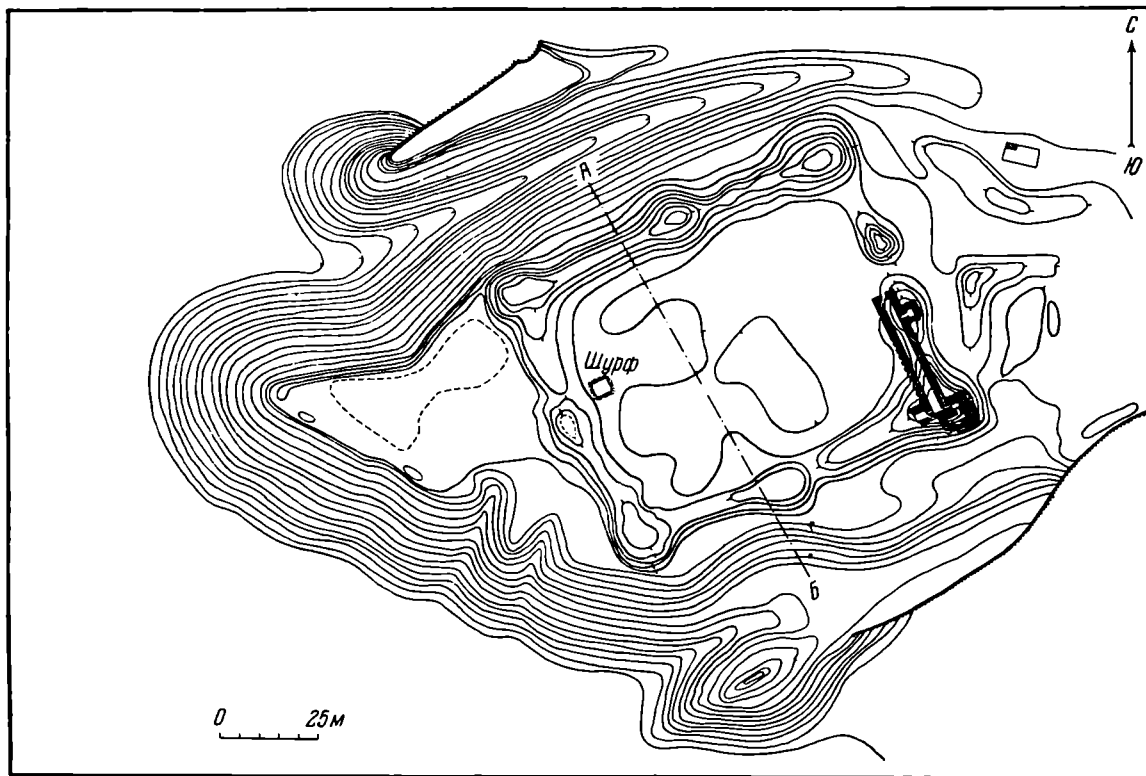

Рис. 29. План городища Кум-тепе. (Черным выделены стены раскопанных помещений).

Внутри угловой башни было два прямоугольных помещения, соединенных арочным проходом. Башни были снабжены прямыми и косыми бойницами.

Раскопан также участок коридора южного фаса, связанный арочным проходом с восточным. Южный коридор, в отличие от северного, имел бойницы.

Кроме того, были заложены раскопы внутри и вне городища. Благодаря им удалось, в частности, установить, что толщина внутренней городской стены достигала 1,9 м; толщина стены углового внутрибашенного помещения равнялась (с восточной стороны) 2,3 м.

Фортификационная система в таком виде, как мы ее описали, возникла не сразу — ее история установлена в результате работ 1954 г.

Слой внутри коридора и башен оказался сильно насыщенным культурными остатками. Здесь собрано много костей животных, несколько сот фрагментов керамики, целые сосуды. Неожиданностью была находка в коридоре большого количества глиняных грузил для ткацкого станка (только целых было найдено около полутора десятков). Обнаружены полусферическая каменная чашечка прекрасной работы, крупные железные изделия, бронзовые поделки. Очень распространены были мелкие зернотерки.

Керамика из раскопок 1953—1954 гг. городищ близ Ворошилобада отличается от керамики, известной из других мест Северной Бактрии. Все это не может не затруднять датировку материала из Кум-тепе. Пока следует отметить лишь некоторые точки соприкосновения с керамикой Кобадан III.

Не останавливаясь на сопоставлении этого памятника с другими, укажем лишь на большую близость его с хорезмийской крепостью кушанского времени Ангка-кала¹. Поразительно, что совпадают не только фортификационные схемы и размеры, но и ряд деталей и приемов. Как известно,

в центральных областях Средней Азии своды выкладывались в основном из того же сырца, что и стены. В Хорезме же для выкладки сводов применялся трапецидальный прямоугольный кирпич. Сочетанием обоих приемов характеризуются постройки Пянджикента². Кум-тепе четко примыкает и в этом отношении к Хорезму и Пянджикенту. Такие разносторонние бактрийско-хорезмийские аналогии в области фортификации и строительной техники могут свидетельствовать и о соответствующих историко-культурных связях.

Раскопки Кум-тепе только начаты. Продолжение их даст, очевидно, материал для более широкого освещения облика самого памятника, его истории и места в истории среднеазиатской фортификации.

* * *

*

В кишлаке Ворух (Исфаринский район) были продолжены раскопки на 2 могильниках: в кишлаке Ворух (вскрыто 18 курганов) и близ Ворухского ущелья (вскрыто 15 курганов)³. Могильники оказались хронологически близкими.

Для всех насыпей характерно наличие более или менее четко выраженного кольца, сложенного из крупных камней. Диаметр насыпи в могильнике близ ущелья в среднем составлял 6—10 м, высота — 0,3—0,9 м; примерно таковы и насыпи курганов в Ворухском могильнике. Под насыпью в ряде курганов

имелось деревянное перекрытие над частью ямы. В нескольких случаях в насыпи или под ней найдены фрагменты керамики.

Могильные сооружения в обоих могильниках разнообразны по типам:

1. Обычная грунтовая яма с вертикальными стенками.

2. Грунтовая яма, расширяющаяся вниз, причем входное отверстие расположено над дном или асимметрично смещено. Один из вариантов этого типа — грунтовая яма со сводчатой в очертании подбойной нишей вдоль одной из длинных сторон. Второй вариант — яма со сводчатыми в очертании подбойными нишами вдоль одной или чаще обеих коротких сторон.

¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 113—115.

² В. Л. Воронина. Древняя строительная техника Средней Азии. Сб. «Архитектурное наследие», вып. 3, 1953, стр. 18, 19.

³ Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Труды Тадж. ССР, т. XXXV, Сталинабад, 1955, стр. 22—70, 138—149 и др.

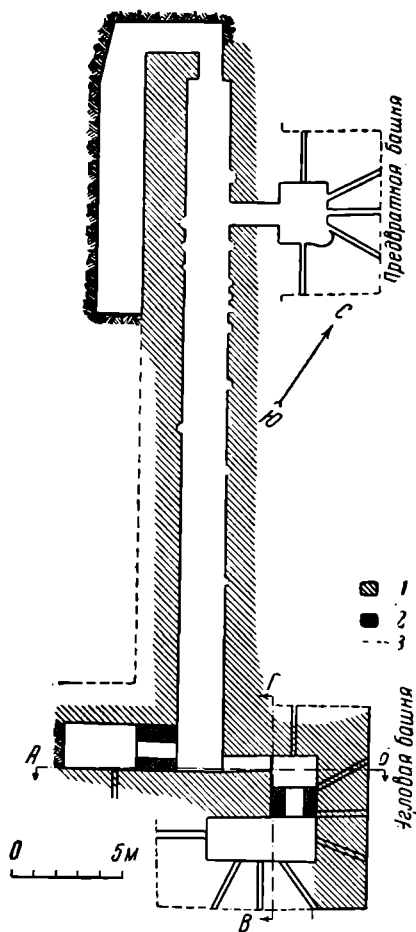

Рис. 30. Городище Кум-тепе. План раскопа.

1 — основные стены; 2 — пристройки; 3 — линия реконструкции.

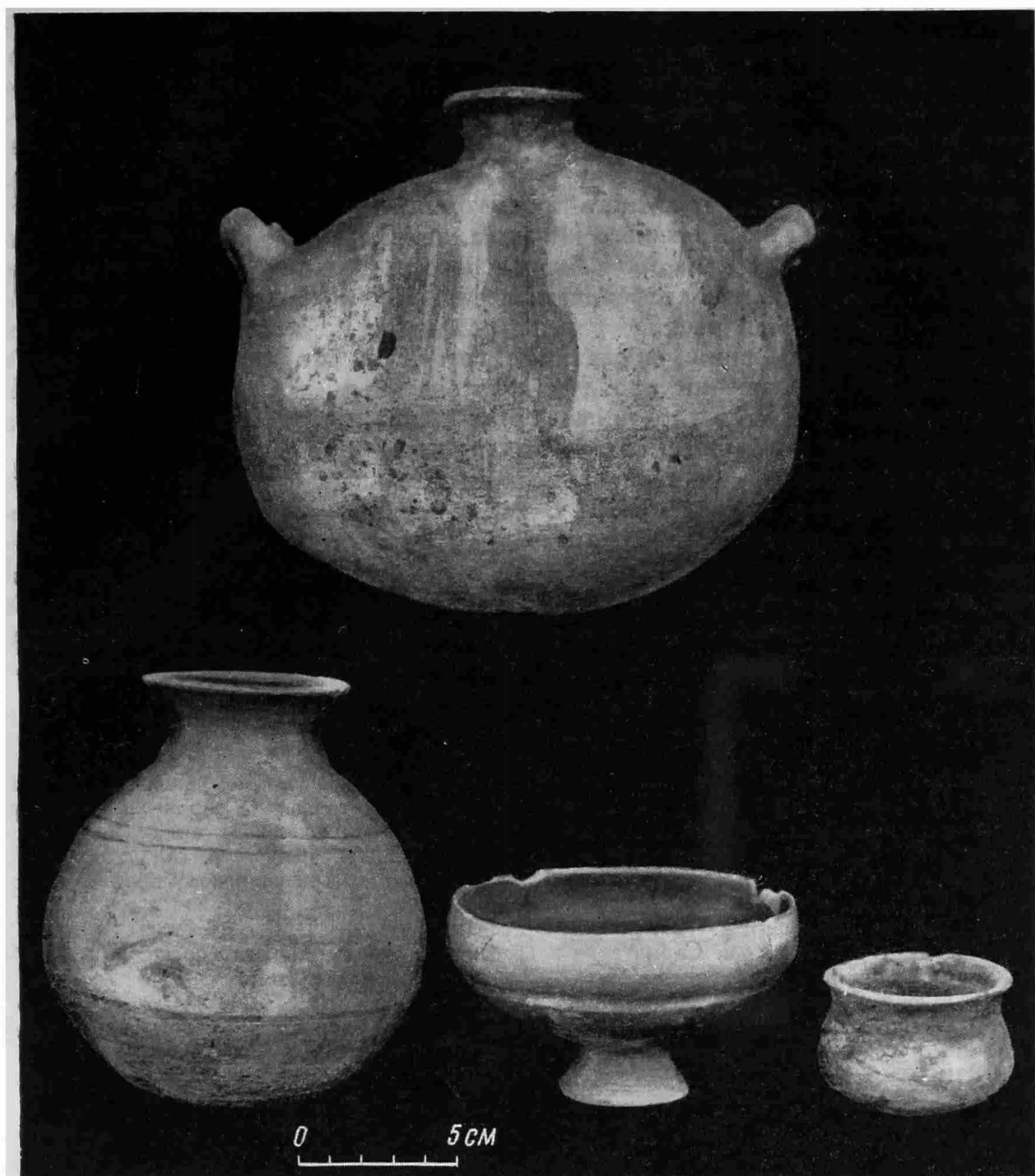

Рис. 31. Сосуды из Ворухских могильников.

3. Катакомба с длинной осью, параллельной длинной оси дромоса.

4. Катакомба с длинной осью, перпендикулярной длинной оси дромоса¹.

Грунтовые ямы двух последних типов засыпались землей со щебнем, с использованием крупной гальки. Входная часть катакомбных могил в большинстве случаев аккуратно закладывалась крупной галькой.

В Ворухском могильнике много коллективных захоронений. В основной части погребений покойник клался вытянуто на спине, на грунт, подстилку, широкую деревянную доску или в гроб (деревянные долбленные гробы — колоды встречены в обоих могильниках; длина одной из колод — 2,73 м).

В курганах собран обильный погребальный инвентарь. Так, например, коллекция керамики включает 50 целых и 6 фрагментированных сосудов

¹ Разумеется, все эти типы связаны переходными вариантами; особенно трудно наметить четкую грань между вторым и третьим типами. Процентное соотношение различных типов могильных сооружений в Ворухском могильнике иное, чем у Ворухского ущелья.

(рис. 31). Среди них три совершенно уникальные, по форме отчасти напоминающие этнографические мург-оби и генетически восходящие, несомненно, к таштыкским бочонковидным¹ сосудам, исходной формой для которых в свою очередь был деревянный бочонок типа оглахтинского². Интересны находки многочисленных пряслиц (в том числе с сохранившимся веретенем). Среди изделий из железа следует отметить трехлопастные наконечники стрел, ножи, пряжки и др. Много предметов из бронзы; среди них — инкрустированная рукоятка железного кинжала, являющаяся точной копией бронзовой рукоятки из кургана № 1 Агаповского могильника (позднесарматское время)³, почти целая полусферическая чаша и много других. Судя по находкам, широко были распространены различные деревянные изделия (сосуды, плетеные корзинки, деревянные гребешки, так называемые столики и др.). В числе украшений, наряду с изготовленными в Средней Азии, были и сердоликовые бусы, сделанные греко-египетскими мастерами⁴; найден также фрагмент поделки из хотанского нефрита.

Анализ собранного материала позволит в дальнейшем сделать заключение о хозяйстве кочевников Исфары, о характере их взаимосвязей с оседлым населением. Раскопки 1954 г. подтвердили сделанные нами ранее наблюдения о месте культуры кочевников Воруха и ее связях с культурой кочевников других районов Средней Азии и прежде всего равниной Ферганы, о связях с сарматской культурой⁵. Вместе с тем стали яснее северо-западные связи с Сибирью. С гораздо большей определенностью выявляется теперь и своеобразие материала из самих могильников.

---

¹ Описанный С. В. Киселевым сосуд происходит из Усть-Тесь (кольцо 2; раскопки 1932 г.) и хранится в ГИМ (без шифра). См. также: С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (в кратком изложении). Материалы по этнографии, т. IV, вып. 2, Л., 1929, стр. 50, табл. II, 1; В. П. Левашова. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, стр. 43, рис. 19.

² ОАК за 1903 г., стр. 129, рис. 260, стр. 130.

³ К. В. Сальников. Сарматские погребения в районе Магнитогорска, КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 117, рис. 34.

⁴ По определению Г. Г. Леммлейна.

⁵ Б. А. Литвинский. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой (краткий очерк). Труды Академии наук Тадж. ССР, т. XXVI, 1954, стр. 50, 51.

Е. Е. КУЗЬМИНА и С. Б. ПЕВЗНЕР

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ГОРОДИЩА
КЕЙ-КОБАД ШАХ

Одной из задач раскопочных работ Кафирниганского отряда ТАЭ в 1952 г. было исследование оборонительных сооружений городища Кей-Кобад шах, расположенного в 1,5 км от районного центра Микоянабад. На этом городище, впервые обследованном при разведках Кафирниганского отряда в 1946 г. Л. В. Строевой, были проведены в 1950 г. раскопки, выяснившие стратиграфию культурных слоев и позволившие датировать памятник временем от III—II вв. до н. э. до IV в. н. э. — временем развитого рабовладельческого общества Средней Азии и его упадка¹.

Невысокие, связанные между собой холмы, — остатки оборонительных стен и башен, — окружают правильный четырехугольник городища, на поверхности которого не сохранилось никаких следов древней застройки.

Кругом городища, как и на большей части его площади, расположены хлопковые поля, вплотную подходящие к остаткам оборонительных сооружений, вдоль которых тянутся арыки, орошающие окрестные земли.

На длинных сторонах городища (длиной 375 м) расположено по 11 холмов — остатков башен (считая угловые), на коротких (длиной 285 м) — по 9 холмов (считая угловые). Холмы находятся примерно на одинаковых расстояниях, но приблизительно на середине сторон промежутков между ними несколько больше (в 4 местах, между башнями № 1 и 36, 7 и 8, 15 и 16, 26 и 27)². На северной стороне, около раздвинутых холмов, вне стен сохранились остатки выносной башни. Это позволило предположить, что в указанных 4 местах находились ворота. С севера дорога на городище до сих пор проходит в одном из этих промежутков, мимо выносной башни.

Наиболее высокие холмы расположены вдоль восточной стены. Это и обусловило выбор места раскопок. Работы велись на башнях № 16, 17 и 18, примыкающих к предполагаемым воротам.

В результате раскопок обнаружено, что башни примерно одинакового размера (рис. 32 — 1): длина — около 13 м³; выступ за стены — 6 м; длина куртин между ними — 20—22 м. На южном углу башни № 18 и северном углу башни № 17 пристроены выступы длиной 3,3 м; вылет их — около 0,8 м⁴. Снаружи куртины, башни и один из выступов (башня № 18) облицованы сырцовыми кирпичами. Назначение выступов не вполне ясно. Один

¹ См. М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадан). МИА, № 37. 1954, стр. 253 и сл.

² См. план городища: М. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 259, рис. 4.

³ Длина башни № 16 — 12,6 м, № 17 — 13,6 м, № 18 — 13,3 м.

⁴ Выступ башни № 17 — 3,4 × 0,8 м, башни № 18 — 3,3 × 0,9 м.

из них (башня № 17) был снят в ходе раскопок. Открывшийся под ним угол башни сохранился вполне хорошо, никаких следов ремонта не было, так что рассматривать пристройку как результат ремонта угла не представляется возможным. Может быть, выступы имели некоторое значение в системе обороны. Очень маленький уклон стен создавал большие «мертвые пространства», где могли концентрироваться силы осаждающих перед штурмом и которые не были доступны обстрелу размещенных наверху башни стрелков. Выступы позволяли вести обстрел вдоль фронта башни, уничтожив, таким образом, «мертвые пространства».

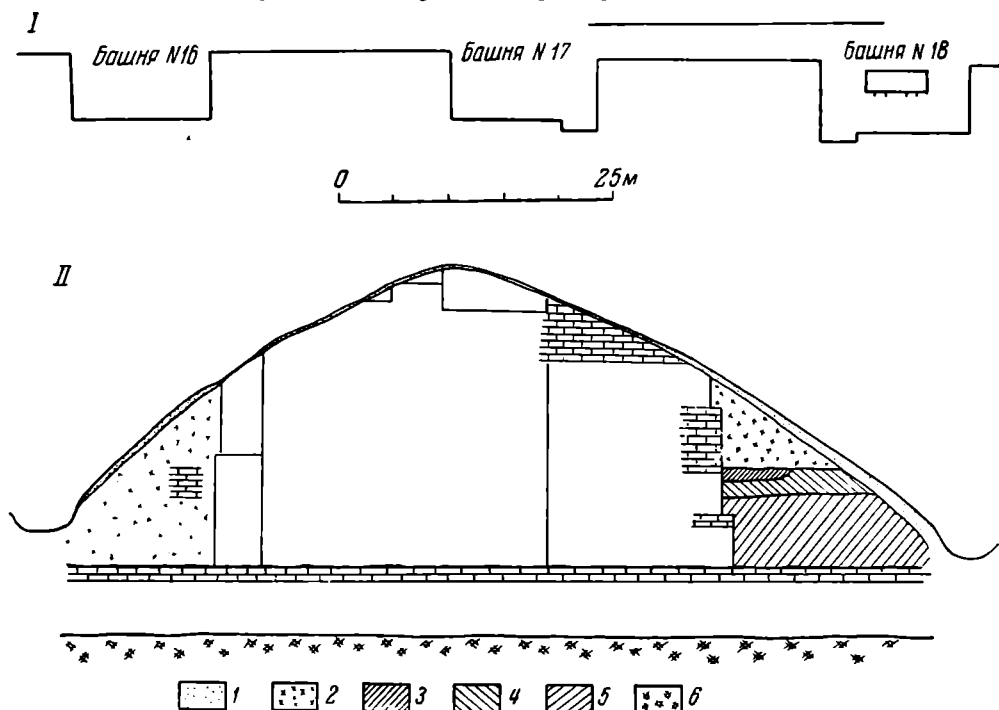

Рис. 32. Кей-Кобад шах.

I — план раскопанной части стены с башнями № 16, 17 и 18; II — разрез раскопа башни № 18: 1 — сухой лёсс; 2 — мягкий вавал; 3 — зольник; 4 — скопление керамики; 5 — вавал с обломками кирпича; 6 — материковый грунт.

Наверху башен находились помещения. На башне № 18 оно было размером $5,65 \times 2$ м и расположено по длине башни на расстоянии 3 м от внешнего края. Толщина стены помещения — около 1 м (кладка в 3 кирпича)¹. В стене, обращенной в поле, проделано 2 оконных проема на высоте 0,4 м от пола. Ширина проемов — 1 м (северный) и 0,8 м (южный). Помещение было перекрыто сводом, так же как оконные проемы, что легко можно определить по характеру завала. Вход обнаружить не удалось, так как стена, обращенная внутрь городища, сохранилась на высоту только 2 кирпичей — 0,23 м. Пол, повидимому, был несколько ниже верхней площадки башни и стены, и кладка стены помещения с входным проемом начиналась выше, в несохранившейся ее части.

Расположение помещения на далеком расстоянии от внешнего края башни и ширина оконных проемов не позволяют предположить, что постройка играла какую-то роль в обороне. Широкие окна не могли служить бойницами: стрелок в них не был прикрыт от вражеских стрел. Широкая площадка, простиравшаяся перед окнами, заставляла вести стрельбу только по очень пологой линии, закрывая слишком большое пространство под стенами. Поэтому можно предположить, что помещение служило складом

¹ Такова толщина стен жилых зданий, раскопанных на городище в 1950 г. См. М. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 277.

боеприпасов¹. Над его сводом, повидимому, была устроена плоская площадка, где могли находиться стрелки.

По краю стены и башен и, видимо, по краю площадки над башенными помещениями шел сплошной парапет с бойницами или, вероятнее, зубцы², прикрывавшие защитников крепости. Большие участки регулярной кирпичной кладки в 2 и 3 кирпича по ширине и высотой до 9 рядов, обнаруженные в завале с внешней стороны стен, очевидно, можно считать остатками упавших зубцов или частями разрушенного парапета.

Изложенное выше позволяет попытаться реконструировать внешний вид башни.

Башня поднималась, несколько суживаясь кверху, на 5—6 м и заканчивалась обнесенной зубцами площадкой, где было выстроено помещение высотой примерно 3,5 м, на кровле которого также располагалась площадка, обнесенная зубцами. Фронтальные стороны башен фланкировались выступом, видимо, не имевшим зубца на стороне, обращенной вдоль внешней стены.

Возможно, что оборона внешних сторон башен была предусмотрена как взаимная оборона каждой пары, т. е. выступы были расположены на удаленных друг от друга углах каждой пары башен. Однако эти предварительные соображения должны еще быть проверены в ходе дальнейших раскопок.

Стены и башни городища Кей-Кобад шах выведены из пахсы и сырцового кирпича. Пахса — в основном из однородной, хорошо обработанной глины, без включения гальки, обломков сырцового кирпича или старой пахсы. Слои ее толщиной 0,7—1 м были переложены слоями сырцового кирпича, очень плотного, хорошо просушенного, без трещин, из однородной глины, иногда с добавлением самана. Размеры кирпича колеблются в пределах от 32 × 32 до 35,5 × 35,3 см³ при толщине 10—12 см.

Наибольшее количество кирпича имело размер 34 × 34 см, несколько меньшее — 33 × 33 см. Уложен кирпич на чисто глиняном растворе; толщина швов между горизонтальными рядами — 1—7 см. Вертикальные швы в горизонтальных рядах не были заполнены раствором. Аналогичный факт отмечен С. А. Ершовым⁴ и В. А. Левиной⁵ при раскопках укреплений

¹ Помещение на башне Старой Нисы по определению В. А. Левиной было именно такого назначения. (Стена и башня Старой Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. I, 1949, стр. 139).

² Г. А. Пугаченкова. Парфянские крепости Южного Туркменистана. ВДИ. 1952, № 4, стр. 220; е е же. К характеристике крепостной архитектуры Старой Нисы. Изв. Академии наук Туркм. ССР, 1952, № 1, стр. 20. Автор считает, что таково было завершение крепостных стен и башен в Старой Нисе и других парфянских крепостях.

³ Квадратный кирпич был распространен до IV в. н. э., повидимому, по всей территории Средней Азии. Строительство из квадратного кирпича в Хорезме отмечают С. П. Толстов (Древний Хорезм. М., 1948, стр. 95, 105, 112 и др.) и В. Л. Воронина (Строительная техника древнего Хорезма. Труды Хорезмской арх.-этногр. эксп., т. I, М., 1952, стр. 90), в Парфии — М. Е. Массон (Новые археологические данные к изучению истории Парфии. Изв. Академии наук Туркм. ССР, 1952, № 5, стр. 14). С. А. Ершов (Археологические исследования на городище Старая Ниса в 1946 г. Труды ЮТАКЭ, т. I, 1949, стр. 116) и В. А. Левина (указ. соч., стр. 136), в Маргиане — М. Е. Массон (Новые данные по древней истории Мерва. ВДИ, 1951, № 4, стр. 94), Б. Б. Пиотровский (Разведочные работы на Гяур-кала в Старом Мерве. Материалы ЮТАКЭ, вып. 1, 1949, стр. 37) и С. А. Ершов (Археологические памятники левого берега Аму-Дарьи. ВДИ, 1941, № 1, стр. 185, 187), в Бактрии — В. Д. Жуков (Стратиграфический разрез части крепостной ограды калы древнего Термеза. Труды Академии наук Узб. ССР, ТАКЭ, т. II, 1945, стр. 84), Р. Гиришман (R. Ghirshman. Bégram. Recherches archéologiques et historiques sur les Kouchans. Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan, t. XII, Caïre, 1946, стр. 16). Интересно отметить, что квадратный кирпич, наиболее близкий по размерам кирпичу городища Кей-Кобад шах, был встречен в Термезе — памятнике, территориально наиболее близком к описываемому городищу. См. В. Д. Жуков. Кирпич из развалин Старого Термеза. Труды Академии наук Узб. ССР, ТАКЭ, т. 1, 1940.

⁴ С. А. Ершов. Археологические исследования на городище Старая Ниса..., стр. 118.

⁵ В. А. Левина. Указ. соч., стр. 140.

Старой Нисы. Ширина горизонтальных швов колеблется от 1 до 8—9 см. Перевязка швов шла и в горизонтальных, и в вертикальных рядах. Во многих местах на краях кладки обнаружены кирпичи, разбитые на половины. В растворе между рядами попадались в очень незначительном количестве фрагменты керамики.

Поверхность стены и башен с внешней стороны была покрыта штукатуркой из глины того же состава, что и для связи рядов, изготовления самого кирпича и пахсы. Толщина штукатурки — 15—35 мм. С внешней стороны поверхность стен и башни имеет очень незначительный уклон, в пределах 5—7°. С внутренней стороны стена, состоящая из 3 слоев пахсы, переложённых кирпичной кладкой, построена рядом уступов. Каждый верхний слой пахсы уложен отступя на 20—25 см от края нижележащего слоя, и стена толщиной в верхней части 3,7 м расширяется книзу до 4,2 м.

Стена воздвигнута на фундаменте глубиной 1,5 м, сложенном из пахсы и перекрытом 2 рядами кирпичной кладки. С внешней стороны стены фундамент выдается более чем на 3,5 м за пределы башни № 18. Край его не удалось обнаружить, так как раскоп дошел до берега действующего арыка. На внутренней стороне установлено наличие такого же фундамента, но край его не открыт по той же причине.

Изучение остатков стены и башен позволяет нам попытаться восстановить порядок их возведения. В качестве образца приведем стену с примыкающей к ней башней № 18 (рис. 32—II). Можно предположить, что в первую очередь был вырыт котлован глубиной 1,5 м и заполнен битой глиной. Сверху его покрыли 2 рядами кирпичной кладки. На образовавшейся площадке началось возведение стены: уложен слой пахсы и покрыт 2 рядами кирпичной кладки, затем уложен второй слой пахсы, который покрыт 9 рядами кладки. Над этой девятислойной кладкой уложен еще один слой пахсы, снова перекрытый кладкой, которая сохранилась на высоту 12 рядов кирпича, считая остатки стен надбашенного помещения.

Затем к стене была пристроена башня, причем до верха последнего слоя пахсы башня и стена связаны не были. Верхняя же кладка (уцелело 12 рядов) велась сплошь и по стене, и по башне, связывая их, таким образом, друг с другом.

Затем стена и башня были облицованы кирпичом. При этом не было строгой системы в очередности обработки разных плоскостей. Северный фас башни обложен кирпичом ранее, чем участок стены к северу. Южный же фас облицован позже, чем участок стены к югу от башни. Весьма вероятно, что отделочные работы шли одновременно на многих участках. В последнюю очередь к уже облицованной башне приложен выступ с южной стороны, обложенный впоследствии кирпичом. Готовые стены и башни были обмазаны слоем глиняной штукатурки.

Очень интересны знаки на кирпичах. Более чем на 90% кирпичей (просмотрено около 300) были пальцем прочерчены различные знаки. В кладке все знаки находятся на нижней стороне кирпича, причем разные знаки встречаются вперемешку, без какого-либо определенного порядка. Сплошного участка, выложенного кирпичами с одним одинаковым знаком, нам не встретилось.

В верхних рядах кладки двух башен и стены между ними отмечен 32 знак. Их можно разделить на 2 группы (рис. 33).

К первой группе относятся знаки в виде оттиска двух пальцев, прямых и косых крестов, линий, шевронов и т. д. (рис. 33, 1—12, 14)¹; ко второй

¹ Такого типа знаки на кирпичах приведены в ряде работ; см. С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 95, 116 и др.; В. Л. Воронина. Указ. соч., стр. 90; С. А. Ершов. Археологические памятники левого берега Аму-Дарьи, стр. 186; М. Е. Массон. Новые данные по древней истории Мерва, стр. 95; Б. Б. Петровский. Указ. соч., стр. 37; В. Д. Жуков. Стратиграфический разрез..., стр. 84.

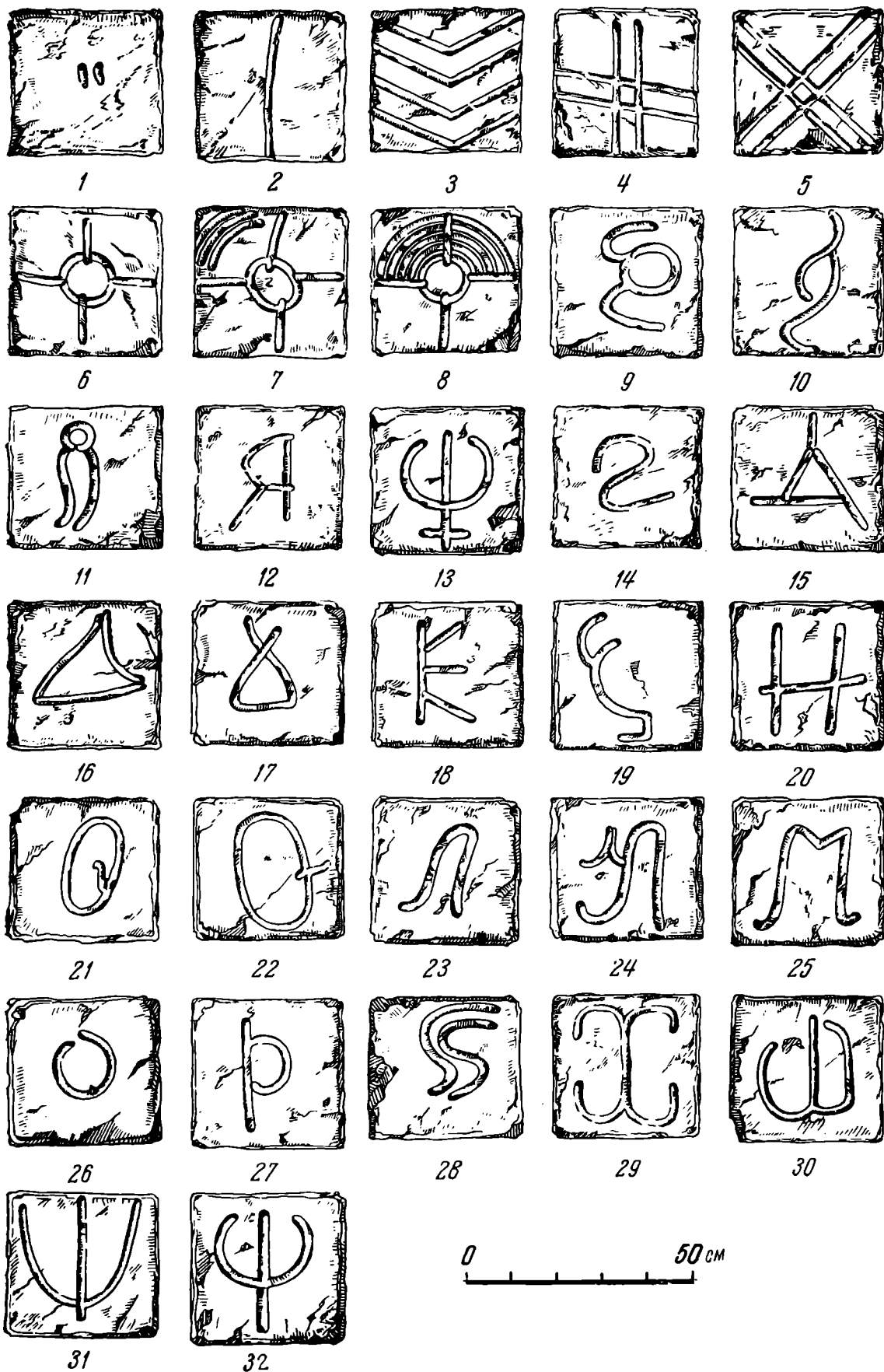

Рис. 33. Знаки на кирпичах.

группе — изображение букв греческого алфавита¹. Встречены буквы α, δ, ε, ζ, η, θ, λ, μ, ο, ρ, σ, χ, φ, ω. Чаще всего из этой группы попадались знаки Ο, Η, Δ, Χ, Ψ, Ω. Эпиграфическое изучение этих знаков представило бы определенный интерес, однако оно требует специального исследования.

Довольно часто встречается знак Ψ, который не может быть отнесен непосредственно ко второй группе (рис. 33 — 13). Он близок к трезубцу-тамге на монетах кушанского царя.

Большое количество и разнообразие знаков на кирпичах, полученное с незначительного участка укреплений, повидимому, также позволяет сделать некоторые предположения о порядке постройки.

В строительстве оборонительных сооружений, видимо, принимало участие все население города. Можно предположить, что для заготовки кирпича жители были разделены на какие-то производственные единицы, образованные по родственному, соседскому или другому признаку. Заготовленные кирпичи каждая производственная группа метила своим знаком, давая, таким образом, возможность учесть выполненную работу².

Для кладки знаки не имели существенного значения³. Поэтому кирпичи с различными знаками попадают рядом⁴.

Результаты раскопочных работ позволяют определить время постройки оборонительных сооружений городища Кей-Кобад шах. С внутренней стороны стены удастся разделить 3 слоя завала. Верхний из них (до глубины 4,3—2,4 м от поверхности)⁵ представляет мягкий лёсс с включением обломков сырцового кирпича. В небольшом количестве попадают в нем обломки керамики, относящейся ко II—IV вв. н. э. (слои Кобадан IV и V по таблице М. М. Дьяконова)⁶. Второй слой простирается на глубине 4,3—4,9 м. Характеризуется он очень большой насыщенностью обломками керамики (до 700 фрагментов в квадрате 2 × 2 × 0,25 м), коровьих и бараньих костей; встречались многочисленные зольники. Керамика может датироваться II—III вв. н. э. при небольшом количестве более ранних образцов. Чрезвычайно показательны черепки со штампованным орнаментом в виде листа в косой сетке; сосуды с горизонтальными ручками, витыми и гладкими, с перехватом в середине; небольшая статуэтка, изображающая животное.

В этом слое обнаружены 2 бронзовые монеты, относящиеся ко 2-й половине I в. и началу II в. н. э.⁷

¹ Гиршман при раскопках Беграма обнаружил на кирпичах знак, изображающий греческую букву θ. См. R. Ghirshman. Указ. соч., стр. 16.

² Близкое предположение высказывает В. Л. Воронина (указ. соч., стр. 89). Однако этот автор считает, что знаки могут указывать на определенные группы ремесленников-изготовителей кирпича. Нам кажется, что такие специальные ремесленники едва ли могли тогда существовать. Производство кирпича чрезвычайно просто и не требует особенных профессиональных навыков; он мог вполне заготавливаться любым жителем города, не являвшимся профессиональным ремесленником-кирпичником.

³ В. Л. Воронина отмечает техническое значение знаков на кирпичах (указ. соч., стр. 89, 90).

⁴ В некоторых участках кладки встречалось большое количество кирпича, помеченного одним знаком. Так, почти все кирпичи завалившегося свода помещения на башне № 18 были со знаком Ο. Однако и там встречены другие знаки.

⁵ За репер принята наивысшая точка холма.

⁶ М. М. Дьяконов. Указ. соч., табл. XII.

⁷ Определивший монеты В. М. Массен, которому мы выражаем нашу искреннюю благодарность, сообщил некоторые данные о найденных монетах. На лицевой стороне первой монеты выбит бюст царя, вправо, в точечном ободке; на оборотной — изображение царя, вправо, с протянутой вперед правой рукой. В поле — знак в виде трезубца, вправо. Поле окружено точечным ободком. Вес монеты — 1,61 г. Она сильно потерта. Монета представляет собой хорошо известный мелкий номинал чекана так называемого «безымянного царя», отождествляемого с Кадфизом I.

На лицевой стороне второй монеты — изображение стоящего в фас царя в длиннополой одежде и высоком головном уборе. Голова повернута влево. В поле слева — остатки трезубца, справа — четырехзубчатой тамги. Следы круговой легенды. На оборотной стороне — стоящий Шива в фас, впереди него — буйвол вправо. Вес монеты —

Керамика и кости лежат на плотно утрамбованном слое земли с обломками кирпича. Толщина слоя — 1,15 м; в нижней части его (примерно 0,5 м) можно установить третий слой завала. В нем наиболее характерны обломки сосудов очень хорошего качества, красной глины, с красным ангобом и лощением, профилированные ножки бокалообразных сосудов, а также (в нижней части этого слоя) черепки из серой глины, иногда с узором в виде горизонтальных борозд; обломки от изящных плоских мисок и сосудов с утолщенным венчиком. Там же обнаружен налепной носик от сосуда в виде головы зверя. Такие типы керамики встречались на городище Кей-Кобад шах и относятся ко времени от III—II вв. до н. э. до I в. н. э. (к слоям Кобадан II и III по таблице М. М. Дьяконова)¹.

В глинобитном фундаменте под стенами обнаружено небольшое количество обломков керамики. Все они могут быть отнесены к III—II вв. до н. э.

Исходя из того, что в фундаменте башни не встречено ни одного черепка, датируемого позже II в. до н. э., можно предположить, что постройка стен относится именно к этому времени. Такая датировка подсказывается и тем, что в материалах раскопок 1950 г. отражена чрезвычайно интенсивная жизнь на городище в III—II вв. до н. э.² Строительство оборонительных сооружений в этот период кажется вполне оправданным.

Однако, по видимому, оборонительные сооружения Кей-Кобад шаха были подвергнуты некоторой перестройке. Сама конструкция стены наводит на такую мысль. Как уже указывалось, над 2 слоями пахсы, перекрытыми 9 рядами кладки, был уложен еще один слой пахсы, на котором возведена завершающая башню кирпичная кладка. В нижней части кладки башни и стены не связаны, но в верхней кирпичная кладка идет сплошь. Греческая фортификация, как указывает О. Шуази, ссылаясь на Филона Византийского, при строительстве укреплений не связывала стены с башнями из-за опасности оседания почвы под тяжестью башен³.

Может быть, башни Кей-Кобад шаха не связаны со стеной по этой причине. Верхние же слои кладки во время надстройки укладывались в то время, когда и стена, и башни уже простояли многие годы и даже века, и оседание почвы окончилось. По видимому, высота стены вследствие разрушения перестала удовлетворять жителей. Надстройка произошла в I в. н. э., на что указывает керамика, обнаруженная в верхних слоях кладки стен, помещения на башне и самой башни (№ 18). Это обломок небольшой красноглиняной открытой чашечки, тонкие черепки от стенок бокалообразных сосудов, сероглиняные черепки с лощеной поверхностью. Все фрагменты относятся к III—I вв. до н. э.

Описанный выше слой завала, лежащий поверх слоя с битыми кирпичами и другими остатками разрушений или строительства, датируется на основании находок керамики и монет концом I в.—началом II в. н. э. Слой, по видимому, современен периоду интенсивной жизни города, о чем можно судить по обилию керамического материала. Результаты раскопок 1950 г. также позволили сделать вывод, что I—II вв. н. э. были периодом расцвета города, поэтому надстройка стен в это время кажется вполне вероятной.

Укрепления городища Кей-Кобад шах имеют много аналогий в крепостной архитектуре Средней Азии.

Как указывает С. П. Толстов, для древнего Хорезма «преобладающим планом башен являются четырехугольные башни, в противоположность

15,64 г. Она представляет собой крупный номинал бронзового чекана Кадфиза II. В чекане Кадфиза I такой номинал отсутствует; он появляется после перехода кушанского монетного дела на новый, золотой стандарт. Вес монеты уменьшился вследствие разрушения и изношенности.

¹ См. М. М. Дьяконов. Указ. соч., табл. XII.

² Там же, стр. 276.

³ О. Шуази. История архитектуры, т. I, М., 1935, стр. 382.

круглым и овальным сасанидского времени»¹. Таковы крепости Аяз-кала № 3, Базар-кала, Кургашин-кала и многие другие. Четырехугольные башни имеют также укрепления Старой Нисы. Близок к плану городища Кей-Кобад шах план крепости Дурнали и, повидимому, еще несколько крепостей, обследованных ЮТАКЭ в Маргиане².

Весьма сходны в плане крепостные сооружения Беграма, несколько более мощные, чем Кей-Кобад шаха, но близкие к ним даже по размерам куртин между башнями³.

Представляя более совершенную систему укреплений, чем укрепления Гяур-кала эпохи Антиоха⁴, где башни не были выведены вперед за линию стен, оборонительные сооружения типа укреплений Кей-Кобад шаха обладали крупным недостатком: они легко разрушались осадными орудиями. Витрувий указывает: «Башни следует делать круглыми или же многоугольными, ибо четырехугольные скорее разрушаются осадными орудиями, потому что удары баранов обламывают их углы, тогда как при закруглениях они, как бы загоняя клинья к центру, не могут причинить повреждений»⁵.

Этот конструктивный недостаток был устранен в дальнейшем развитии крепостной архитектуры Средней Азии античного периода; так, например, Аяз-кала № 1 в Хорезме и городище Чиль-Бурдж, обследованное ЮТАКЭ, снабжены уже круглыми башнями⁶.

---

¹ С. П. Толстов. Древнехорезмийские памятники в Кара-Калпакии. ВДИ, 1939, № 3, стр. 184.

² М. Е. Массон. Новые археологические данные к изучению истории Парфии, стр. 14, 15.

³ R. Ghirshman. Указ. соч., стр. 16, 17.

⁴ М. Е. Массон. Новые данные по древней истории Мерва, стр. 94.

⁵ Витрувий. 10 книг об архитектуре. М., 1937, кн. I, гл. V, § 5, стр. 33.

⁶ Г. А. Пугаченкова. Парфянские крепости Южного Туркменистана, стр. 220.

Г. В. ЮСУПОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В БАШКИРИИ

Летом 1953 г. отрядом местных работников под руководством сотрудника ИИМК А. В. Эбруевой были проведены разведочные работы у сел Михайловки и Курмантаева, в Гафурийском районе БАССР. В задачу исследований входило изучение горы Курман-тау и стоянки бронзовой эпохи, известных в археологической литературе как «Верхний Курман-тау» и «Нижний Курман-тау», а также городищ Михайловского, Касьяновского и Курмантаевского. Все они находятся недалеко друг от друга, на правом берегу р. Белой (рис. 34).

Стоянка имени М. И. Касьянова. Расположена у крутого обрыва надпойменной террасы правого берега р. Белой, на западном подножии Курман-тау, в километре к северу от с. Михайловки, у дороги в с. Курмантаево. Стоянку отряд решил назвать именем М. И. Касьянова — одного из первых исследователей этого района.

Судя по распространению подъемного материала, площадь стоянки равнялась 50×50 м. Поверхность ее, распахивавшаяся ранее, ныне покрыта травой. Под тонким дерновым слоем залегает культурный слой (желто-серая, местами коричневая супесь с галькой), который подстилается плотной комковатой материковой глиной с галькой.

Подъемный материал и находки из слоя в основном состоят из обломков керамики и костей животных.

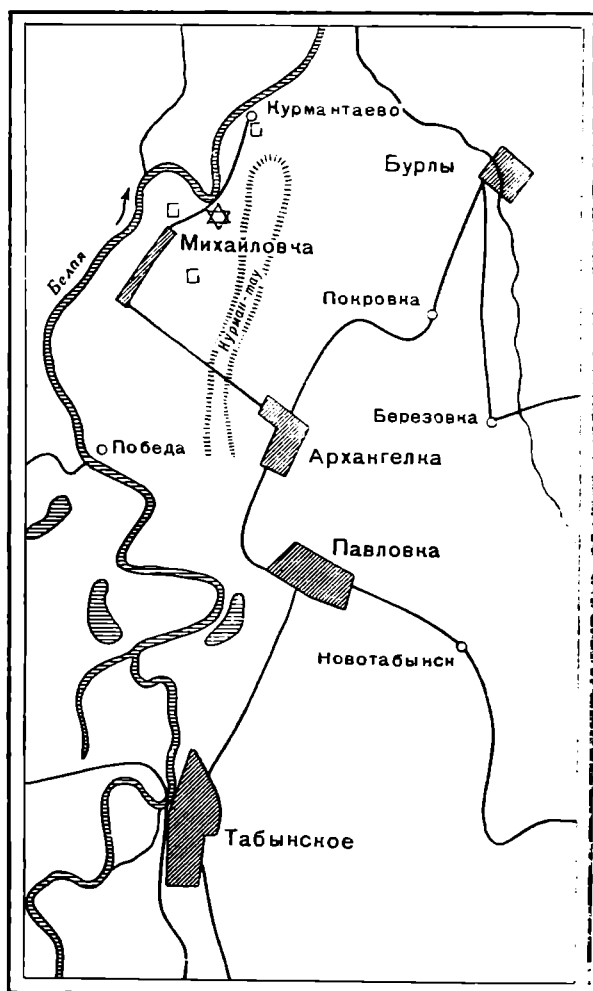

Рис. 34. Археологические памятники Гафурийского района Башкирской АССР, обследованные в 1953 г.

Культурный слой в 2 раскопах (4 × 4 м) залегал равномерно толщиной около 0,4 м и состоял из гумированной супеси. Находки представлены преимущественно керамикой. Часть сосудов изготовлена из довольно хорошо отмученной глины с некоторым содержанием мелко толченой раковины; однако глиняная масса большинства сосудов этой примеси не имеет. Толщина стенок колеблется от 5 до 8 мм.

О формах сосудов судить трудно. Однако по характеру венчика можно различить 2 типа: с прямым или почти прямым венчиком шириной от 2,5 до 4,5 см, в некоторых случаях утолщенным к плечу и покрытым орнаментом, и со слабо отогнутым венчиком и плоским «воротничком» высотой от 1,5 до 3 см. Судя по выпуклости плечиков и отсутствию плоских дна, сосуды первого типа, возможно, были круглодонными, бомбовидными; диаметр их — 18—25 см.

Орнамент располагался преимущественно на венчике. Отдельные сосуды второго типа орнаментированы круглыми ямочками, расставленными попарно и по три на линии перехода венчика в плечо. В большинстве орнамент состоит из комбинаций насечек и круглых ямочек, нанесенных трубочкой диаметром 4—7 мм. Наиболее распространены ромбические фигуры в виде флажков, треугольников, елочки и др. (рис. 35).

На стенках сосудов сохранились следы заглаживания зубчатым штампом или щепкой. Встречены сосуды и без подобных следов, с гладкой поверхностью, иногда ангобированной. На некоторых обломках есть сквозные отверстия для подвешивания сосудов.

Кроме керамики, обнаружены 11 кремневых отщепов (из которых один напоминает заготовку скребка), обломки глиняного тигля и медный шлак.

В костном материале (около 20 фрагментов) представлены: свинья, лошадь, корова, овца, бобр, лось, олень (или сайгак).

Трудно пока указать ближайшие аналогии керамике, найденной на стоянке, среди местного материала, однако близкие ей образцы известны со стоянок Ананьинская дюна¹ и Луговская². А. В. Збруева датирует эту керамику предананьинским временем.

Курман-тау. Памятник, известный под названием «Курман-тау» (буквально — «жертвенная гора»)³, находится на возвышенности вблизи с. Михайловки. На Курман-тау участок с культурным слоем и обильным подъемным материалом тянется узкой полосой (шириной 50—70 м) на протяжении до 550 м по самой верхней части возвышенности, где проходит проселочная дорога из с. Курмантаева на Табынск.

Во время пахоты были случаи находок здесь бронзовых и железных предметов. В 1951 г. обнаружен железный сарматский меч в 4 обломках и фрагмент бронзовой шейной гривны. По словам местного учителя Молодцова, меч выпахан из-под кургана, следов которого ныне отряду установить не удалось. О находке другого «длинного меча» рассказал местный бакенщик Тихонов.

На распаханной полосе, на фоне красной суглинистой почвы не трудно было проследить серые пятна зольников (более 10) с массой мелких черепков и костей животных.

Такой же материал в большом количестве (1350 обломков костей животных) был получен и в одном из шурфов (2 × 2 м), заложенном на зольнике с толщиной слоя в 25 см.

¹ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинское время. МИА, № 30, 1952, стр. 198.

² А. В. Збруева. Памятники поздней бронзы в Прикамье. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 77—84.

³ Как ныне выяснилось, памятник этот является остатками селища.

Подъемный материал состоял из обломков керамики, преимущественно толстостенной, и костей животных. Из отдельных вещей следует отметить трехгранный бронзовый наконечник стрелы, костяное орудие для обработки кожи, костяные наконечники стрел, каменные зернотерки, костяную ручку ножа и др.

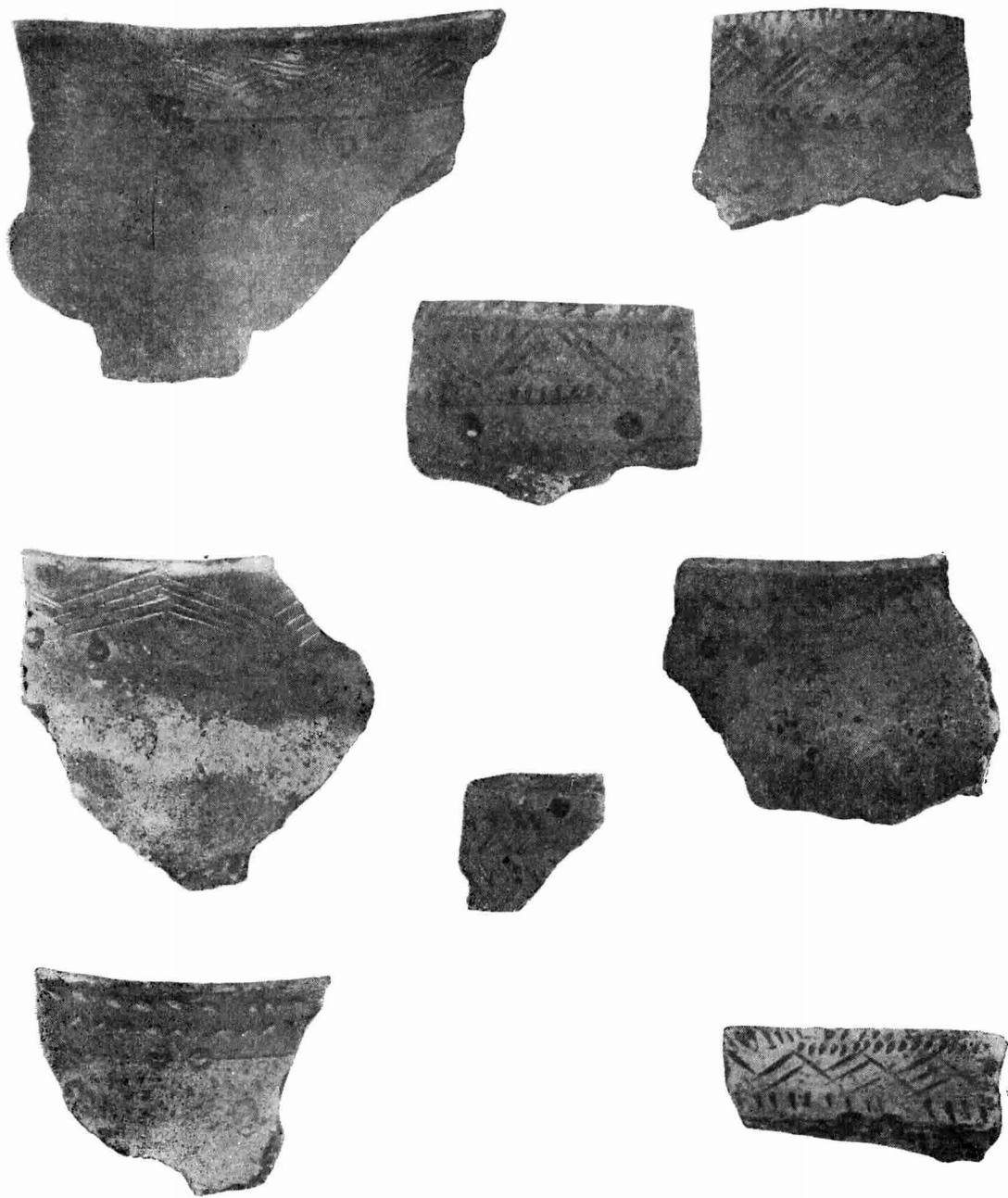

Рис. 35. Керамика со стоянки имени М. И. Касьянова.

Кроме того, в коллекциях Башкирского краеведческого музея имеются костяная пряжка, бляха и ложечка, доставленные с Курман-тау М. И. Касьяновым.

На участке распространения находок, на расстоянии 200 м один от другого, были заложены шурфы 2×2 м. Установлено, что под тонким дерном залегает культурный слой, состоящий из коричневой супеси с галькой, а на глубине 0,4—0,5 м — материковая глина.

Среди найденных в шурфах вещей интересны бронзовый трехгранный наконечник стрелы (длиной 25 мм) скифского типа, с выступающей втулкой, и орудие для обработки кожи, сделанное из подвздошной кости лошади, в виде угольника со скошенными внутренними краями. Всего найдено три таких орудия на Курман-тау и одно — на Касьяновском городище. Все они от употребления значительно отполированы, особенно у заостренных внутренних краев. Четыре подобных орудия хранятся в коллекциях краеведческого музея БАССР; два из них доставлены с городища Кара-Абыз А. В. Шмидтом, назвавшим их «неопределенные крупные полированные изделия из подвздошной кости лошади»¹.

По составу теста керамику с Курман-тау можно разделить на 3 группы. Самой распространенной является группа сосудов из глины с большим содержанием примеси из мелких камешков, достигающих 1,5 мм в длину. Камешки выступают не только в изломе черепка, но и на поверхности. От множества выступающих камешков, порой примешанных в раздробленном виде, излом черепка всегда шероховатый, царапающий. Вторую группу составляют сосуды со значительной примесью в глине мелких камешков и толченой раковины. В третью группу следует включить сосуды со значительной примесью талька в глине, отчего поверхность черепка жирна наощупь; в отдельных случаях примеси этой немного.

Судя по фрагментам, преобладали большие круглодонные сосуды — чаши с широким горлом, 25—30 см в диаметре (толщина стенок — 7—10 мм); имеются и более толстостенные. Есть сосуды с прямым или отогнутым краем шейки; среди первых встречаются сосуды с утолщением в виде валика вдоль внутреннего края шейки. Такие сосуды найдены на Михайловском и Касьяновском городищах, а также известны по коллекциям Башкирского краеведческого музея (с городищ Ак-таш, Воронки, Табынск и Курмантаево).

Большая часть керамики орнаментирована; орнамент, — в основном ямочный и веревочный, — расположен на шейке сосуда. На некоторых сосудах край шейки украшен косыми или поперечными насечками и слегка вдавленными ямочками. Из других, менее характерных вариантов можно отметить орнамент из мелких ямок и отпечатков ногтей, сочетания креста с ямками и елочный узор из насечек вдоль рельефного валика у венчика. Сосуды, украшенные таким образом, преимущественно широкогорлые. Подобный ямочный орнамент (рис. 36) встречается на керамике городищ Ак-таш, Кара-Абыз, Воронки и Уфимского-Чертова.

Вторая группа орнаментов — отпечатки различной толщины «веревки» — также включает несколько вариантов при сочетании с ямками (рис. 37). Сосуды, украшенные оттиском «веревки», имеют несколько меньшую толщину стенок (5—7 мм) и более усложненный профиль. По своим элементам орнаментации — отпечатки «веревки», ямки — эта группа керамики близко напоминает ананьинскую.

В костном материале представлены лошадь, корова, свинья, овца, и, в единственном числе, куница и рыба.

Касьяновское городище. Городище расположено на одном из отрогов Курман-тау, в километре от с. Михайловки. Площадка неправильной формы вытянута с севера — северо-востока на юг — юго-запад. С юго-западной стороны проходит дорога из Михайловки на Курман-тау, на которой чуть ниже городища обнаружен зольник. Городище с трех сторон ограничено крутыми склонами оврагов, а с севера — северо-востока ограждено ныне сильно оплывшим валом шириной 12—14 м, длиной 46,5 м. Длина площадки городища — 130 м при ширине 30—70 м. Площадка неровная и сильно покатая к стрелке.

¹ А. В. Шмидт. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук. «Хозяйство Башкирии», 1929, приложение № 8—9, стр. 10.

Небогатый подъемный материал состоит из обломков керамики. Культурный слой толщиной 20—30 см с небольшим содержанием находок залегает в коричневой супеси с галькой и подстилается материковым суглинком с галькой.

На городище заложено 3 шурфа 1 × 1 м. Керамика здесь существенно не отличается от посуды с горы Курман-тау.

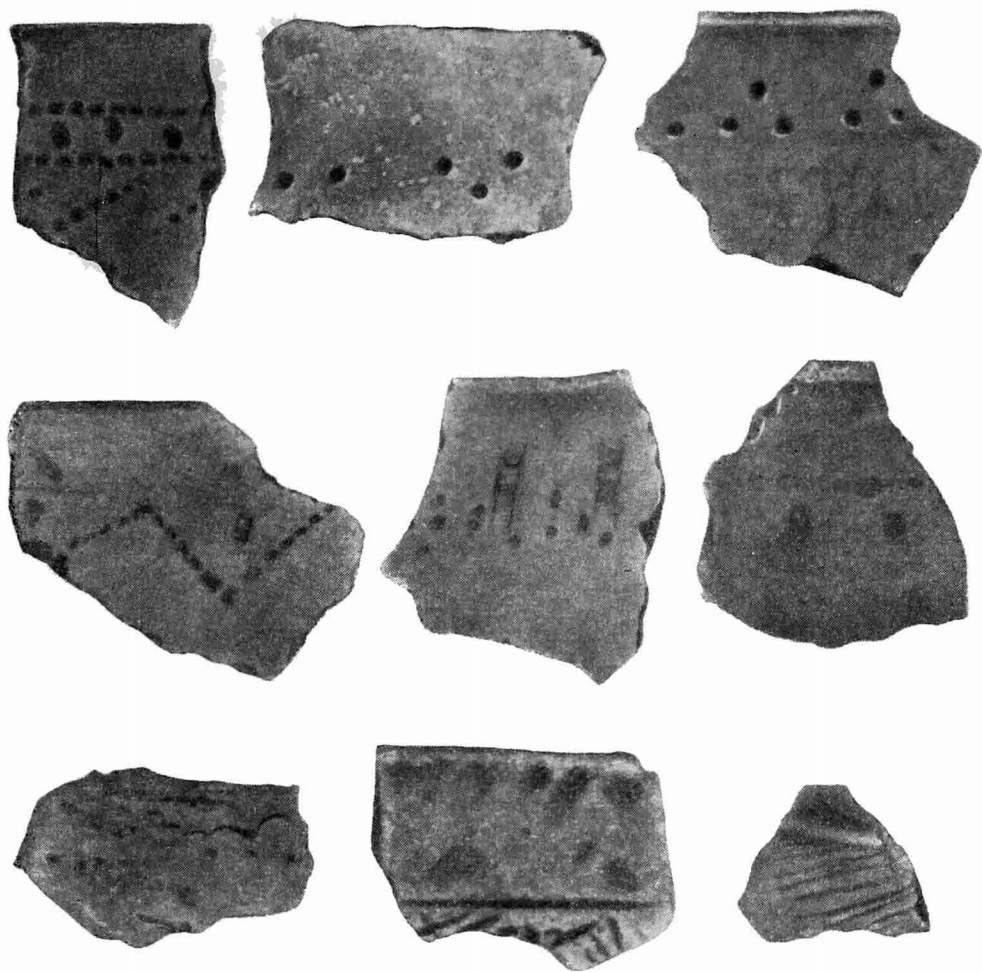

Рис. 36. Керамика с Курман-тау.

Интересен фрагмент шейки одного сосуда с примесью талька в тесте. Его прямой венчик, шириной 1—1,3 см, почти под прямым углом переходит в плечико, украшенное у основания резным орнаментом в виде частых глубоких поперечных насечек и — ниже их — елочных узоров, напоминающих орнамент сосуда с Касьяновской стоянки, а также имеющих аналогии в керамике памятников ананьинского времени и эпохи бронзы. Весьма возможно, что сосуд был шаровидной формы.

Из отдельных вещей следует отметить орудие из подвздошной кости лошади, обломок точильного бруска и обломок железного двулезвийного кинжала с перекрестием, но без острия и рукоятки (рис. 38).

В малочисленном костном материале представлены лошадь, овца, бобр и медведь.

Михайловское городище. Расположено у северного конца с. Михайловки, на правом обрывистом берегу р. Белой, под горой Курман-тау. Большая часть площадки смыта рекой. Уцелела лишь восточная часть (длинной 45 м и шириной 60 м), окаймленная валом полукруглой формы, длинной 120 м, шириной 10 м и высотой 1 м.

Площадка круто обрывается к долине р. Белой, протекающей в 100 м от городища.

Заложенный нами шурф (1 × 1 м) показал сильную перекопанность культурного слоя (толщина его — до 30 см), состоящего из гумированной супеси с галькой и угольками. Находок в слое немного.

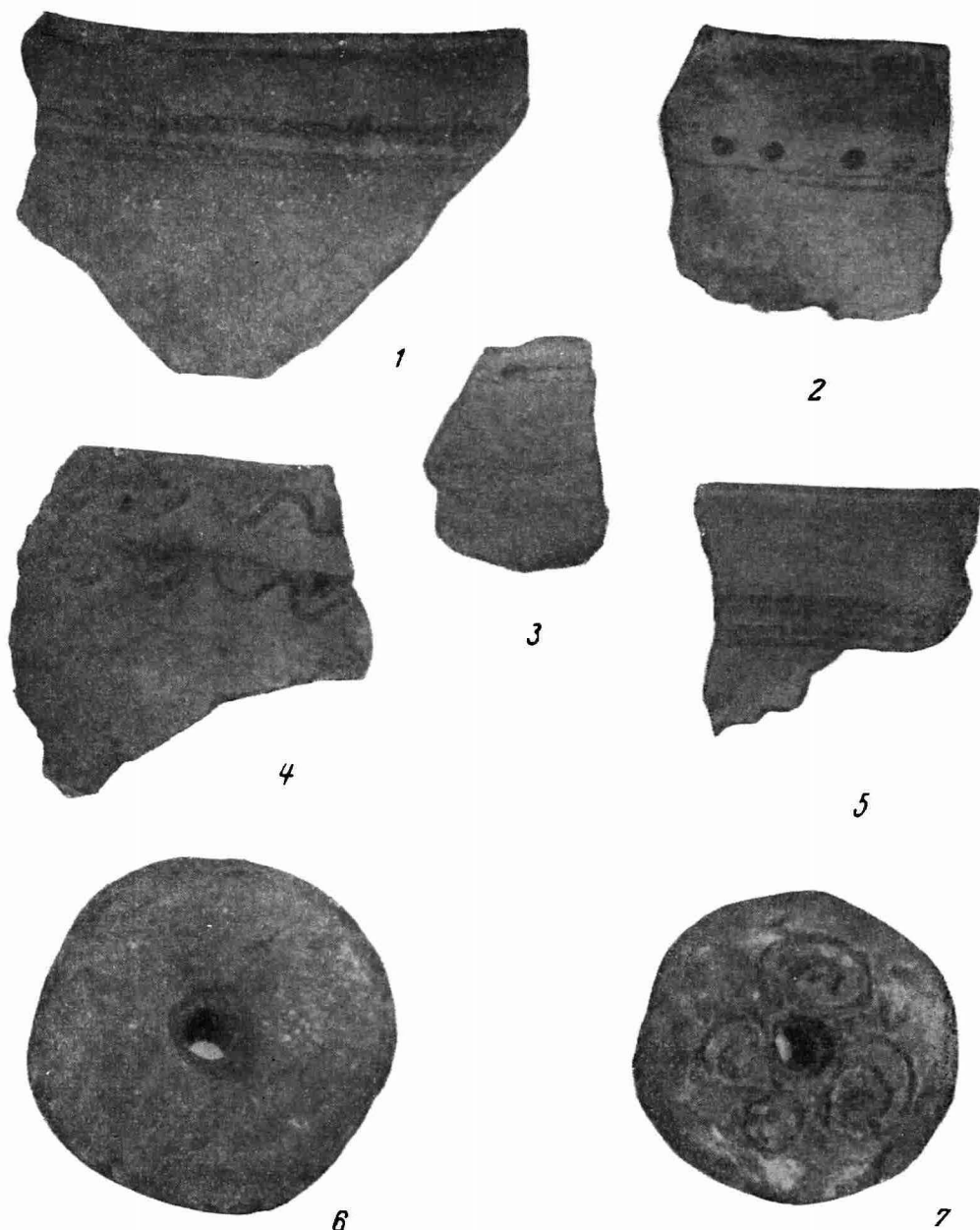

Рис. 37. Керамика с Курман-тау, украшенная веревочным орнаментом (1—5), и прясла с Курмантаевского городища (6—7).

Большая часть подъемного материала обнаружена на склоне обрыва, городища, где найдены керамика, кости, обломок точильного бруска из серого песчаника, маленький плоскодонный сосудик (диаметр и высота — 4 см) с точками вокруг шейки.

Интересна найденная тут же фаланга лошади. В кости — по 3 отверстия (7 мм в диаметре) на каждом конце. Предмет напоминает деталь приспособления, употребляющегося у башкир для витья веревок из конского волоса.

Среди находок керамики преобладают широкогорлые сосуды с толщиной стенок 7—8 мм. Сосуды эти украшены преимущественно ямочным орнаментом. В качестве преобладающей примеси в их тесте — толченая рако-

вина и камешки, хотя есть сосуды, изготовленные из глины с примесью талька, а также и без этих примесей. Основным элементом орнамента являются ямочки, расположенные вдоль шейки сосуда, изредка в комбинации с насечками, отпечатками гребенчатого штампа или же полулунными ямками, нанесенными в шахматном порядке. Обрез края на многих сосудах

Рис. 38. Костяное орудие для обработки кожи (1) и фрагмент кинжала (2) с Касьяновского городища.

украшен косыми насечками или отпечатками гребенчатого штампа. Выделяется орнамент, нанесенный вдоль шейки глубокими насечками, образующими двойной елочный узор. Попадались сосуды с утолщенным изнутри прямым венчиком, аналогичные керамике с горы Курман-тау и городищ Ак-таш, Табынск, Воронки. Интересен прямой венчик, постепенно утолщающийся к краю сосуда, напоминающий фрагмент венчика из находок на Курмантаевском городище.

В очень малочисленном костном материале определены кости лошади, коровы и медведя.

Курмантаевское городище. Находится на южной окраине с. Курмантаева, на высоком плато, окруженном с двух сторон оврагами. С северо-запада к городищу подходит пойма р. Белой, а с северо-востока оно ограничено валом и рвом. Подъемный материал богат обломками керамики, костями животных. Колхозницами были переданы 2 глиняных прясла, найденные ими на городище. Одно из них сделано из обломка сосуда (с примесью толченой раковины в тесте), другое вылеплено из чистой глины и с одной стороны украшено 4 спиральными завитками вокруг отверстия (рис. 37—6, 7).

В шурфе (1×1 м), заложенном в центральной части площадки городища, собраны обломки керамики и кости животных: лошади, коровы, овцы и крупного хищника (пока еще окончательно не установленного).

Верхний горизонт культурного слоя состоит из гумированной супеси (30 см), а нижний — из темного суглинка (35—40 см), который подстилается красной плотной материковой глиной.

Керамика представлена преимущественно широкогорлыми слабо профилированными сосудами. Судя по некоторым обломкам, высота сосудов доходила до 19—20 см при диаметре 24 см. У два в двух случаях имелись сквозные отверстия диаметром 3—4 мм. Таких отверстий на одном обломке уцелело 2, на другом — 6.

Встречена посуда, изготовленная из глины с примесью толченой раковины или талька и без примесей. Очень редки случаи примеси мелких камней. Орнамент состоит из ямок овальной формы, часто расставленных двумя рядами, и насечек. Встречается подобие елочного узора из зигзаговых линий, характерного для посуды Касьяновской стоянки. Своеобразен узор из длинных косых насечек вокруг шейки, расположенных на некотором расстоянии. Неорнаментированная керамика сходна с керамикой нижних слоев городища Кара-Абыз. Характерно расположение вокруг шейки поясков из рельефных валиков.

Рассмотренные памятники представляют большой научный интерес. Наличие бронзового наконечника стрелы скифского типа, железного кинжала и меча указывает на непосредственную связь со степным миром в V—III вв. до н. э.

Различные элементы материальной культуры имеют аналогии в находках с городищ Воронки, Ак-таш, Табынск, Воскресенская гора, Уфимского городища, в материалах которых ананьинские элементы своеобразно переплетаются с местными особенностями, проявляющимися, очевидно, не без влияния со стороны степных культур.

М. Н. КОМАРОВА

НЕОЛИТ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ

Эпоха бронзы и последующие за ней периоды в Южной Сибири и Казахстане довольно хорошо освещены археологическими памятниками. Памятники же предшествующих периодов, — энеолитические и неолитические, — на всей этой огромной территории пока еще крайне малочисленны и весьма мало изучены. Большею частью известны сборы со смешанных дюнных стоянок или отдельные маловыразительные и незначительные находки из поселений и погребений, находившихся на большом расстоянии друг от друга. Такие материалы пока не позволяют решить важные для нас вопросы хронологии и этнической принадлежности неолитических племен различных районов.

Изучение неолитических памятников очень важно и актуально не только для познания истории развития неолитических племен, но и для решения ряда вопросов о происхождении и дальнейшем развитии культур Южной Сибири, Казахстана и Приуралья вообще. Такой вопрос, как происхождение андроновской культуры, остается открытым, пока мы не будем знать на всей территории ее распространения предшествующие, породившие ее культуры. Вопросы формирования и происхождения антропологического палеоевропеоидного типа населения могут быть решены только в результате нахождения костных остатков неолитического человека. Одним из больших пробелов в истории развития культуры Южной Сибири и Казахстана является отсутствие памятников энеолитического времени, синхронных памятникам афанасьевской культуры на Енисее. Все эти вопросы, а также многие другие, при незначительности и разрозненности неолитических памятников, не могут быть решены с достаточной убедительностью. Таким образом, большой интерес представляет открытие на верхней Оби, сравнительно на небольшой территории, 15 пунктов с остатками поселений и погребений, относящихся к неолитическому времени.

Обнаруженная в этих пунктах керамика, очень характерная и своеобразная, никак не может быть синхронизирована с андроновской и тем более с керамикой последующих за ней культур. Она в основных чертах сходна с неолитической, известной по памятникам Приуралья, Северо-западной Сибири и Казахстана. Совместно с керамикой найдено большое количество каменных орудий, что также свидетельствует о ее неолитическом возрасте.

Новосибирской экспедицией ИИМК обнаружено в 1952—1953 гг. 8 поселений с хорошо выраженным неолитическим культурным слоем и один могильник (рис. 39). Кроме того, во многих пунктах, где производились раскопки и исследования более поздних по времени памятников, найдены отдельные каменные орудия и черепки сосудов неолитического типа. Все это говорит о том, что неолитические поселки на берегах Оби были

довольно часты и располагались близко друг от друга. Надпойменная терраса Оби имела все преимущества для поселения неолитического человека. Здесь были и большая река со старицами, богатая рыбой и водоплавающей птицей, и обширный бор, где можно охотиться на диких зверей.

Главным образом по характеру керамики уже сейчас различаются 3 типа памятников на верхней Оби, соответствующих, повидимому, 3 хронологическим этапам неолитической культуры. Для первого типа наиболее

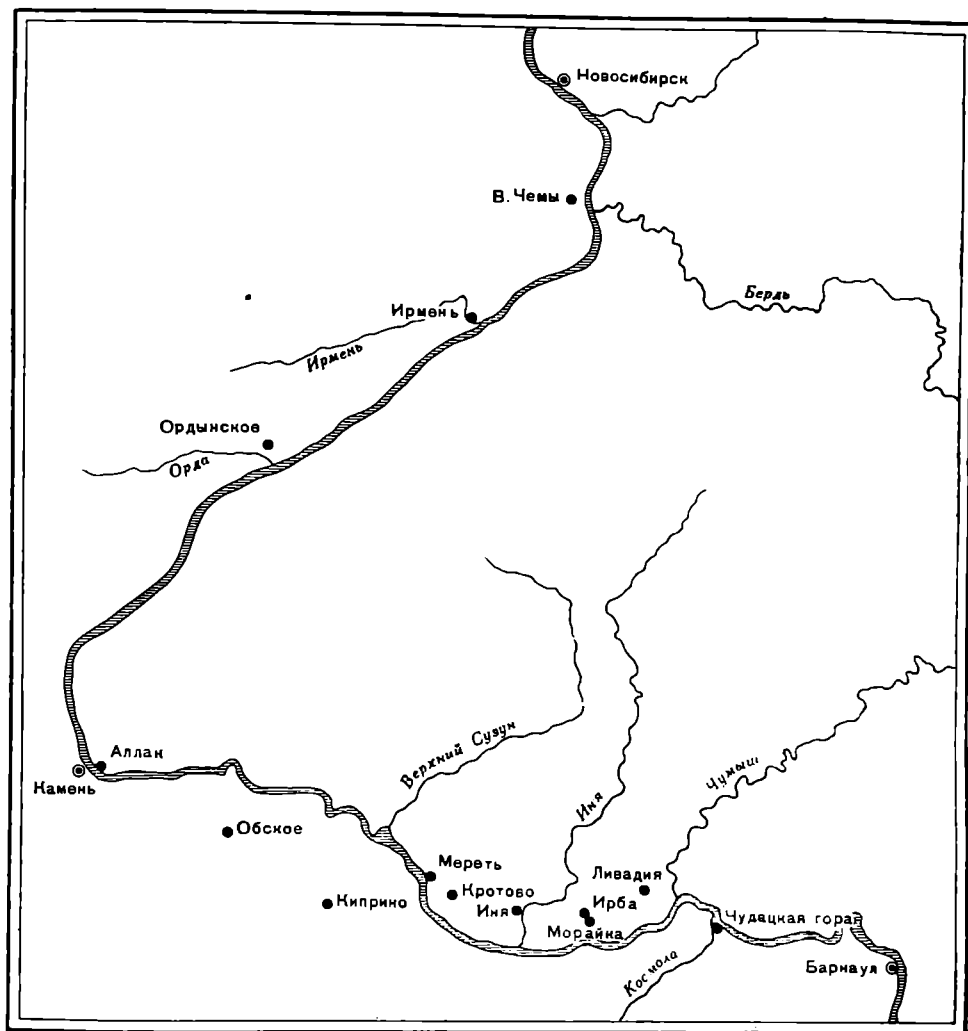

Рис. 39. Схематическая карта района, обследованного Новосибирской экспедицией.

характерно поселение, обнаруженное около дер. Киприно, на левом берегу Оби, на раздуваемых ветрами дюнах. Культурный слой интенсивно черного цвета четко прослеживается на большом протяжении. Здесь собран подъемный материал и сделана небольшая зачистка культурного слоя.

Пункт оказался самым богатым по количеству найденной керамики и каменных орудий. Камень в этих местах был большой ценностью; все орудия — мелких размеров и сделаны из разных, большей частью недостаточно плотных пород. Среди находок — пластинчатые шлифованные ножи с сильно сработанным рабочим краем (рис. 40 — 1, 2); наконечники стрел, по преимуществу короткие, подтреугольной формы, реже удлиненные миндалевидные (рис. 40 — 4—7). Последние, повидимому, не характерны для памятника. Маленькие шлифованные топорыки-тесла (рис. 40 — 3) сделаны не из пластин, а из целого гольша, что позволяет датировать их неолитическим временем. Судя по большому количеству осколков от шлифованных орудий,

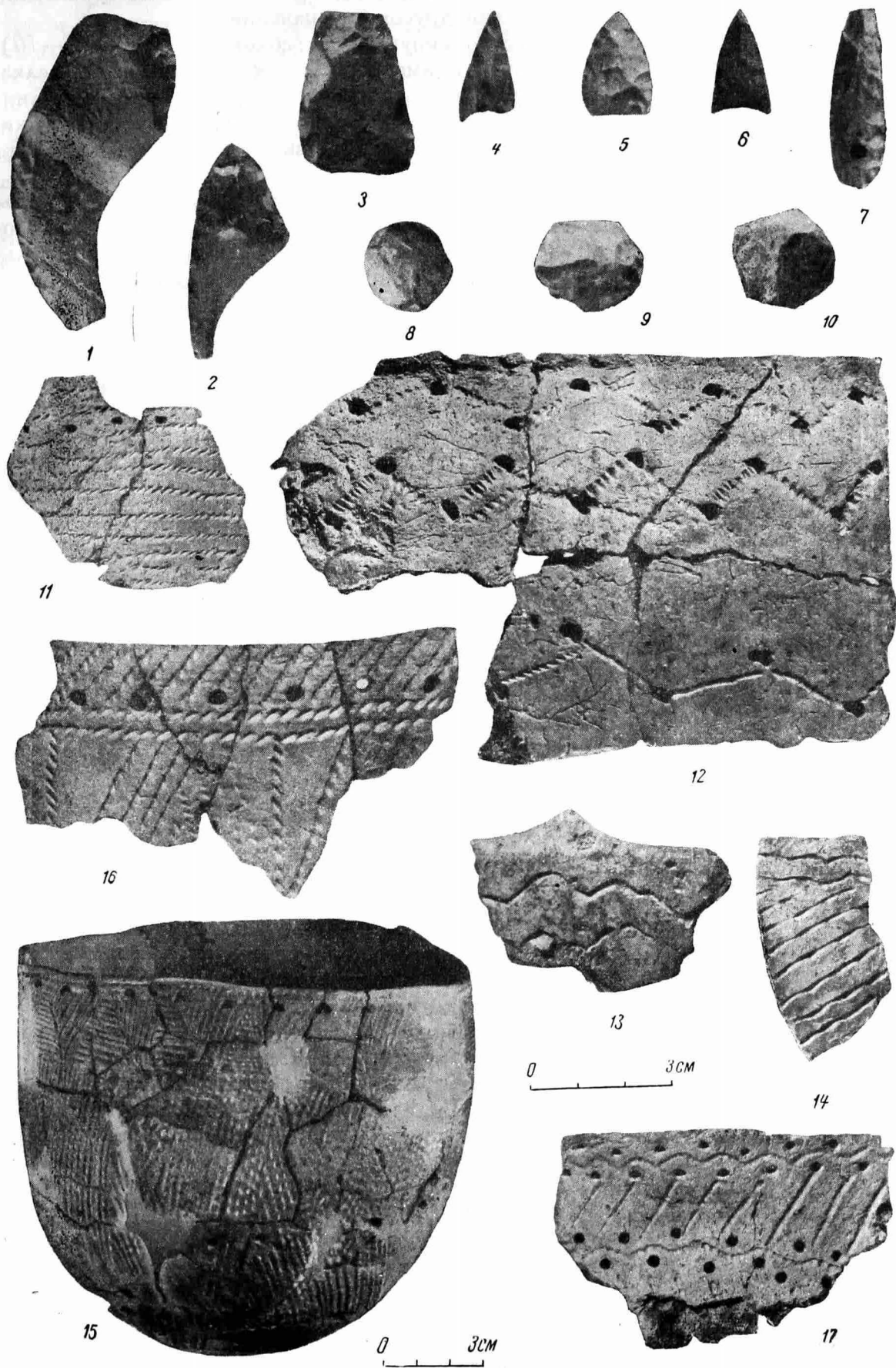

Рис. 40. Каменные орудия и керамика из поселения близ дер. Киприно.

поломанные и изношенные орудия использовались в качестве материала для изготовления более мелких орудий другого назначения.

Собрано громадное количество округлых скребков (рис. 40—8—10), что свидетельствует о их широком применении в быту у населения поселка. Здесь же найдено несколько удлиненных отщепов с ретушью вдоль длинных сторон и на одном конце. Более крупные скребловидные орудия редки. Громадное количество обнаруженных отщепов позволяет говорить о том, что изготовлялись орудия на месте, в поселении.

Находки керамики на поселении весьма обильны. Характерны сосуды параболической формы с выпуклым дном. Один из них удалось восстановить полностью (рис. 40—15). Встречены придонные черепки от небольших баночек с плоским дном, орнаментация которых указывает на одновременность существования их с параболическими сосудами. Край сосудов часто бывает волнистый или орнаментированный оттисками штампов (рис. 40—12, 15—17). Орнаментом покрыта вся поверхность сосудов, а зачастую и внутренний край венчика. Отдельные элементы узора состоят из характерных для этой посуды оттисков отступающей палочки (рис. 40—14, 15), из рядов продолговатых вдавлений (рис. 40—11, 12, 16), иногда в виде наколов. Часто применялся гладкий штамп, реже зубчатый. Встречаются волнистые линии (рис. 40—14, 17), гладкие или пунктирные. Вдоль верхнего края во многих случаях оттиснут ряд круглых ямок, обычно небольшого диаметра (рис. 40—11, 15, 17). Эти элементы орнамента образуют разнообразные комбинации узора в виде полос горизонтальных, вертикальных или расположенных наискось, под углом к краю сосуда. Ломаные линии гладкого или зубчатого штампа сочетаются с горизонтальными и наклонными линиями. В редких случаях оттисками гладкого или зубчатого штампа нанесены горизонтальная и вертикальная елочка или сетка. Очень характерна разбивка поверхности на короткие или удлиненные треугольники (рис. 40—15). Почти у всех сосудов уже выражена зональность орнамента. Верхняя часть около венчика оформляется особо тщательно и интересно. Банки с плоским дном украшены более однообразно. У некоторых сосудов на краю венчика имеются выступы в виде уголков, как, например, у большого реставрированного сосуда и на одном из черепков от венчика (рис. 40—13, 15).

Сосуды изготовлялись налепом из полос, что хорошо видно на многих фрагментах, излом которых проходит по линии спая лент. Интересно отметить одну особенность гончарной техники Кипринской стоянки: на многих черепках заметны сквозные каналчики, скрытые внутри черепка, вдоль края венчика, а там, где черепок расслаивается, выступает отпечаток шнура, свитого из сухожильных ниток. Надо предполагать, что при изготовлении сосуда, еще по сырой глине, он обвязывался по верху шнуром, сдерживавшим край от разрывов и деформации. Затем неровный верхний край завертывался наружу, что тоже отчетливо видно на черепках, а шнур оказывался скрытым внутри стенок. После этого по поверхности сосудов наносили орнамент. Во время просушки изделия шнур предохранял сосуды от образования трещин. При обжиге он сгорал, оставляя хорошо видный каналчик, опоясывающий венчик. Подобный технический прием нигде, кроме Кипринской стоянки, пока не удалось наблюдать.

Археологические памятники типа поселения у дер. Киприно можно отметить и в других пунктах. Так, материал, собранный около дер. Верхние Чемы¹, очень близок к кипринскому. Здесь найдены подобный кипринским шлифованный нож и наконечники стрел миндалевидной и треугольной формы. Сходна и керамика. Край венчика, как и у кипринских сосудов, завертывались при изготовлении наружу, край делался волнистым или почти

¹ Новосибирская экспедиция 1953 г.

всегда орнаментировался по обрезу венчика, который также покрывался узором и с внутренней стороны. Отдельные элементы и весь орнамент в целом близки орнаментам на сосудах из Киприна: те же ряды ямок, оттиски отступающей палочки и волнистые или ломаные оттиски нечеткой гребенки. Но черепки из пункта у дер. Верхние Чемы отличаются и некоторым своеобразием. Так, около венчика часто располагается ряд бугорков, выдавленных с обратной стороны, чего на посуде из поселения у дер. Киприно не наблюдалось.

К этому же типу памятников, повидимому, надо отнести и стоянку Ирмень II¹. Обнаруженные здесь при вскрытии культурного слоя каменные орудия (миниатюрный топорик или долото, скребочки) сходны с подобными орудиями из Кипринской стоянки. Судя по форме придонных черепков, сосуды были и с округлым дном, и плоскодонные, повидимому, типа небольших банок, что также характерно для поселения в Киприне. В орнаментации, как и на кипринских сосудах, преобладают ряды удлиненных углублений, желобков с вдавлениями, отпечатки нечеткой гребенки и волнистые или ломаные горизонтальные линии. Но здесь, как и на керамике из Верхних Чем, имеются бугорки, выдавленные с внутренней стороны сосуда. Эта особенность как будто сближает последние два памятника между собой; черепки же с текстильным орнаментом, имеющиеся в находках в Ирмени II, находят аналогии в материалах Кипринского поселения, но там они мало численны и не характерны.

Отдельные незначительные находки керамики, как, например, в Мерети I и II, где производились раскопки поселения эпохи бронзы, тоже как будто можно отнести к кипринскому типу.

Второй тип неолитических памятников лучше всего представлен находками около дер. Ирба. Здесь древние дюны, заросшие травой, раздуваются юго-западными ветрами. Материал, собранный на всех выдувах, довольно однообразен. Кроме сборов, здесь была проведена зачистка обнажения культурного слоя, причем вскрыто около 70 кв. м. На раскопанной площади обнаружено 6 ям округлой в сечении формы и с уплощенным дном. На краю одной из них найдена часть круглодонного сосуда (рис. 41—24); в другой — много рыбьих позвонков и кости дикого животного (хищника); в остальных никаких находок не было. Во всех ямах видны, особенно в придонных горизонтах, сильно гумированные отложения. Назначение ям осталось невыясненным.

В слое мощностью 0,4—0,8 м, интенсивно гумированном, обнаружено много кремневых орудий, отщепов и обломков глиняной посуды неолитического типа. Каменные наконечники стрел здесь миндалевидной формы, с хорошо обработанной поверхностью (рис. 41—1, 2); в Киприне же преобладают подтреугольные. Скребки не округлые, как кипринские, а удлиненные, трапецевидной формы (рис. 41—3). Отщепы широкие и короткие; удлиненных, как в Киприне, не встречается.

Посуда в основном отличается от кипринской. Один сосуд из слоя удалось восстановить полностью (рис. 41—23). Он имеет не параболическую форму, а удлиненную с резким перегибом посередине и с острым дном; другой, сохранившийся без верхней части, — полусферической формы в нижней половине (рис. 41—24). Встречены придонные черепки остродонных сосудов (рис. 41—12, 18, 20) и плоскодонных, типа банок (рис. 41—19, 21), дно которых также орнаментировано. Край венчика у большей части черепков гладкий, а не волнистый, и не завернут при формовке наружу. В основном орнамент отличается от орнамента на кипринской керамике. Преобладают оттиски мелкозубчатой гребенки в различных вариациях, не характерных для кипринских сосудов. Оттиски

¹ Новосибирская экспедиция 1952—1953 гг.

гребенки в виде горизонтальной елочки (рис. 41 — 7, 10, 11), горизонтальных полос из вертикальных или наклонных ее оттисков с нажимом к одному краю (рис. 41 — 16) — весьма характерны для сосудов из Ирбы. Иногда оттисками зубчатого штампа покрыта вся поверхность в различных направлениях. Орнамент венчика отделялся от остальной части сосуда рядами круглых вдавлений (рис. 41 — 7, 9, 23) или зигзагообразными линиями (рис. 41 — 14, 15). Иногда зигзаг, нанесенный по венчику, имеет вид равнобедренных треугольников, заполненных оттисками зубчатого штампа, параллельно одной стороне треугольника (рис. 41 — 13), что характерно уже для сосудов андроновской культуры. Волнистые линии, типичные для кипринской керамики, встречаются редко. Интересно отметить шахматный орнамент на черепке от банки с плоским дном (рис. 41 — 21), образованный крупными заштрихованными квадратами.

К ирбинскому типу памятников надо отнести, повидимому, культурный слой в Кротове II. Здесь в нижней части почвенного слоя найдены: хорошо обработанный обломок наконечника стрелы, обломок от более крупного наконечника, скребочки и много отщепов. На черепках преобладает елочный орнамент из оттисков зубчатого или гладкого штампа. Есть черепки с оттисками мелкозубчатой гребенки. Край венчика, как и на сосудах в Ирбе, гладкий или со слабой нарезкой. Число находок здесь невелико, и полной уверенности в принадлежности стоянки Кротово II к ирбинскому типу памятников пока нет.

Может быть, к этому же типу памятников надо отнести и неолитическую стоянку у с. Ордынского¹, культурный слой которой был открыт при раскопках курганов времени ранних кочевников. В орнаментации керамики, как и на посуде поселения у дер. Ирба, преобладают оттиски в виде елочки, наклонных или горизонтальных рядов. Край венчика гладкий или орнаментированный зубчатым штампом. Наряду с этим керамика со стоянки у с. Ордынского отличается от ирбинской наличием на многих черепках горизонтальных каннелюр у венчика, что сближает ее как будто с андроновской керамикой. И большой сосуд, реставрированный полностью, по своей форме также близок к андроновским баночным сосудам. Таким образом, если Ордынскую стоянку можно считать хронологически близкой к памятникам андроновской культуры, с одной стороны, и к ирбинскому типу неолитических памятников, а не к кипринскому, — с другой, то более древней надо считать кипринскую группу памятников, а ирбинскую — более поздней.

Располагая пока еще недостаточным материалом, полученным при работах разведочного характера, конечно, нельзя быть уверенным в правильности решения вопроса о хронологии неолитических памятников Верхнего Приобья. Необходимы дальнейшие исследования этого района.

Третий тип неолитических памятников, отличающийся от двух предыдущих, лучше всего представлен стоянкой Кротово VII, где вскрыто 46 кв. м. Здесь под карасукским культурным слоем залегает слой с неолитическими находками. В некоторых местах он отделен от карасукского стерильной прослойкой. Неолитический слой сравнительно беден находками каменных орудий. Обнаружены отщепы и несколько маловыразительных орудий. Судя по характеру найденных черепков (рис. 42), посуда изготовлялась в виде небольших плоскодонных банок с довольно толстыми стенками. Черепков от сосудов с круглым или острым дном не встречено. Орнамент нанесен нечеткими оттисками зубчатого штампа и в основном производит впечатление даже не орнамента, а, скорее, следов выбивания стенок сосуда лопаткой при формовке (рис. 42 — 1—17), подобно тому как формовались сосуды в Китае путем выбивания стенок деревянными

¹ Раскопки Новосибирской экспедиции 1953 г.

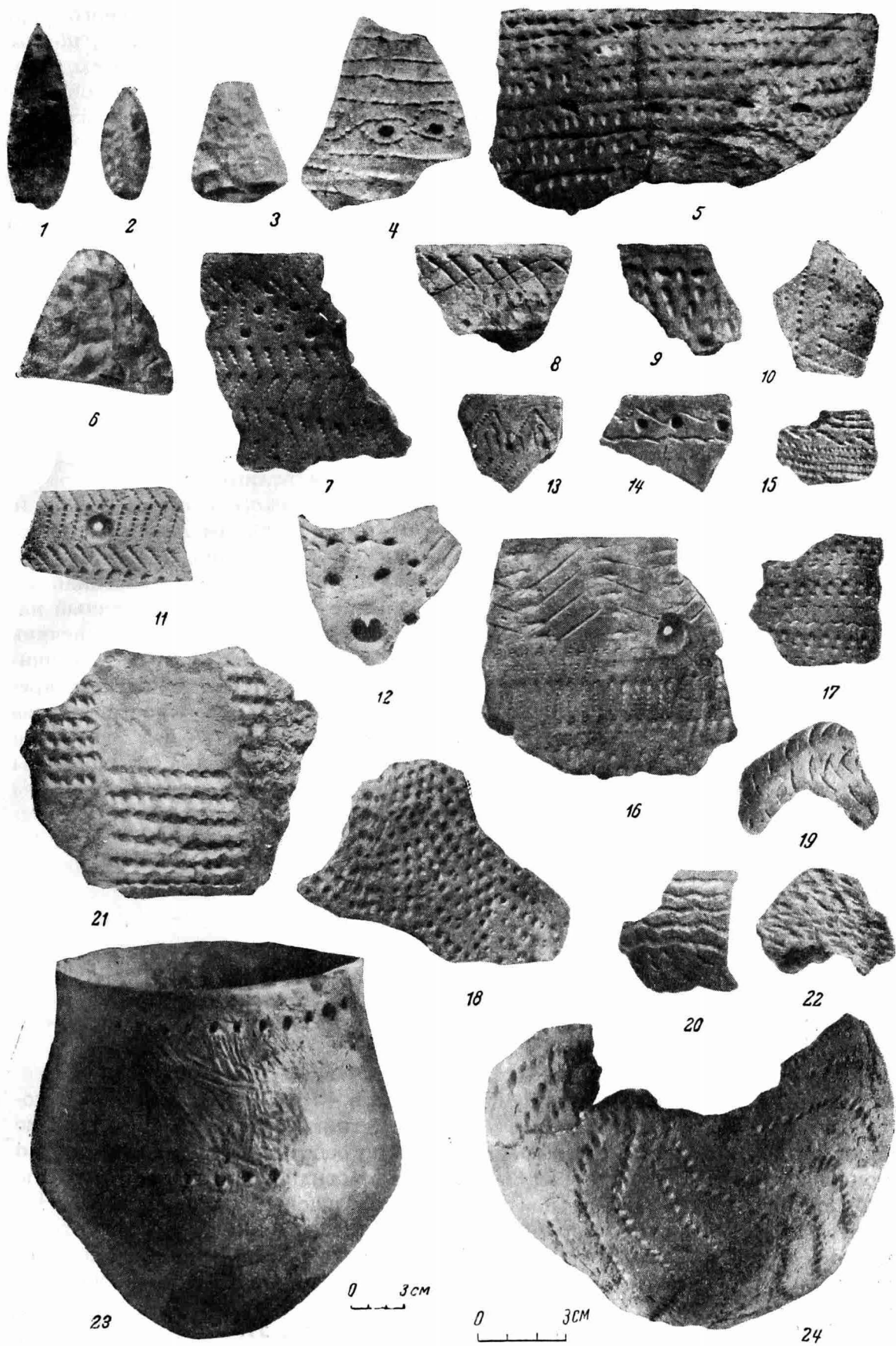

Рис. 41. Каменные орудия и керамика из поселения у дер. Ирбы.

молотками или молотками-штампами¹. На одном фрагменте отпечатками такой лопатки образован красивый рисунок в виде горизонтального ряда косо поставленных квадратов, а ниже — сплошных рядов оттисков, покрывающих всю остальную поверхность сосуда (рис. 42—9). На нескольких черепках имеются оттиски шагающей гребенки (рис. 42—1, 4—6). Вообще же орнамент довольно нечеткий и большей частью не образует какого-либо определенного узора. Четко прослеживаются лишь наклепные волнистые валики, которые как бы отделяют верхнюю часть сосуда от нижней.

Такого же вида посуда обнаружена у р. Морайки в километре от Ирбинской стоянки. Здесь при раскопке могильника более позднего времени в нижней части почвенного слоя найдены в небольшом количестве черепки и довольно крупные фрагменты от одной банки с плоским орнаментированным дном. Орнамент, так же как и на сосудах из Кротова VII, нечеткий и производит впечатление следов выбивания стенок.

Посуда из последних двух пунктов — Кротова VII и Морайки — отличается от кипринского и ирбинского типов. Хронологическое место этого типа памятников пока неясно. Малочисленный материал не позволяет определить его место среди остальных памятников неолитической культуры на верхней Оби.

Помимо перечисленных пунктов, разведкой экспедиции на дюнах около поселка Ливадия обнаружено погребение неолитического времени, частично разрушенное. Сохранилась верхняя часть скелета мужчины 20—30 лет. Покойник был ориентирован головой на запад, лежал на спине, с вытянутыми вдоль тела руками. На лобной кости черепа находились 2 пластинки из клыков кабана (рис. 42—18). Около левой плечевой кости — каменный наконечник стрелы ромбовидной формы (рис. 42—19). Другой наконечник стрелы, такой же формы, найден около правой стороны костяка в расширенной части могилы (рис. 42—20). К сожалению, из-за недостатка времени провести раскопку могильника не удалось. На поверхности выдува найдены еще один наконечник стрелы той же формы, что и в могиле, и призматическая пластинка. Здесь же, недалеко от погребения, обнаружены несколько черепков сосудов неолитического типа, с отпечатками неясного зубчатого штампа, и придонный черепок от сосуда с плоским дном и горизонтальными рядами ямок на боковой поверхности (рис. 42—21, 22). Относятся ли эти черепки к погребениям, или же здесь была стоянка, — сказать сейчас трудно. Дальнейшие раскопки дадут возможность выяснить это и определить более точную датировку погребений.

Вообще здесь, на развеваемых дюнах, найдены были погребения, видимо, карасукского и андроновского времени. Обнаружены скорченные скелеты и черепки сосудов. Могильник при дальнейших исследованиях потребует большого внимания к стратиграфии разновременных археологических памятников.

На р. Оби были известны только 2 могильных памятника неолитического времени: погребение на Чудацкой горе в 40 км от Барнаула² и 8 погребений в Томском могильнике³. Эти памятники, расположенные далеко один от другого, отличаются и по обряду погребения, и по инвентарю, но орнаментация посуды близкая. В Томском могильнике сосуды украшены горизонтальными полосами из оттисков отступающей палочки, а на Чудацкой горе — горизонтальными желобками с вдавлениями той же отступающей палочки. Орнаментация керамики Томского могильника и Чудацкой горы близка орнаментации сосудов из Киприна, только более однообразна.

¹ R. P. Hoppell. China at work. New York, 1937, рис. 519.

² М. П. Грязнов. Древние культуры Алтая. Материалы по изучению Сибири, вып. 2, 1930.

³ М. Н. Комарова. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. МИА, № 24, 1952.

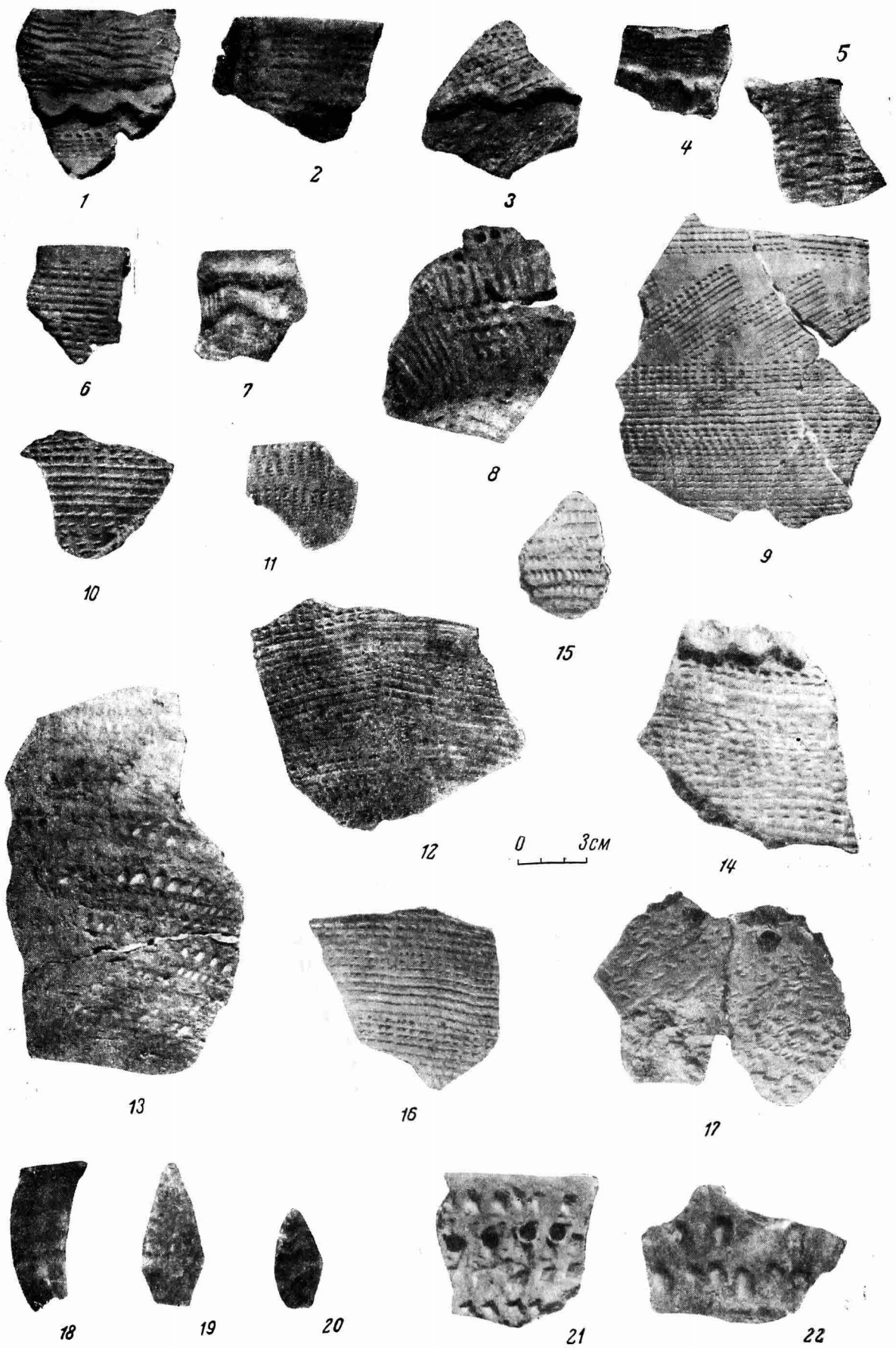

Рис. 42. Находки со стоянки у дер. Кротово (1—17) и из погребения у поселка Ливадия (18—22).

На банках из погребения на Чудацкой горе край венчика волнистый, орнаментированный, что характерно для сосудов с Кипринской стоянки.

Рассматривая материалы из поселений и могильных памятников на верхней Оби, можно разделить их на 3 группы. Каждой из этих групп присущи свои характерные, преобладающие черты, но все же каждая из них имеет и много общих черт, которые связывают их и дают возможность предполагать о длительном развитии культуры неолитических племен на верхней Оби. Вряд ли можно думать, что на рассматриваемой территории в неолитическое время обитали отличные по культуре отдельные этнические группы населения. Большинство памятников находится в небольшом районе, протяжением 50—70 км, а различия между ними наблюдаются главным образом по керамике. Только поселения около Новосибирска (Верхние Чемы, Ирмень II и Ордынское), керамика которых отличается от посуды остальных памятников характерными бугорками по верхнему краю сосуда, выдавленными с внутренней стороны, — может быть, имеют какие-то основания для того, чтобы мы могли предположить принадлежность их другому племенному образованию, тем более, что эти памятники находятся на значительном расстоянии от всех остальных, нами исследованных. Имея же сейчас еще недостаточные материалы, полученные в результате разведочных работ, решать уверенно вопросы абсолютной хронологии и этнической принадлежности преждевременно. Можно лишь поставить некоторые вопросы, важные для дальнейших исследований и изучения памятников неолита на верхней Оби.

Сопоставление верхнеобских материалов с материалами лучше исследованных районов, — таких, как Приуралье или Восточная Сибирь, — не может дать положительных результатов, пока вопросы относительной хронологии неолитических памятников верхней Оби не изучены. Однако при сопоставлении верхнеобских неолитических находок с материалами даже таких, далеко отстоящих, пунктов, как Приуралье и, в частности, Горбуновский торфяник, поражает большое сходство сосудов и по форме, и по орнаментации. Так, сосуды из Киприна очень сходны с сосудами из нижнего слоя 6-го разреза¹, а ирбинские очень близки сосудам из 2-го слоя того же 6-го разреза Горбуновского торфяника².

Отдельные сходные черты, как, например, наличие выступов на венчике сосуда из Киприна и точно таких же выступов на сосудах из Полуденки I³ и близких элементов орнаментации, которые встречаются на керамике, найденной далеко на севере Западной Сибири, в Приуралье, в Казахстане и в районе Красноярска, дают возможность предположить родство культуры неолитических племен, занимавших эту громадную территорию. Особенно это родство культуры ярко выступает при сравнении с волго-окской ямочно-гребенчатой керамикой на западе⁴ и с характерной орнаментацией сеткоплетенкой — на востоке⁵. Граница с запада и востока прослеживается довольно четко. Конечно, нет никаких оснований видеть на всей этой громадной территории единую неолитическую культуру. Несомненно, в культуре различных племен или групп племен были и некоторое своеобразие, и свои собственные только ей отличия. Но прежде чем решать вопросы этнической принадлежности отдельных племен или племенных образований, необходимо решить вопросы хронологии и выявить характерные особенности последова-

¹ Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала. Труды ГИМ, X, 1940, рис. 15.

² А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, рис. 42.

³ О. Н. Бадер. Новый тип неолитического поселения на Урале. СЭ, 1942, № 2, рис. 2.

⁴ М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, рис. 91—95.

⁵ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, № 18, 1950, рис. 20—24.

тельных этапов развития неолитической культуры Южной Сибири, Казахстана и Западной Сибири в каждом из этих районов.

В северных лесных районах Западной Сибири, где еще не изучены и почти неизвестны памятники эпохи бронзы, где неолитические традиции в орнаментации керамики живут очень долго, — вопросы хронологии неолитических памятников решать нелегко. Особенно трудно определить верхнюю дату неолита. В степных и лесостепных районах и, в частности, на верхней Оби, при наличии большого количества хорошо изученных и датированных памятников андроновской культуры, определение верхней границы неолитического периода, а в связи с этим и решение вопросов хронологии неолита много легче. Нахождение же на верхней Оби уже значительного количества памятников неолитического времени на сравнительно небольшой территории сулит возможность решения вопросов относительной хронологии и установления последовательных этапов развития неолитической культуры хотя бы в пределах исследуемой нами территории.

Г. А. ЧЕРНОВ

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ
В ПЕЧОРСКОМ БАССЕЙНЕ

Археологические памятники на р. Печоре и ее притоках очень немногочисленны. Известны лишь единичные сведения о находках, сделанных различными исследователями, а в большинстве случаев местным населением. Археологические находки обычно остаются на руках у жителей и только некоторые попадают в музеи Сыктывкара или Нарьян-Мара.

Печорский бассейн до сего времени мало изучен в археологическом отношении. Находки, сделанные в этом районе, обычно не фиксировались и не издавались, оставаясь неизвестными археологам, которые занимаются Севером Европейской части СССР. Каждая новая находка в бассейне р. Печоры представляет особый интерес. Дело в том, что большое количество стоянок (около 200) древнего человека, обнаруженных в Большеземельской тундре¹, приходится сопоставлять со стоянками отдаленных районов — бассейнов Северной Двины и Оби, разделенных расстоянием более 500 км. Такие сопоставления находок с различных территорий, между которыми расположены неизученные районы, могут привести к ошибочным выводам.

Если взглянуть на карту археологических памятников Севера Европейской части СССР, составленную М. Е. Фосс², то мы увидим, что между стоянками Большеземельской тундры и Северной Двины простирается огромная территория — Мезенский бассейн и Тиманский кряж, — в археологическом отношении нам почти неизвестная. Только единичные памятники мы знаем в районе средней и верхней части бассейна р. Печоры, расположенном к югу от Большеземельской тундры. Так, например, на правом притоке р. Средней Печоры — р. Подчереме в 1929 г. палеонтологом Е. Д. Сошкиной найден клад, который был описан В. А. Городцовым и назван Подчеремским³.

В 1942 г. Г. А. Чернов на правом берегу Средней Печоры против дер. Петрушино открыл стоянку древнего человека⁴. Им же в 1940 и

¹ Г. А. Чернов. Археологические находки в центральной части Большеземельской тундры. Тр. КИЧП, т. VII, вып. 1, 1948; его же. Археологические находки в восточной части Большеземельской тундры. СА, XIII, 1951; его же. Стоянки древнего человека в северной части Большеземельской тундры. КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 96—114; его же. Новые археологические находки в Большеземельской тундре. КСИИМК, 54, 1954.

² М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА. № 29, 1952.

³ В. А. Городцов. Подчеремский клад. СА, II, 1937, стр. 113—150.

⁴ Г. А. Чернов. Петрушинская стоянка на Средней Печоре. КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 81—83.

1947 г. обнаружены стоянки у г. Нарьян-Мара¹. В 1936 г. И. И. Краснов на левом притоке Нижней Печоры — р. Ижме обнаружил стоянку древнего человека².

Кроме этих опубликованных данных, есть сведения о различных находках, сделанных Журавским на р. Печоре у с. Усть-Цильма в 1910 г.

В Краеведческом музее г. Сыктывкара имеется карта археологических памятников Коми АССР, составленная А. С. Сидоровым. На ней нанесено несколько пунктов в бассейне р. Печоры: на левом берегу р. Верхней Печоры у дер. Волосница, на р. Средней Печоре у устья р. Подчеремы, устья р. Вои, а также на Щугоре у дер. Мича-Бичевник собраны отдельные археологические находки; на р. Нижней Печоре указаны находки у устья рр. Усть-Усы и Усть-Цильмы и на р. Ижме у устья р. Сед-ю; кроме этого, на карте отмечены стоянки против устья р. Подчеремы, у дер. Боярский-як, на р. Ижме в верховьях р. Ухты и на р. Сед-ю. Последние две стоянки помещены и на карте М. Е. Фосс. Материал, собранный в этих местах, частично хранится в музее г. Сыктывкара, но он остался неизученным.

Все известные нам пункты нанесены на карту (рис. 43).

Как мы видим, археологических памятников в Печорском бассейне очень мало, а если учесть, что многие из них обозначены как пункты случайных находок, где вряд ли возможно будет получить еще какие-либо материалы, то следует сказать, что вся эта область для археологов является «белым пятном».

В 1954 г. нам удалось обнаружить некоторый археологический материал на р. Печоре и ее притоках, в том числе на р. Нижней Печоре — в дер. Щелье-Бож и у дер. Денисовки; в одном пункте в нижнем течении р. Б. Кожвы — левом притоке Средней Печоры — и 3 стоянки на правом притоке Нижней Печоры — р. Лае. Кроме этого, был осмотрен левый берег р. Ухты в г. Ухте — место, где по сведениям, полученным нами, возможны археологические находки.

СТОЯНКИ НА НИЖНЕЙ ПЕЧОРЕ

Щелье-Божская стоянка. Расположена на левом берегу Нижней Печоры на третьей 17-метровой террасе в верхнем конце дер. Щелье-Бож. В основании терраса сложена слегка цементированными желтыми и бурыми песками мезозойского возраста, которые прикрыты желтыми аллювиальными песками; на границе последних залегают мало-мощный прослой галечника. В самом верху желтые пески переходят в белые, прикрытые дерном.

В верхнем конце деревни, на склоне террасы, там, где она пересекается небольшим оврагом, собрано 18 отщепов, преимущественно мелких из розоватого кремня, и кремневый скребок с круглым рабочим краем (рис. 44 — 1). Отщепы, повидимому, вывалились при размыве террасы из верхней части белых песков, в которых встречаются мелкие угольки.

Денисовская стоянка. На правом берегу Нижней Печоры на склоне третьей 17-метровой террасы, на которой расположена дер. Денисовка, найден черепок от нижней части глиняного сосуда без орнамента. Толщина черепка — 4 мм. Снаружи он красновато-бурого цвета, внутри — темносерый. В глину примешана дресва, в которой поблескивают листочки слюды, встречающейся в тесте большинства сосудов со стоянок Большеземельской тундры. Стоянка, повидимому, частично размыта рекой.

¹ Г. А. Чернов. Стоянки древнего человека в бассейне р. Печоры. КСИИМК, XXIII, 1948, стр. 50—59.

² И. И. Краснов. Неолитические стоянки на р. Ижме. Бюлл. КИЧП. 1940, № 7.

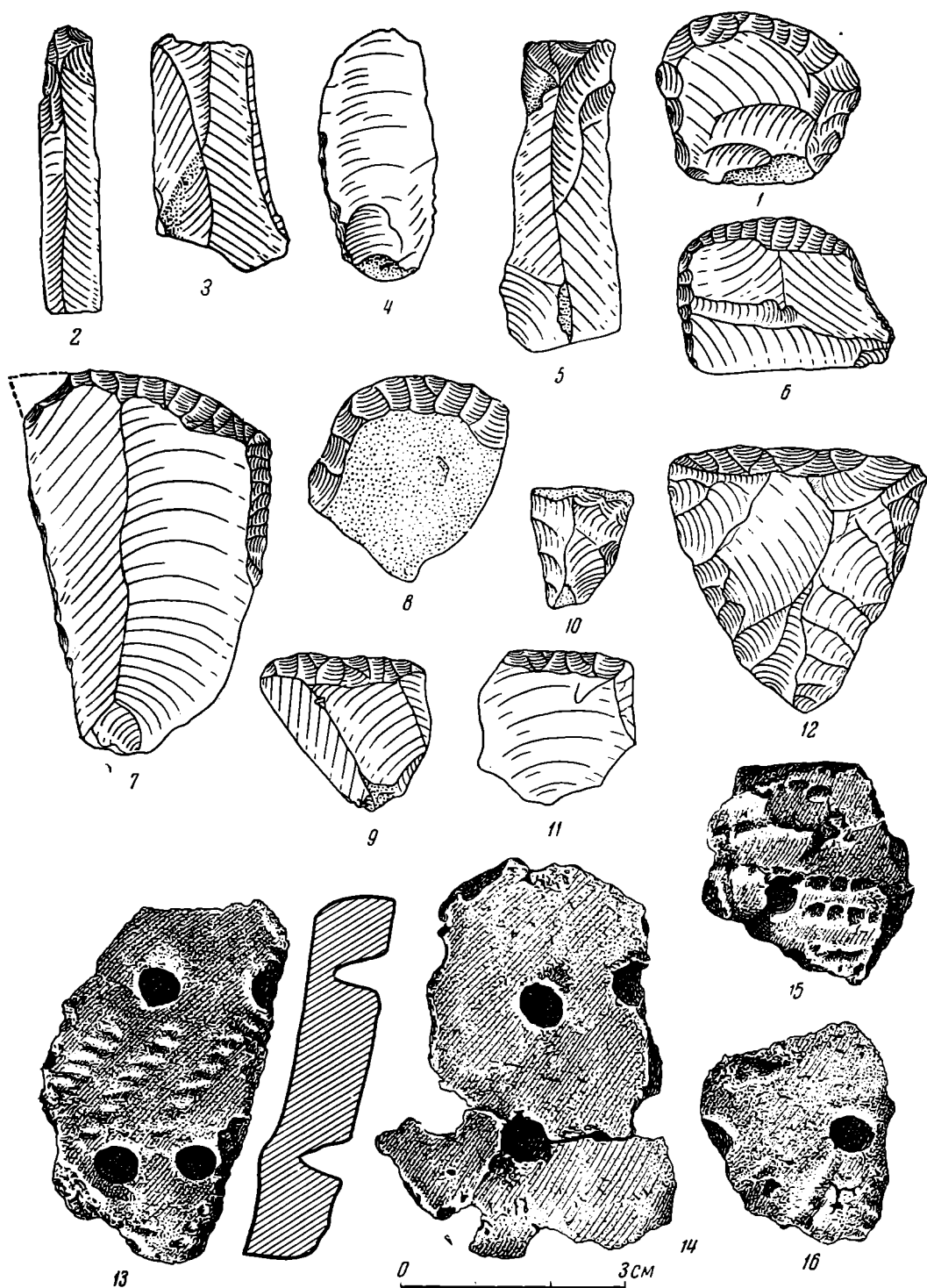

Рис. 44. Кремневый скребок (1) с Щелье-Божской стоянки; кремневые орудия (2—12) и керамика (13—16) с Миш-Ваньской стоянки.

СТОЯНКИ НА РЕКЕ ЛАЕ

Река Лая (Лая-Ю) течет с севера на юг и впадает в Нижнюю Печору, образующую к северу большую излучину.

Стоянки древнего человека обнаружены в верхнем течении р. Лай, в тундровой зоне, где высокая растительность распространена преимущественно по долине реки и главным образом на поверхности второй террасы (рис. 45). Более древние третья и четвертая террасы сложены вверху желтыми песками и обычно лишены растительности; поэтому на поверхности их местами развиты эоловые процессы. Здесь на яреях или котловинах выдувания, среди чистых желтых песков, найдены кремневые орудия и черепки сосудов.

Миш-Ваньская стоянка. Находится примерно в 190—195 м от устья на левом берегу р. Лай у дер. Миш-Вань (рис. 45—1). За деревней на поверхности четвертой террасы вдоль реки протянулась полоска небольших и неглубоких яреев, на которых собраны кремневые отщепы, орудия и черепки глиняных сосудов.

Отщепы (112 шт.) — преимущественно мелкие и различного цвета. Среди них оказалось 5 ножевидных пластинок (рис. 44—2, 3, 5). В числе орудий — 5 скребков небольших размеров различной формы (рис. 44—6—9). Один из скребков халцедоновый и сделан, возможно, из обломка наконечника копья (рис. 44—12); другой — из плоского отщепа, левый край его служил одновременно и ножом (рис. 44—7). Кроме того, встречены 2 небольших резца (рис. 44—4) и 2 обломка от наконечников стрел (рис. 44—10, 11).

Черепки глиняных сосудов найдены на одном из яреев, расположенных в 100 м вглубь берега. Всего собрано 8 черепков; из них четыре (с орнаментом) принадлежат, по всей вероятности, 4 разным сосудам, один из которых был украшен только ямочным орнаментом (рис. 44—14), а три других — ямочно-гребенчатым (рис. 44—13, 15, 16). На первом сосуде ямки размещались, повидимому, неровными рядами, покрывая, возможно, весь сосуд. Ямки нанесены конической палочкой. Обжиг слабый и черепки буро-серого цвета. Остальные сосуды украшены дополнительно гребенчатым орнаментом между правильными рядами ямок (рис. 44—13). Стенки первого сосуда достигали 1 см толщины; он имел не менее 0,5 м в диаметре.

Вторая стоянка на р. Лае. В 3 км к северу от дер. Миш-Вань, несколько ниже устья р. Серчей-ю, р. Лая подмывает левый берег четвертой террасы. Находки собраны здесь на небольших яреях, вытянутых вдоль края террасы, отступающей от реки вглубь берега (рис. 45—2). В числе собранного — 197 кремневых отщепов. Среди них оказалось 18 мелких ножевидных пластинок желтого и розоватого кремня (рис. 46—1). На двух более крупных пластинках нанесена мелкая ретушь. Одна из них тонкая, сделанная из светлосерого кремня, повидимому, служила резцом, край которого обломился (рис. 46—3); назначение другой неясно, так как она обломана (табл. 46—2). Два небольших скребка — из серого кремня, хорошо обработанные, с мелкой ретушью (рис. 46—4, 5); один, гораздо больших размеров, из отщепа серого кремня (рис. 46—6). Найдены орудие, — возможно, резец, — из отщепа черного кремня (рис. 46—7) и обломок от копья, повидимому, из того же кремня (рис. 46—8). Здесь же, среди кремневых орудий и отщепов, лежала небольшая плоская, продолговатая галька кварцита, служившая, видимо, отжимником, так как по одному ее узкому краю сделаны небольшие отколы.

На тех же песках, где собран кремневый инвентарь, удалось обнаружить 8 мелких черепков глиняного сосуда. На черепках, кроме ямок, сохранились следы неясного орнамента (рис. 46—9).

Третья стоянка на р. Лае. Находится примерно в 14 км выше устья Серчей-ю, где река делает крутую излучину на северо-восток (рис. 45—3). На правом берегу р. Лаи, на поверхности третьей террасы, на небольших ярегах продолговатой формы найдено несколько кремневых отщепов.

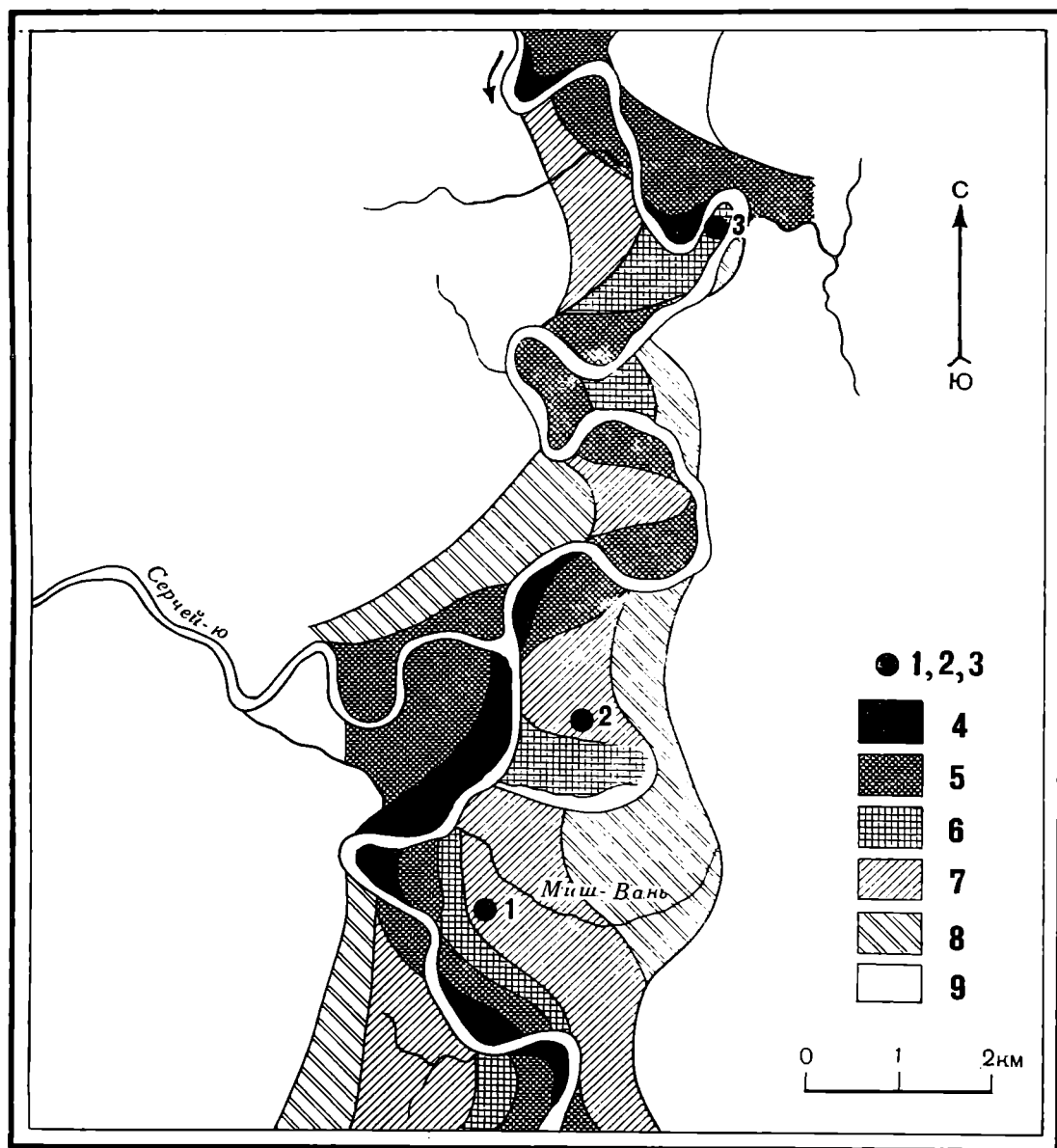

Рис. 45. Расположение стоянок на р. Лае.

1—3 — места стоянок; 4 — пойма реки; 5 — вторая терраса; 6 — третья терраса; 7 — четвертая терраса; 8 — пятая терраса; 9 — коренной берег.

СТОЯНКА НА р. КОЖВЕ.

На левом притоке Средней Печоры — Кожве, примерно в 20 км от устья, на левом берегу собрано около 50 кремневых отщепов.

Стоянка располагалась на поверхности третьей 10-метровой террасы, сложенной сверху аллювиальными желтыми песками и поросшей сосновым лесом.

Кремневые отщепы обнаружены в двух местах — выше и ниже небольшого оврага, разрезающего берег, сложенный в основании нижнекаменноугольными известняками, в которых встречается довольно много желваков

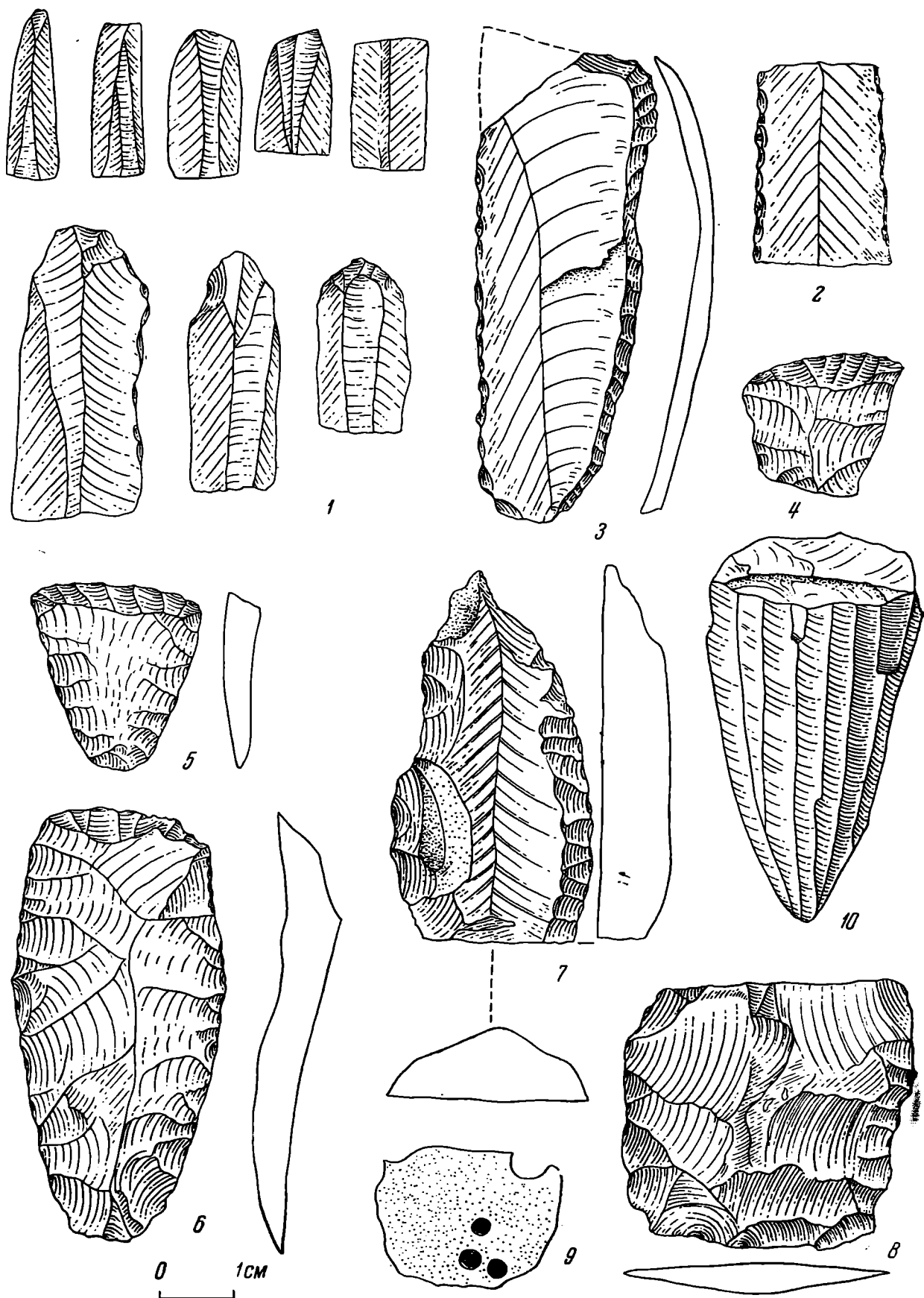

Рис. 46. Кремневые орудия (7—8) и керамика (9) со второй стоянки на р. Лас; нуклеус (10) с р. Выми, дер. Елвино.

кремня. Интересно отметить отщепы коричневатого-серого кремня, являющиеся остатками обработки какого-то одного орудия. Среди них оказалось несколько отщепов черного кремня, также встречающегося в известняках нижнего карбона. Здесь же лежала плоская галька до 10 см в поперечнике, несущая следы ударов, от которых она и раскололась. Галька известняковая и, повидимому, подвергалась обжигу. На террасе видны неглубокие ямы, заросшие дерном, — возможно, остатки землянок.

СТОЯНКИ НА РЕКЕ УХТЕ

Ухтинская стоянка. Расположена на левом берегу р. Ухты — в г. Ухте, который стоит на древней четвертой 15-метровой террасе, образующей прямой угол к югу. Здесь к ней примыкают более низкие, сильно заболоченные террасы.

Находки собраны на участке протяжением 200 м по краю древней бортовой террасы, поросшей сосновым лесом, где расположен Пионерский сад. Сравнительно недалеко от него обнаружен обломок ножа из серо-желтого кремня¹. Орудие хорошо обработано мелкой ретушью по обоим острым краям, не симметричным вблизи обломанной рукоятки (рис. 47—4).

Найден обломок наконечника стрелы, сделанного из длинного отщепа почти черного цвета². Орудие, повидимому, не было доделано до конца, так как сломано пополам, несмотря на хорошее качество кремня (почти халцедон). Одна сторона его плоская, другая — выпуклая (рис. 47—1).

Стоянка почти разрушена, археологические материалы (кремневые орудия и керамика) удалось собрать в очень ограниченном количестве. По сообщению К. Седых³, возле здания Дома пионеров найдено кремневое орудие — нуклеус конической формы, 8,5 см длиной и 5,5 см в диаметре. Кремнь — желтого цвета, хорошего качества. Желобки — шириной не более 1 см (рис. 48—7). Основание нуклеуса после отбивки пластин, повидимому, обновлялось поперечными сколами, делающими поверхность основания ровной.

Кроме 320 кремневых отщепов, нами найдены 2 ножа. Один — из крупного двускатного отщепа светлосерого кремня; от работы у него затуплены края (рис. 47—5). Другой — из овального и плоского отщепа коричневатого и темносерого кремня; длинный край его затуплен от работы, другой — совсем тупой, а верхний обработан мелкой ретушью и служил, возможно, в качестве скребка (рис. 47—6). Найдены также обломок ножевидной пластинки из светложелтого кремня с затупленными краями (назначение ее неизвестно; рис. 47—2) и 2 скребка: один — с плоским рабочим краем (рис. 48—1), другой — с круглым (рис. 47—3). Оба сделаны из серого кремня и имеют затупленные рабочие края. Кроме того, можно было выделить 15 некрупных ножевидных пластинок, преимущественно обломков.

Усть-Ухтинская стоянка. Учитель средней школы № 36 станции Ижма Г. Ф. Каричковский передал мне 4 кремневых пластинки (рис. 48—2—5) и скребок, сделанный из желтовато-серого полосатого кремня (рис. 48—6). Орудия найдены на правом берегу р. Ижмы, примерно в 1,5 км выше устья р. Ухты, на древней террасе в 1,5 км от реки. Две пластинки сделаны из разнородного светлосерого кремня, а две, более крупные (рис. 48—4, 5), — из однородного.

Новые археологические находки в бассейне Печоры еще раз подтверждают, что Северо-восток Европейской части СССР широко заселялся древним человеком. Однако до сего времени нам еще неизвестны пути распространения древнего человека в Печорском бассейне и далее в

¹ Передан геологом О. А. Солнцевым.

² Находится у Т. Г. Карасик.

³ Газета «За Новый Север» от 27 апреля 1954 г.

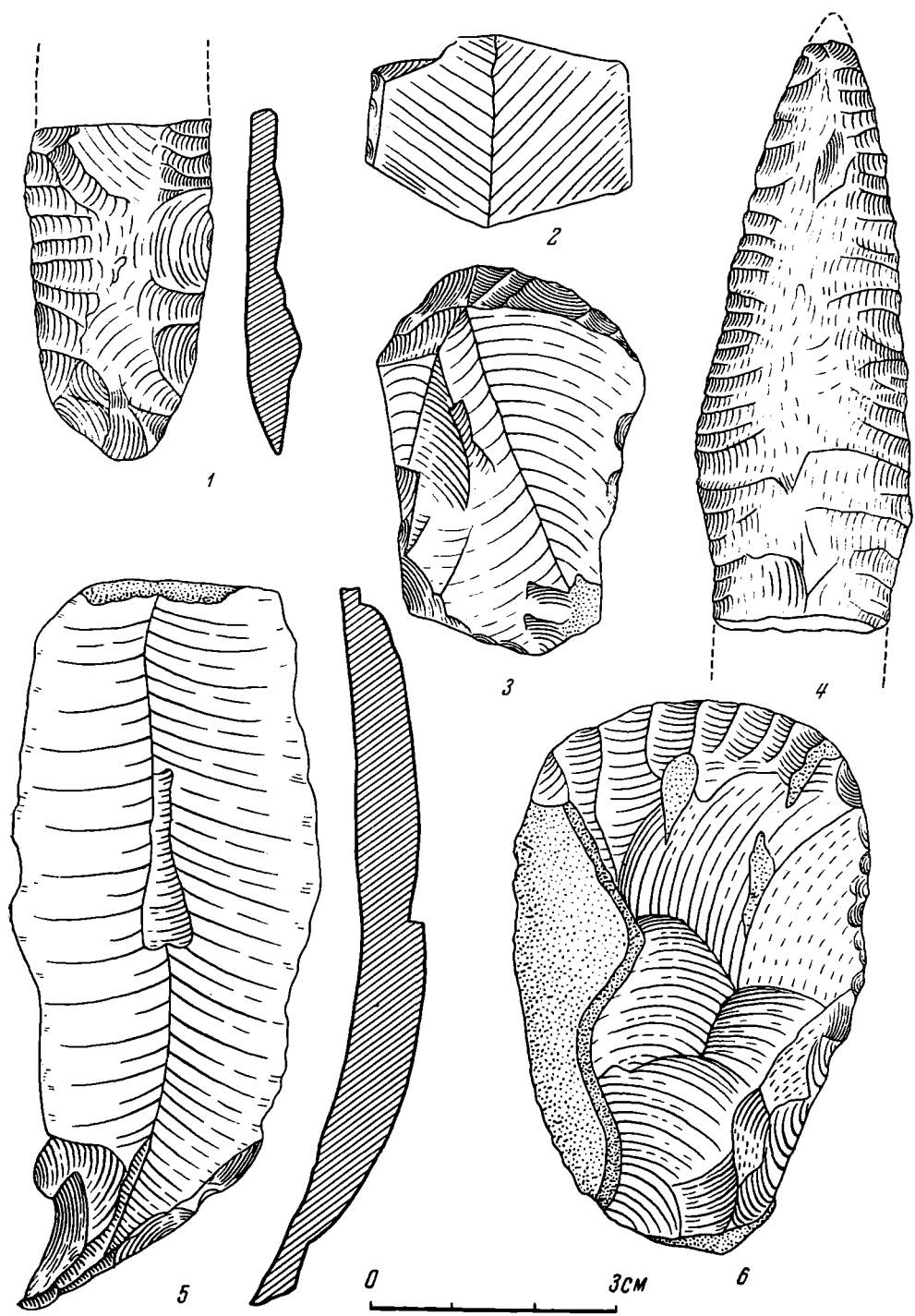

Рис. 47. Кремневые орудия с Ухтинской стоянки.

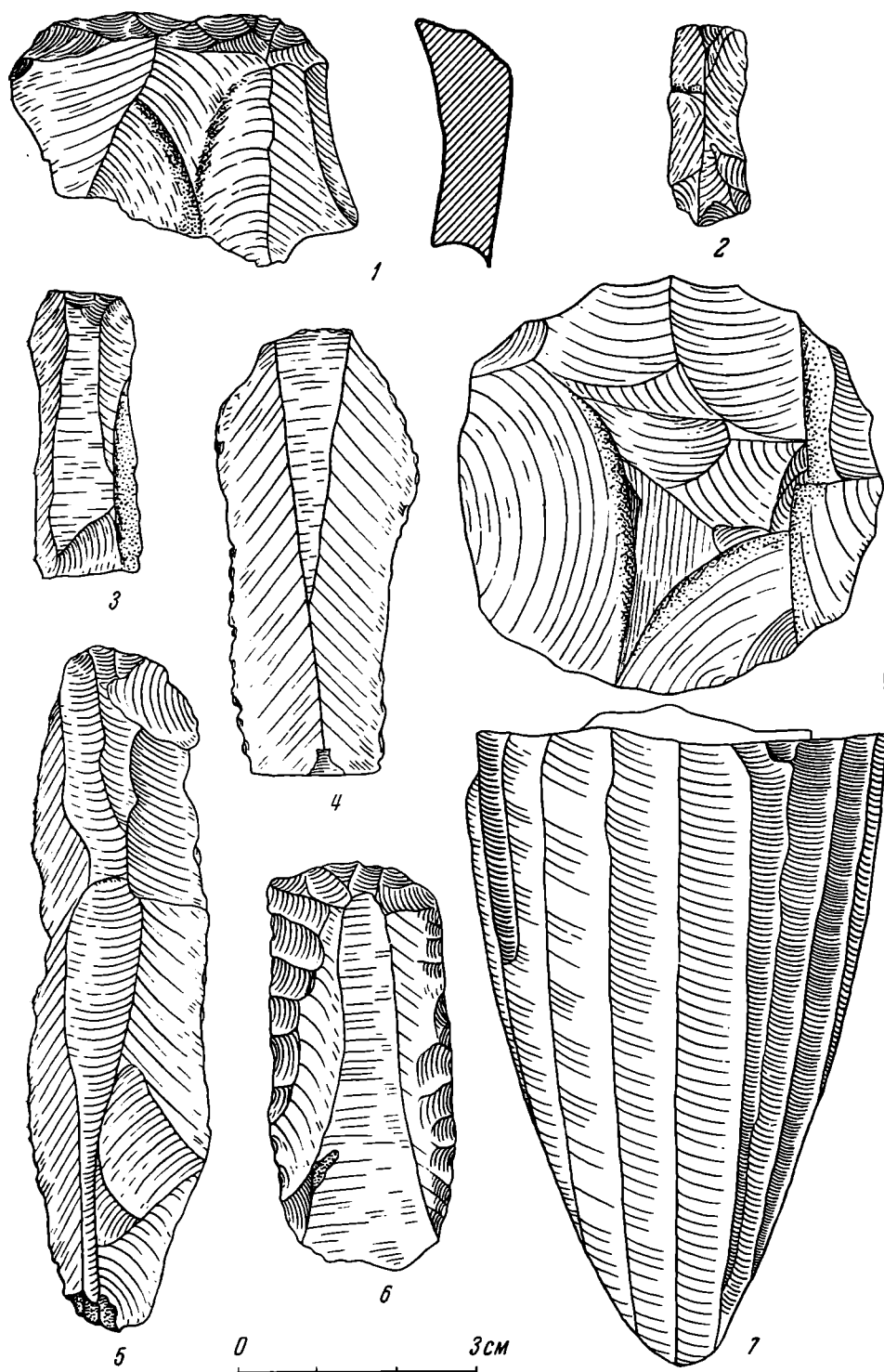

Рис. 48. Кремневые орудия с Ухтинской (1, 7) и с Усть-Ухтинской стоянок (2—6).

Большеземельской тундре. В работе М. Е. Фосс¹ говорится: «К какому бы времени ни относились древнейшие находки на севере, а в связи с этим и начало его заселения, одинаково возникает предположение о продвижении сюда населения из более южных широт. Обычно повсюду наблюдается закономерное явление — освоение человеком в древнейшие времена сначала более южных территорий и только потом, путем продвижения, — более северных».

Однако, ссылаясь на М. Е. Фосс, А. Я. Брюсов пишет: «Область Большеземельской тундры была освоена человеком, повидимому, не ранее 2-й половины II тысячелетия до н. э. Расселявшиеся здесь племена, вероятно, продвинулись сюда с востока, из-за Урала (по М. Е. Фосс). Несомненны сношения этих племен с племенами беломорской культуры на последних этапах развития последней... Большеземельская тундра, как и вообще весь Крайний Север, была заселена, следовательно, в последнюю очередь, возможно, даже племенами, отодвинутыми в эти негостеприимные области в результате крупных передвижений, происходивших при сегментации более южных племен в III—II тысячелетиях до н. э.»². «Таким образом, — пишет он дальше, — Крайний Север был заселен позднее других частей Восточной Европы. Было ли это следствием продолжающейся сегментации северных племен, или население Крайнего Севера представляло собой части каких-то племен, оттесненных сюда другими, — сказать трудно. Но если и принять гипотезу об оттеснении части северных племен еще далее к северу, то об этом можно говорить только в отношении древних племен Кольского полуострова и Большеземельской тундры». Далее А. Я. Брюсов еще раз подчеркивает: «Дальше на северо-востоке половина II тысячелетия до н. э. отмечена событиями, подобными происходившим до этого южнее. На Дальнем Севере все еще продолжался процесс племенной сегментации: заселялся из Карелии Кольский полуостров, а с востока, из Западной Сибири — Большеземельская тундра»³.

Как видно из приведенных цитат, авторы склонны думать, что заселение Большеземельской тундры произошло с востока, с Урала и с низовий Оби. Мы же считаем, что это положение не имеет достаточных оснований и вот по каким причинам.

Мы уже неоднократно указывали в прежних работах⁴ на тот факт, что собранная нами керамика со стоянок Большеземельской тундры в общих чертах сходна с керамикой ананьинской культуры, которая широко была развита к югу от Печорского бассейна на р. Каме. Самые северные поселения этой культуры известны на р. Вишере, граничащей с верховьями Печоры⁵.

О сходстве керамики Большеземельской тундры с ананьинской А. В. Збруева пишет: «Но керамика с расположенных по берегам р. Печоры стоянок, обследованных Г. А. Черновым, как по форме, так и по орнаменту имеет много общих черт с ананьинской»⁶. «Чрезвычайно интересно, — пишет она далее, — то обстоятельство, что бассейн Камы с глубокой древности был связан с бассейнами рек Вычегды, Северной Двины и Печоры через их притоки, между которыми находились небольшие волоки»⁷.

¹ М. Е. Ф о с с. Указ. соч., стр. 39.

² А. Я. Б р ю с о в. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 144.

³ А. Я. Б р ю с о в. Указ. соч., стр. 259.

⁴ Г. А. Ч е р н о в. Жертвенное место в северной части Большеземельской тундры. КСИИМК. XXXIX, 1951, стр. 84—88; его же. Археологические находки на реке Щучьей. КСИИМК, XL, 1951, стр. 96—104.

⁵ А. В. З б р у е в а. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, стр. 185.

⁶ А. В. З б р у е в а. Указ. соч., стр. 185.

⁷ А. В. З б р у е в а. Указ. соч., стр. 184.

Кроме сходства в керамике, мы видим и поразительное сходство в отжимной технике ножевидных пластинок, доказательством которой являются нуклеусы, найденные в Печорском бассейне на р. Ухте (рис. 48—7), и в бассейне р. Камы¹.

Интересно отметить, что нуклеус, подобный описанному выше, найден в 1948 г. геологом А. И. Зоричевой на р. Выми близ устья р. Елвы в районе дер. Елвино. Этот нуклеус — меньших размеров (рис. 46—10), но тождественной формы, указывающей на ту же технику отжимки ножевидных пластин; он из коричневатого кремнистого сланца, значительно худшего качества, чем нуклеус с р. Ухты. Сходство нуклеусов с рр. Ухты и Выми, безусловно, свидетельствует о теснейшей связи племен, обитавших на этих двух реках различных бассейнов — Печорского и Северо-Двинского. Истоки Ухты и Выми близко подходят друг к другу, что и дало возможность древнему человеку осуществить связь с этими районами. Как на р. Вычегде, так и на ее правом притоке — р. Выми, известны многочисленные археологические находки, которые хранятся в Краеведческом музее г. Сыктывкара. Этот материал должен представлять исключительный интерес для окончательного решения вопроса о путях передвижений с юга на север древних племен.

Как известно, памятники ананьинской культуры датируются от VIII до III вв. до н. э., тогда как большинство стоянок Печоры и Большеземельской тундры датируется лишь концом II тысячелетия и началом I тысячелетия до н. э. Однако среди наших находок есть отдельные орудия, как, например, скребки типа, широко распространенного на территории Финляндии и в Эстонской ССР, датируемого концом III тысячелетия и 1-й половиной II тысячелетия до н. э.²

Большое сходство имеют наконечники стрел со стоянок на р. Адзэве³ с наконечниками волго-окского типа⁴. Керамика с р. Лаи очень сходна с некоторыми сосудами древнего волго-окского типа с Языковской стоянки⁵, датируемыми несколько более поздним временем, чем льяловская культура, которая датируется 2500 г. до н. э.

На основании приведенных данных мы должны считать, что расселение древнего человека шло в Печорский бассейн и далее в Большеземельскую тундру скорее всего с юга, а не с востока. Сходство некоторой керамики с обской, очевидно, связано с влиянием обской культуры, которая распространялась лишь в восточной части Большеземельской тундры, что нами уже отмечалось ранее⁶.

Таким образом, мало исследованная территория верховий Печоры, Вычегды и Камы представляет исключительный интерес для выяснения путей расселения древнего человека, двигавшегося, по видимому, с юга на север по волокам через узкие водоразделы.

---

¹ А. В. Збруева. Указ. соч., табл. 36, 3.

² М. Е. Фосс. Указ. соч., стр. 10.

³ Г. А. Чернов. Новые археологические находки в Большеземельской тундре, рис. 25—7.

⁴ М. Е. Фосс. Указ. соч., рис. 83, 7.

⁵ Там же, рис. 82, 10.

⁶ Г. А. Чернов. Археологические находки на реке Щучьей.

А. Н. ЛИПСКИЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В ХАКАССИИ

В 1948 г. Хакасский музей провел небольшие раскопки курганов, преимущественно из числа затронутых при различных строительных работах. Вскрыто 18 погребений, в том числе 8 карасукских, 5 тагарских и 5 таштыкских. Карасукские погребения обнаружены в г. Абакане (5), около поселка Аскировка (1) и в с. Аскиз (2); тагарские — в г. Абакане (3), у поселка Аскировка (1) и у улуса Райкова (1); таштыкские погребения — все в Абакане.

1

Все карасукские погребения до наших раскопок были в той или иной степени разрушены; оградки около погребений, как обычно, состоявшие из невысоких (до 30 см) и тонких камней — плит, оказались в большей части уничтоженными. По их остаткам удалось определить форму оградок — прямоугольники со сторонами 2×2 и 3×4 м. Погребальные сооружения — ящики из плит девонского песчаника — были следующих размеров и ориентировки (табл. 1).

Таблица 1

№ погребения	Размеры каменных ящиков в метрах			Ориентировка
	длина	ширина	глубина	
2	0,56	0,55	0,45	Северо-северо-восточная
4	1,10	0,68	0,63	Западная
8	1,45	0,90	0,57	Северо-восточная
6	1,45	0,65	0,45	То же
3	1,47	0,62	0,60	» »
5	1,65	0,70	0,40	» »
1	1,80	0,55	0,43	Северо-северо-восточная
7	1,83	0,75	0,60	Северо-восточная

Следует отметить, что ящичные погребения андроновской эпохи, которые мне удалось раскопать в Хакассии, имеют преимущественно северную ориентировку, между тем одно из двух раскопанных в 1948 г. карасукских погребений, ориентированных на северо-северо-восток (в г. Абакане, на Набережной улице), содержало керамику, по форме и по орнаменту более андроновскую, чем карасукскую; это погребение относится, вероятно, к ран-

ней стадии карасукской культуры (рис. 49—1). Погребение с западной ориентировкой (поселок Аскировка) по ряду признаков приближается к тагарским и должно быть отнесено к поздней стадии карасукской культуры.

В труположении преобладает типичная для приабаканского района карасукской культуры ориентировка головой к северо-востоку (4 случая), к юго-западу (1) и к западу (1). Соответственно 4 костяка лежали на правом боку, спиной к южной стенке гроба; на левом боку, спиной к северной стенке гроба, — 2 костяка. Ноги были согнуты в коленях. Положение

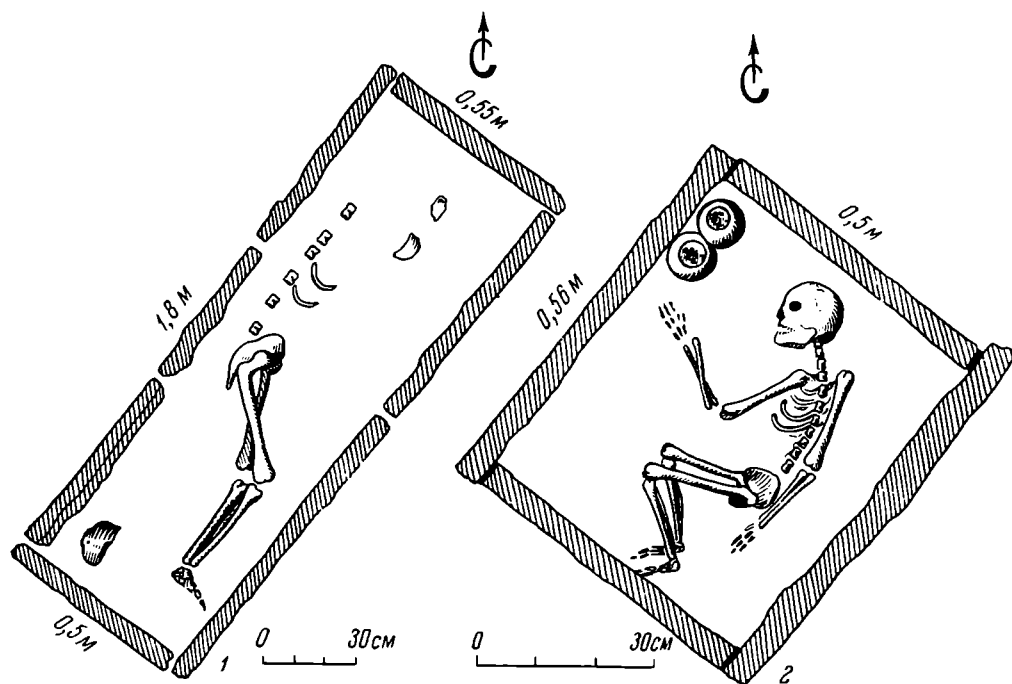

Рис. 49. Погребения раннекарасукского времени.

1 — женское, в Абакане, Набережная ул.; 2 — детское, в Абакане, Нефтебаза.

рук разное: правая рука вытянута вдоль тела (1 случай), согнута в локте (1 случай), левая рука согнута в локте и положена на животе (1 случай). В погребении 6 голова оказалась отделенной от туловища и лежала у середины северо-западной стенки гроба, около таза. Голова была отделена еще до разложения связок и даже кожи, а, может быть, и еще раньше; это видно по тому, что атлант оказался не с шейными позвонками, а у черепа; кроме того, еще не разложилась мочка уха — колечко сережки находилось на черепе, где ему надлежало быть.

Среди инвентаря в погребениях были сосуды: по одному — в 2 погребениях, по два — тоже в двух и в 2 погребениях было по 3 сосуда. В одном из последних, кроме того, оказались черепки еще 2 сосудов, профиль и орнамент которых весьма напоминают андроновские. От них найдено всего по одному фрагменту, и нет уверенности в том, что они принадлежат карасукскому захоронению, а не попали случайно, в результате разрушения андроновского погребения при копке могилы (рис. 50—3).

Сосуды поставлены в гробах в северо-восточном углу в 2 погребениях, вдоль северной стенки — в одном и в области таза, но у северной стенки, — в 1 случае.

Девять сосудов — круглодонные, три — с незначительно уплощенным дном. У 10 сосудов шейка хорошо выражена, у двух — слабо, причем один из них плоскодонный. Необходимо отметить оригинальную особенность

одного из сосудов — четко выраженный бортик по основанию шейки с ее внутренней стороны (рис. 50—1).

Размеры сосудов из карасукских погребений типичны для этой культуры. Диаметр венчика у больших сосудов колеблется в пределах 12—17 см;

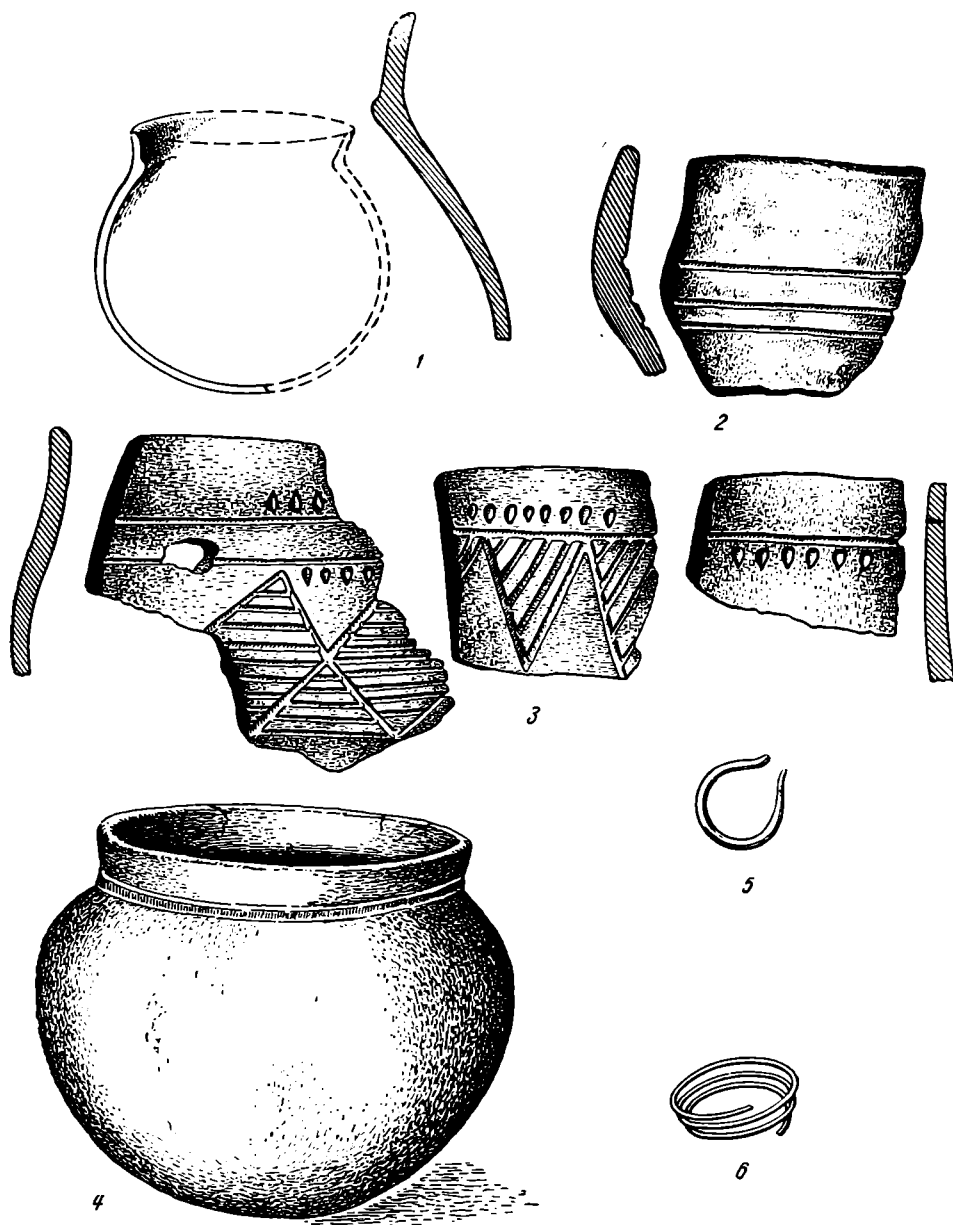

Рис. 50. Вещи из карасукских погребений.

1 — сосуд, снабженный бортиком по внутреннему краю; 2 — фрагмент круглодонного сосуда; 3 — фрагменты двух сосудов андроновского типа; 4 — круглодонный сосуд; 5 — медная сережка; 6 — пружинившее височное кольцо (1—3 — из женского погребения в Абакане; 4 — из детского погребения в Абакане; 5, 6 — из погребения девочки в Аскировке, Усть-Абаканского района).

наибольший диаметр — 14,2—20,5 см при высоте 10,6—17 см, что свидетельствует о значительном превышении наибольшего диаметра и даже диаметра венчика над высотой сосуда. Диаметр венчика маленьких сосудов колеблется в пределах 8,3—9,5 см; наибольший диаметр — 10,2—10,3 см, высота — 8,1—8,9 см. Это соотношение высоты и ширины типично для карасукской керамики вообще.

Орнаментика крайне небогата. Узор нанесен преимущественно по основанию шейки — в 3 случаях (50%), в 2 случаях — по плечу (33,3%) и

в одном — в придонной части сосуда (16,6%). Орнаментальные элементы: горизонтальные линии (от 1 до 4), круглые вдавлины с бугорком в центре, каплеобразные вдавлины, гребневидное сочетание линий; ромбовидные фигуры, равнобедренные треугольники, причем первые заштрихованы горизонтальными линиями, вторые — косыми.

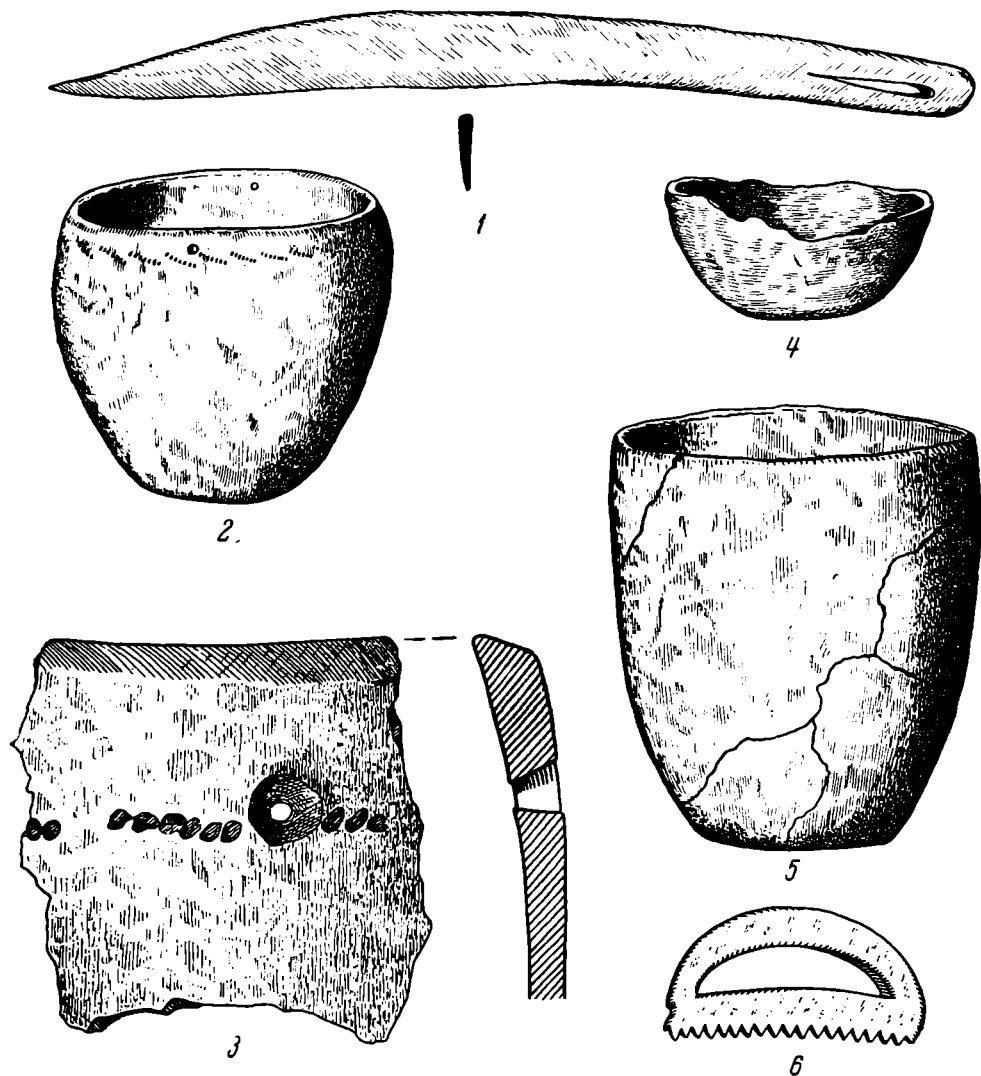

Рис. 51. Находки, относящиеся к тагарскому времени.

1 — нож тагарского типа; 2 — орнаментированный сосуд; 3 — фрагмент орнаментированного сосуда; 4 — плошка из донной части баночного сосуда; 5 — баночный сосуд; 6 — костяной гребень (1 — из женского погребения в Аскизе; 2, 3 — из женского погребения в Абакане; 4—6 — из детского погребения в Абакане).

Прочий инвентарь раскопанных погребений крайне беден. Несколько медных предметов: небольшой нож длиной 15,4 см, с шириной лезвия 1,4 см, скорее тагарский, чем карасукский, — и по незначительности изгиба, и по отверстию в форме петли в ручке (рис. 51—1); сережка в виде незамкнутого проволочного кольца, один конец которого более утолщен (рис. 50—5); пружинovidное височное кольцо (рис. 50—6); пуговица и 2 маленьких кусочка трубчатой пронизки, которые были найдены на верхней пластинке грудины (*Manubrium Sterni*) весьма плотно прижатыми к кости. Повидимому, эти пронизки были нашиты на нагрудник.

В 2 погребениях оказались кости барана, в одном — коровы, но вместе с бараньими. В погребении, найденном нами в Абакане, на Нагорной улице, оказались кости барана: правая лопатка, оба плеча, 7 правых ребер;

в могиле у перекрестка улиц Минусинской и Фурманова — обе лопатки, оба плеча и 3 пары первых ребер барана. Таким образом, совершенно очевидно предпочтение, которое оказывалось, во-первых, передней половине туши животного и, во-вторых, — правым костям этой половины. Из костей коровы найдены только 3 ребра, кажется, с середины туши.

Наконец, заслуживает быть отмеченным положение костей барана на ладони правой руки; мясо было как бы вложено в руку покойника (погребения 6 и 7).

2

Вскрытые нами погребения, относящиеся к тагарской культуре, оказались очень интересными.

Погребение у церкви в Абакане, как наиболее раннее для тагарской эпохи, содержащее ряд карасукских признаков, кратко уже описано С. В. Киселевым¹. Но отмечены не все заслуживающие внимания особенности.

Асимметричный, приближающийся к трапеции в плане ящик, составленный из довольно массивных песчаниковых плит (размером: 1,8 м — северная стенка, 2 м — южная, 1,05 м — восточная и 0,92 м — западная, при глубине 0,65 м) был окружен типично карасукской прямоугольной оградкой (3 × 4 м) из песчаниковых плит, высотой около 0,3 м (рис. 52 — V). Ориентировка и гроба и оградки — северо-восточная. Гроб был покрыт разбитыми песчаниковыми плитами, втиснутыми в ящик.

Захоронены были женщина (около 40 лет) и ребенок. Женщина положена на спине, головой к северо-востоку. Голова покоилась на небольшой, почти квадратной, плитке песчаника, поставленной слегка наклонно. Обе руки вытянуты вдоль тела и лежали ладонями книзу. Ноги согнуты в коленях (колени подняты кверху), а поперек бедер, головой к северной стенке гроба, был положен ребенок в возрасте около года.

Среди находок в погребении датирующими являются два крупных, типично тагарских, конических сосуда² из темносерой глины хорошего замеса (рис. 51 — 2, 3).

Орнамент первого сосуда оттиснут косым гребенчатым штампом ниже венчика. Узор на втором сосуде сходен с предыдущим, но выполнен не штампом, а каким-то тупым, довольно широким стержнем, благодаря чему постановка отдельных оттисков неодинакова. В обоих сосудах ниже венчика сделано по два круглых отверстия, расположенных одно против другого и, очевидно, служивших для подвешивания сосудов над огнем. Отверстия конические, просверлены снаружи. Сосуды закопчены снаружи и содержали накипь на внутренней стенке, т. е. явно были в употреблении до постановки их в могилу.

Тагарское погребение девочки (в Абакане, на Октябрьской улице) интересно некоторыми особенностями, ранними для этой культуры и во многом связанными с карасукской (рис. 52 — IV). Гробик-ящик, сложенный из песчаниковых плит, прямоуголен в плане, ориентирован на юго-юго-восток. Длина его — 1,5 м, ширина восточного конца — 0,6 м, западного — 0,48 м, глубина — 0,36 м. Плиты покрытия разбиты и втиснуты в ящик, ими поврежден костяк и особенно череп. Погребенная, умершая вскоре после смены зубов, лежала на спине, головой к востоку (лицо повернуто к северу). Руки вытянуты вдоль тела.

¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 188.

² Размеры сосудов (в сантиметрах):

	Сосуды	
	1	2
Диаметр по венчику	34,8	34,5
Наибольший диаметр	35,2	35,0
Диаметр дна	22,6	23,0
Высота сосуда	34,0	24,2

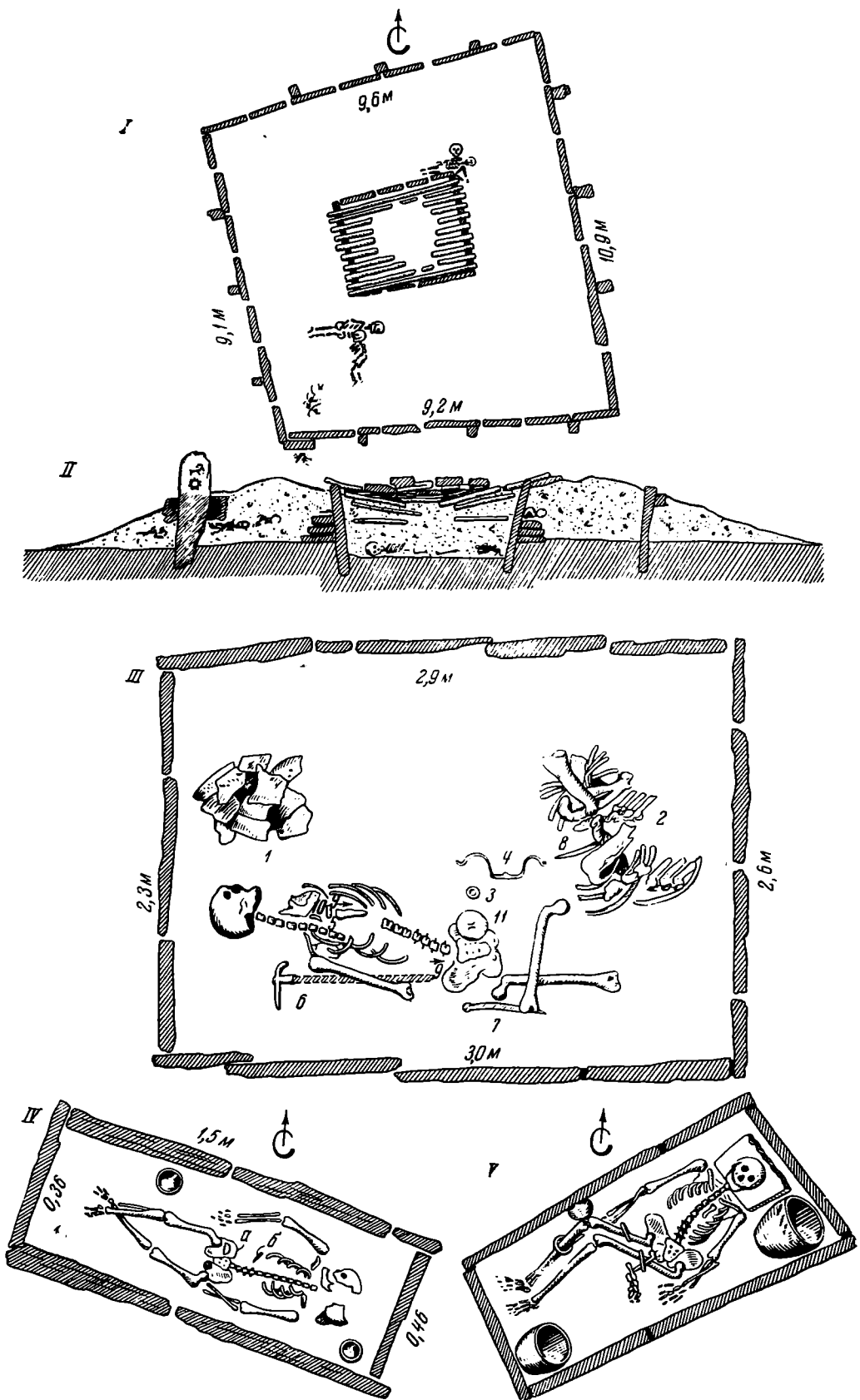

Рис. 52. Погребения, относящиеся к тагарскому времени.

I—III — план курганного сооружения, разрез его и план погребения в кургане близ улуса Райкова (1 — раздавленные сосуды; 2 — кости коня и коровы; 3 — втулка ножен; 4 — так называемая «модель ярма»; 5 — пастовая бусина; 6 — клевец; 7 — большой нож; 8 — малый нож; 9 — наконечник стрелы; 10 — клык медведя; 11 — медное зеркало); IV — детское погребение в Абакане, Октябрьская ул. (отмечены места находок: а — гребни, б — шильца); V — погребение женщины с ребенком в Абакане.

В юго-восточном углу гроба стоял небольшой, баночной формы горшок без орнамента, с плоским дном, приближающийся по типу к андроновским сосудам из погребений у церкви в Абакане¹ (рис. 51—5). Между правым коленом и северной стенкой гроба помещена плоская, сделанная из донной части небольшого, тоже баночной формы, сосуда с диаметром дна около 8 см; наибольший диаметр у линии излома несколько больше 10 см, высота — в среднем около 4 см (рис. 51—4).

Вблизи последнего правого ребра найден кусочек острия четырехгранного в сечении медного шила толщиной 2—3 мм, а на правой тазовой кости — костяной, сегментовидный гребешок (рис. 51—6). Возможно, это керамический штамп, так как зубчики слишком коротки для гребешка. Однако С. В. Киселев отмечает, что тагарские гребни, вырезанные из кости, обычно имеют вид прорезного полудиска с опущенными вниз зубцами.

На расстоянии около 2 км к северо-западу от улуса Райкова Усть-Абаканского района, на второй надпойменной террасе, над протокой р. Уйбата, нами вскрыт курган² (рис. 52—I—III) диаметром 13—16 м. Насыпь его высотой 0,6 м была вытянута к северо-востоку, по линии господствующих ветров. На поверхности слегка выступали камни оградки и невысокие угловатые камни. Только камень юго-западного угла возвышался над почвой немного более 0,5 м. Оси курганной трапециевидной оградки были направлены к северо-северо-западу и к востоку-северо-востоку. Протяженность сторон разная: 9,1 м — западная, 9,6 м — северная, 10,9 м — восточная и 9,2 м — южная. На поверхности почвы заметны были камни, подпиравшие с внешней стороны камни оградки и служившие как бы контрфорсами (по три с каждой стороны).

На более высоком юго-западном угловом камне, на плоскости, обращенной к югу, были выбиты рисунки: схематическое изображение барана и под ним — круг с лучами (рис. 53—9).

Почти в центре кургана стоял ящик-гроб, вкопанный в материк на 0,3 м; его стенки сооружены из массивных песчаниковых плит, поставленных на ребро. С наружной стороны они были подперты двумя-тремя рядами положенных плашмя обломков песчаника. Не все плиты стенок были закопаны на одинаковую глубину, но все их верхние края выступали на одном уровне — почти на 0,9 м над дном могилы. Ящик трапециевидный в плане: западная стенка его в 2,3 м, восточная — 2,6 м, северная — 2,9 м и противоположная южная почти — 3 м. Северная стенка почти параллельна северной стене оградки кургана, но находилась в 3,5 м от нее. Погребение значительно нарушено грабителями, однако многие детали его хорошо прослеживались (рис. 52—III).

Покрытие гроба состояло из 10 стволов лиственницы и березы (толщиной около 20 см каждый), поверх которых был настлан слой лиственничной и березовой коры, перекрытый в свою очередь несколькими рядами плит песчаника.

Под обвалившимися камнями и покрытием обнаружено погребение мужчины. Скелет лежал ближе к южной стенке, на спине, головой на запад. Правая рука слегка согнута в локте; кисть находилась на верхнем конце правого бедра. Положение бедра правой ноги почти не нарушено, голень незначительно перемещена. Плечо и предплечье левой руки не обнаружены; кисть — на месте. Бедро левой ноги лежало поперек бедра правой. Нижняя челюсть отвалилась от черепа.

¹ Размеры горшка: высота — около 15 см, диаметр по венчику — 10 см, диаметр дна — 6 см.

² Пользуюсь случаем выразить начальнику Хакасского Водстроя инженеру О. В. Яворскому мою признательность за предоставление возможности произвести раскопки этого погребения.

В северо-западной части гроба, почти против лица погребенного, обнаружены 2 сосуда¹, раздавленные рухнувшим перекрытием. Большой сосуд —

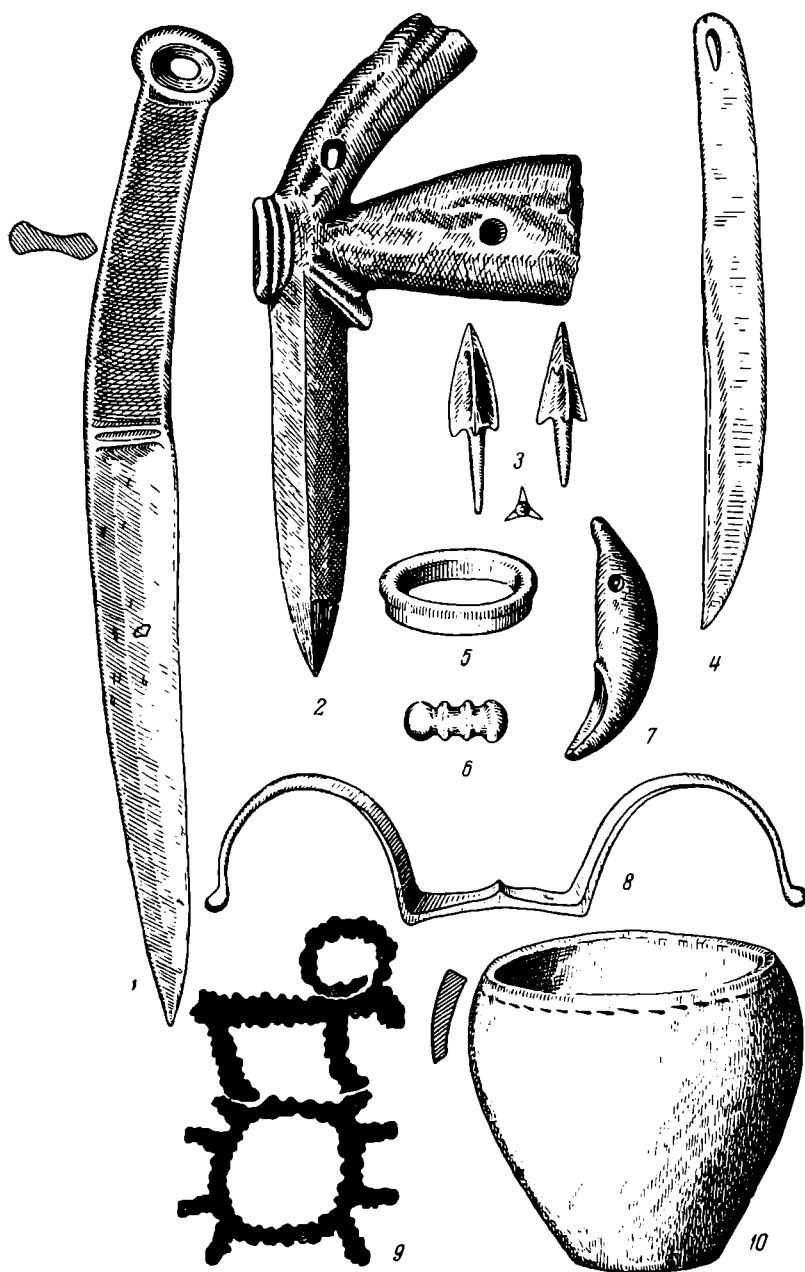

Рис. 53. Вещи из мужского погребения близ улуса Райкова.

1, 4 — ножи, большой и малый; 2 — клевец; 3 — наконечники стрел; 5 — втулка ножен; 6 — пастовая бусина; 7 — клык медведя; 8 — так называемая «модель ярма»; 9 — рисунок на угловом надгробном камне; 10 — глиняный сосуд.

конической формы, орнаментированный прорезями, нанесенными острием ножа на глубину 1—2 мм и длиной 10—16 мм (рис. 53—10). Меньший

¹ Размеры сосудов (в сантиметрах):

	Сосуды	
	1	2
Высота	45	24
Диаметр венчика	40	25
» » дн	30	10

Сосуд, аналогичный первому, издан С. В. Киселевым (указ. соч., табл. XXVII, рис. 4); второй сходен с сосудом на рис. 2 той же таблицы.

сосуд, приближающийся к баночному типу, — с небольшим валиком по наружному краю венчика; орнамент такой же, как и на первом сосуде, но более небрежно нанесенный.

Возле шеи найден большой медвежий клык — подвеска с просверленным отверстием в корневой части (рис. 53—7), на груди — пастовая бузина (рис. 53—6).

Левее грудной кости лежал бронзовый черешковый наконечник стрелы, обращенный острием книзу; в области живота — такой же наконечник, несколько меньших размеров (рис. 53—3), обращенный острием в сторону таза. Трудно сказать, были ли эти наконечники положены в могилу при погребении, или они находились в теле покойного после ранения. Последнее нам кажется более вероятным.

У правого плеча обнаружен массивный клевец, а под плечевой костью четко прослеживалось его деревко (рис. 53—2). Клевец втульчатый, с длинной выступающей втулкой, обушковый; обушок в значительной части полый, овальный в сечении, опущен книзу. Ударник кледца в поперечном сечении ромбовидный. Сочетанием пирамидально-заостренного конца ударной части с общей массивностью предмета достигалась большая сила удара, большая эффективность этого «распространеннейшего оружия тагарской эпохи»¹.

В Хакасском областном музее краеведения есть черепа из погребений средней поры тагарской эпохи, пробитые клевцом, свидетельствующие о весьма эффективном применении тагарцами этого оружия.

«К сожалению, — пишет С. В. Киселев, — находок крупных клевцов несоизмеримо меньше, чем кинжалов. Поэтому некоторые формы можно устанавливать только по миниатюрным изображениям»². Найденный нами клевец, безусловно, заслуживает внимания. Длина его ударной части — 9 см (до втулки), ширина ее у втулки — 1,2—1,5 см, длина обушка — 5 см, длина втулки — 7,5 см, ширина ее на лицевой стороне кледца — 2 см и на противоположном конце — 3,5 см. Таким образом, втулка имеет уплощенно-коническую форму.

У правой же руки, несколько выше кисти, найден большой бронзовый нож с кольцом на верхнем конце (рис. 53—1). Длина его — 24 см, длина лезвия — 14 см, наибольшая ширина лезвия — 2 см, наибольшая толщина обушка — 1 см. Угол продольной оси лезвия к оси ручки равен 160°. Нож такого размера и типа мог служить и в качестве оружия.

Между костями таза лежало обычное медное зеркало местного производства и слева от него, — очевидно, у левого бедра, — бронзовая втулка ножен ножа (рис. 53—5). Еще левее — предмет, назначение которого археологами до сего времени не определено и С. В. Киселевым условно называется «моделью ярма» бычьей упряжки (рис. 53—8).

В ногах покойника осталось значительное количество костей коня и коровы — исключительно передних частей: лопатки, плечевые кости, передние ребра, шейные и межлопаточные позвонки. Среди костей найден небольшой бронзовый почти прямой нож длиной 14 см и шириной 1,4 см, при толщине около 0,5 см (рис. 53—4).

У северо-восточного угла гроба, с наружной его стороны, в курганной насыпи вскрыты еще 2 скелета. Трупы мужчин в возрасте 30—40 лет были брошены один поверх другого, головой к северу и северо-востоку и ногами — один вдоль восточной наружной стенки гроба, другой — вдоль северной. Нижний костяк лежал на спине; правая нога, согнутая в колене, упиралась коленом в угол гроба, левая была вытянута. Кисть правой руки нижнего трупа лежала под крестцом, левая — вытянута. На затылке черепа нижнего

¹ С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 139.

² Там же, стр. 194.

костька заметна узкая, 8 см длиной, пробоина, нанесенная, очевидно, топором. Верхний костьяк лежал поперек нижнего, спиной кверху. Левая рука была вытянута, и кисть находилась на бедре; правая — согнута в локте, кисть лежала у головы. Голова опущена книзу. В правой лопатке верхнего скелета зияла большая пробоина, узкая и длинная, с краями, загнутыми внутрь, очевидно, следствие удара копьем сзади.

Никаких признаков гроба около скелетов не было. В грунте кургана не обнаружено никаких признаков ямы, которая обязательно была бы прослежена, если бы захоронение было совершено в кургане после его сооружения. При костьяках не найдено никаких вещей; создается впечатление, что трупы положены в землю в процессе сооружения кургана. Очевидно, это не вводное погребение более позднего времени, а одновременное с захоронением в гробу.

В юго-западной части кургана, почти в середине площадки между углами гроба и оградки (у камня с рисунком), у внешней стороны гроба, на одном уровне с только что описанными костьяками 2 мужчин обнаружены еще 2 скелета — женщины и девочки. Женщина (около 40 лет) лежала на спине, головой на восток, ногами к западу. Череп лицевой частью повернут к стенке гроба. Кисть правой руки — на животе; левая рука откинута к югу. Кости черепа около слухового отверстия позеленели, очевидно, от разложения медной сережки. Скелет девочки (10—12 лет) лежал поверх левой руки женщины. Голова девочки правой щекой покоилась на груди женщины. Руки согнуты в локтях и обе кисти — у левого бока женщины. Левая сторона черепа в области слухового отверстия озеленена разложившейся медью. Никаких вещей, признаков гроба или ямы, вырытой в насыпи кургана, не обнаружено. Повидимому, и эти трупы были погребены в насыпи кургана при его возведении.

Возле скелетов женщины и девочки, у камней оградки, а также на одном уровне с мужскими костьяками, у самого углового камня с рисунком, но с наружной стороны оградки, встречено значительное количество конских и коровьих костей от задних частей туши. Сопоставление костей, найденных здесь, с костями, находившимися в гробу у ног покойника, показало, что они принадлежат одному и тому же коню и одной корове. Очевидно, передние части туши, как более почетные, были положены покойнику, а задние съедены участниками трапезы и кости зарыты в курган.

Втульчатый, круглообушковый массивный бронзовый клевец, большой бронзовый нож со значительным для тагарских ножей углом, черешковые, трехперые бронзовые наконечники стрел, сосуд, приближающийся к типу баночных, наконец, весьма примитивный предмет в виде «ярма» и медвежий клык на груди покойника, — все это позволяет отнести погребение, несмотря на наличие контрфорсов у оградки, к ранней стадии тагарской культуры.

Погребение, раскопанное нами в г. Абакане на Советской улице, представляет собой пример того, как в позднетагарское время особенности карасукских погребений в каменном ящике сочетались с характерными элементами таштыкских захоронений в грунтовой яме.

Здесь был раскопан каменный курганчик (высотой около 0,3 м) с квадратной оградкой размером около $5,5 \times 5,5$ м. Оградка прослежена не везде; обнаружены лишь отдельные плиты песчаника длиной от 0,4 до 0,7 м и не превышающие 0,3 м высоты.

Погребение мужчины находилось в грунтовой яме, головная часть стенок которой была обставлена песчаниковыми плитами. Покрытие состояло из 8 лиственничных бревен 16—20 см толщиной и до 2,2 м длиной, положенных вдоль по борту ямы значительно выше торцов каменной обкладки ее стен. Глубина могильной ямы — 0,9 м; высота каменной обкладки стен

не превышала 0,5 м. Середина покрытия разрушена грабительским лазом, но признаков разрушения каменных стенок не обнаружено.

Погребенный лежал на спине, головой к северо-востоку. Ноги и руки вытянуты. В изголовье, справа и слева, стояло по одному сосуду. От правого (с северной стороны) сохранилось лишь несколько фрагментов, однако давших возможность реконструировать форму. Сосуд, стоявший слева, сохранился лучше и почти полностью восстановлен¹.

Первый сосуд — типично тагарский², из темносерой глины, хорошего замеса, при почти полном отсутствии зерен кварца. Венчик и придонная часть много толще стенок. В верхней части стенки заглажены каким-то инструментом, движением по венчику не по дуге, а по прямой, что оставило на поверхности прямые штрихи. Внутренняя сторона — неровная. Сосуд был в употреблении — он закопчен снаружи, а внутри заметна накипь.

Второй сосуд по форме приближается к кубкообразным тагаро-таштыкского типа; у него можно отметить признаки формирования поддона высотой 8—10 мм. Глина та же, что и у первого. Сосуд орнаментирован 5 горизонтальными полосами косо поставленных оттисков гребенчатого штампа. Ниже полос, прилегая непосредственно к ним, нанесены 2 зигзагообразных пояса из оттисков того же штампа.

3

На второй надпойменной террасе, в вершине обширной дуги древнего берега р. Абакана, находится интереснейший в археологическом отношении уголок города. Здесь сосредоточено большое число древних погребений курганного и бескурганного типа, относящихся почти ко всем древним культурам. На участке, где велось строительство до наших раскопок, уничтожено много погребений.

Раскопанные нами погребения, относящиеся к таштыкской эпохе, совершались в грунтовых ямах (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

№ погребения	Размеры могильных ям в метрах		
	длина	ширина	глубина
4	0,85	0,65	0,50
1	0,85	0,65	1,65
2	0,92	0,55	1,20
5	1,25	0,55	1,10
3	1,25	1,15	0,82

Продолговатые ямы ориентированы с запада на восток; одна, квадратная в плане, не имеет четко выраженной ориентировки, но череп подростка, сохранившийся в ней, лежал лицом на запад.

Во всех случаях ямы были засыпаны песком. Покрытие над ними состояло в 2 погребениях из расколотых стволов лиственницы, толщиной 16—18 см, положенных горбылем кверху и плотно пригнанных один к другому. Поверх горбылей настлано в одном случае два слоя бересты, в другом — один. Одно из погребений покрыто лиственничной дранкой, поверх которой лежал слой бересты, над другим — только береста и в одном случае покрытия не было. Во всех погребениях берестовое покрытие (0,92 × 1,42 м;

¹ Размеры его: диаметр по венчику — 21 см, наибольший диаметр — 24 см, диаметр дна — 12 см, высота — 20 см.

² Ср. С. В. Киселев. Указ. соч., табл. XXVII, рис. 16.

1 × 1 м; 1,25 × 1,54 м и 1,28 × 1,43 м) было меньше бревенчатого. В двух случаях покрытие было опущено вниз на 8—15 см и лежало на карнизе, вырезанном в стенке могильной ямы.

Захоронения разнятся по обряду; вскрыты 3 трупосожжения, 1 захоронение костей (но не трупа) и 1 труположение. При трупосожжениях (погребения 1, 2 и 3) в середине могилы стояли сосуды и вокруг, совсем вплотную к ним, свалены кости животных, отдельные обгоревшие кости человека, а также небольшое количество березового угля и золы. В центре ямы, где были захоронены лишь кости, лежал череп подростка и около него — обломки длинных костей, перемешанные с костями барана, а по сторонам, в юго-восточном и северо-западном углах, стояло по одному сосуду; кости человека выветрены, отбелены и рыхлы, тогда как кости животных не имели признаков пребывания на воздухе. Очевидно, череп и кости человека оставались какое-то время без погребения, тогда как кости животных положены в могилу, еще покрытые мясом.

Из этнографии известно, что, например, монголы, оставляя покойников в степи, чукчи, вывозя умершего в тундру, или гольды, хороня покойника, кормили его душу, кладя небольшой запас пищи, и в то же время, при обряде отправления души покойника в царство мертвых, клали с ним или сжигали значительно большее количество продовольствия, т. е. снабжение души умершего пищей производилось дважды. Наличие вместе с выветренными костями человека невыветренных костей животных свидетельствует о том, что в таштыкскую эпоху при вторичном погребении костей умершего, какое-то время пролежавших в степи, еще раз клался запас продовольствия в виде мяса. Небезинтересно вспомнить некоторые черты из этнографии хакасов. Хакасы не говорят «выносить мертвеца», «выносить покойника», а «поднимать, выносить кости»; кладбище они называют «костище». Другими словами, и у хакасов, повидимому, практиковалось двукратное погребение: вынос в степь умершего и последующее захоронение уже костей.

В единственном случае труположения (погребение 5) покойник был положен на спине, головой к востоку. Левая рука вытянута; правая — согнута, и кисть лежала на лобке.

Интересно отметить, что во всех случаях трупосожжений, судя по массивности обгоревших кусков, кости принадлежали взрослым субъектам, тогда как несожженные кости в погребении 4 и целый скелет в погребении 5 принадлежали подросткам. Очевидно, сожжению подвергались взрослые, а недостигшие зрелости хоронились.

Все погребения сопровождалась посудой. В первом стояли 4 сосуда, в трех последующих — по два и в пятом — три. Но все они мало разнообразны по форме и по размерам (табл. 3).

Из 13 сосудов 9 (или 69%) приближаются по форме к баночным; чашкообразный по существу представляет разновидность все той же баночной формы; сюда же надо отнести и кубкообразный. Следовательно, — налицо преобладание архаической формы посуды.

Сосуды в большинстве ставились в могилу уже бывшими в употреблении; они закопчены снаружи и покрыты накипью внутри, а один из сосудов был разбит и затем скреплен тремя, — видимо, кожаными, — связками (погребение 1; рис. 54 — 1); в другом случае вертикальная трещина на венчике залеплена глиняным валиком.

При всех трупосожжениях сосуды ставились в середине ямы и вокруг них, плотно к ним прилегая, находились кости животных и обломки костей человека. В погребении 4 (захоронение костей) сосуды стояли в противоположных углах ямы — в юго-восточном и северо-западном. В погребении 5 (подростка) два сосуда были поставлены по обе стороны головы и один — у левой ступни (рис. 54 — 8, 9).

Таблица 3

№ по- гребен- ня	Число сосудов	Тип сосудов	Размеры в сантиметрах				
			диаметры				высота
			венчика	шейки	наибольший	дна	
1	4	Баночный	24,7	—	25,5	15,5	25,2
		Чашкообразный	14,0	13,3	15,0	8,5	8,7
		Баночный	22,0	—	22,7	13,0	—
		»	15,3	—	16,8	9,0	—
2	2	Кубкообразный	8,5	8,3	13,6	7,0	12,5
		Баночный	13,9	13,7	15,3	8,1	13,2
3	2	Конический	16,6	—	19,6	10,1	20,8
		Баночный	13,5	—	17,2	10,0	18,5
4	2	»	11,4	11,4	13,4	9,0	12,8
		»	19,9	20,3	20,3	15,3	19,2
5	3	»	17,8	17,8	18,7	6,3	18,7
		Бомбовидный	15,4	—	17,7	10,5	17,3
		Крышкообразный	9,2	8,8	10,8	5,6	10,0

Украшено большинство сосудов бедно. Чаще это треугольные вдавлики концом чекана, располагающиеся в один горизонтальный ряд. В одном случае было 2 ряда, а в другом — вдавлики расположены прямоугольными группами; иногда маленькими треугольничками заполняли большие треугольники (рис. 54—3). Круглые вдавлики представлены дважды (погребение 1): одни — крупного диаметра, но не глубокие; другие — маленькие, расположенные в прямоугольные группы под одной горизонтальной линией таких же вдавлит (рис. 54—2).

В погребениях были найдены кости коровы и барана, причем кости барана количественно преобладали. Принадлежность костей к частям туши заслуживает внимания (табл. 4).

Таблица 4

Кости	Баран					Корова				
	№ погребения									
	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
Лопатка правая	+	+	+	—	—	—	—	+	—	—
Плечо правое	+	+	+	—	—	+	—	—	—	—
» левое	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—
Предплечье правое	—	—	—	—	—	+	—	+	—	—
Позвонки грудные	+	—	+	—	—	—	—	—	—	—
Ребра первые, парные	+	+	+	—	—	—	—	+	—	—
» » правые	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—
Астрагалы	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—
Вся задняя часть барана: крестец, подвздошная кость, последние позвонки, хвост, се- далищная кость, бедренная, заплюсна, плюсна, но без фа- ланг	—	+	—	+	—	—	—	—	—	—

Таким образом, если исключить 2 случая закладки всей задней части барана, получается, что в остальных 3 погребениях были кости только

передней части животного и главным образом правой стороны. Кроме того, в погребении 2, помимо задней части, найдены кости и передней: лопатка правая, плечо правое, ребра правые (парно), а это дает не 3, а 4 случая

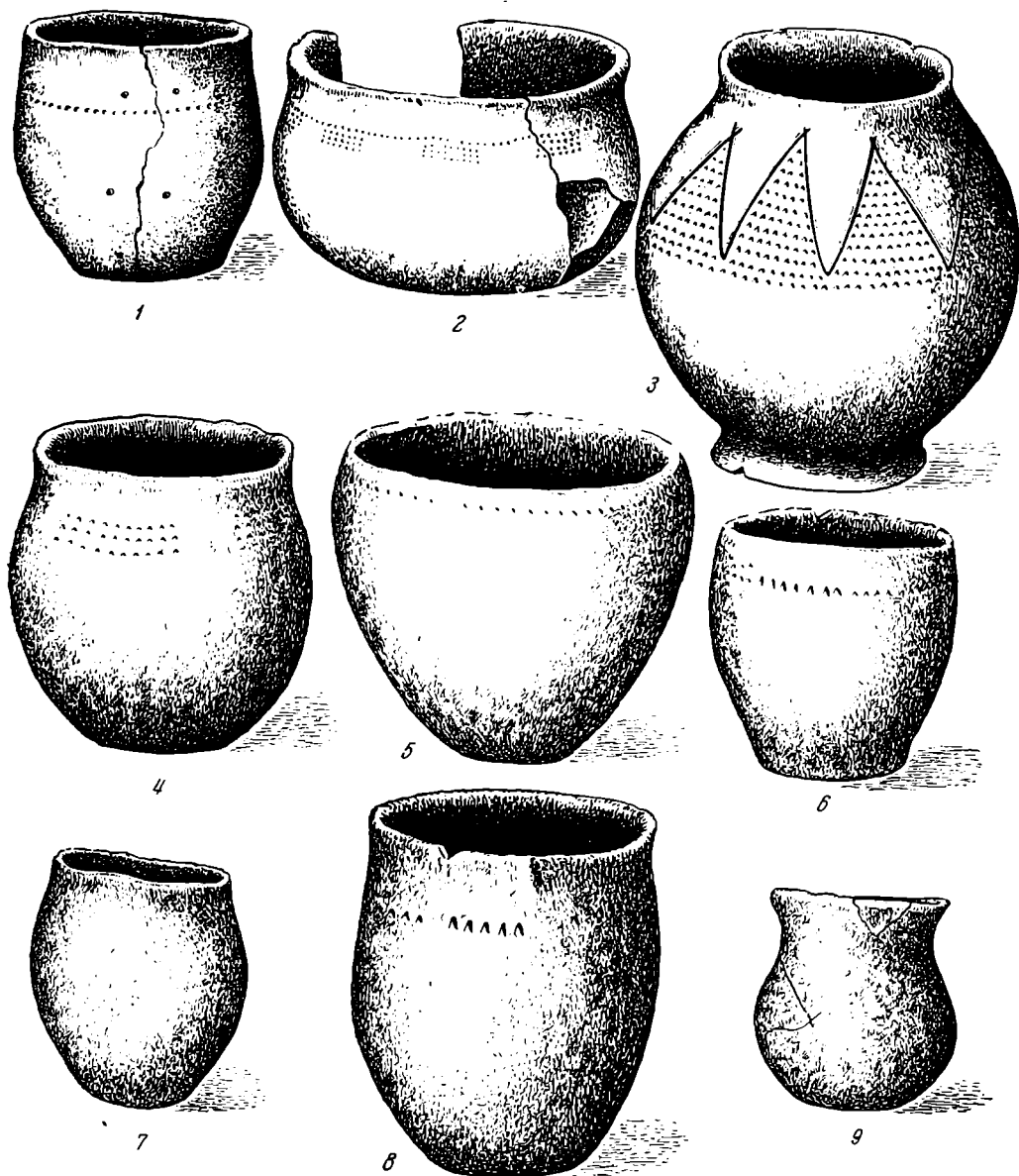

Рис. 54. Сосуды из погребений, относящихся к таштыкскому периоду.
1, 2 — из погребения 1; 3, 4 — из погребения 2; 5 — из погребения 3; 6, 7 — из погребения 4; 8, 9 — из погребения 5.

из 5 случаев закладки передней и преимущественно правой части туши; из левых костей найдено только плечо коровы.

В этой связи и вспоминая аналогичное явление в описанных нами карасукских погребениях и в погребении тагарца с рабами интересно обратиться вновь к этнографии хакасов, которые считают именно переднюю — и особенно правую — часть туши животного более почетной. Эти части предпочтительно подаются гостю и кладутся в могилу при погребении.

III. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

В. П. ШИЛОВ

К ИЗУЧЕНИЮ ПАЛЕОЛИТА НИЖНЕГО ПОДОНЬЯ¹

Осенью 1954 г. Нижнедонской археологической экспедиции Ростовского областного краеведческого музея и ИИМК, занимавшейся раскопками Елизаветовского городища и курганов, была передана жителем хутора Курган

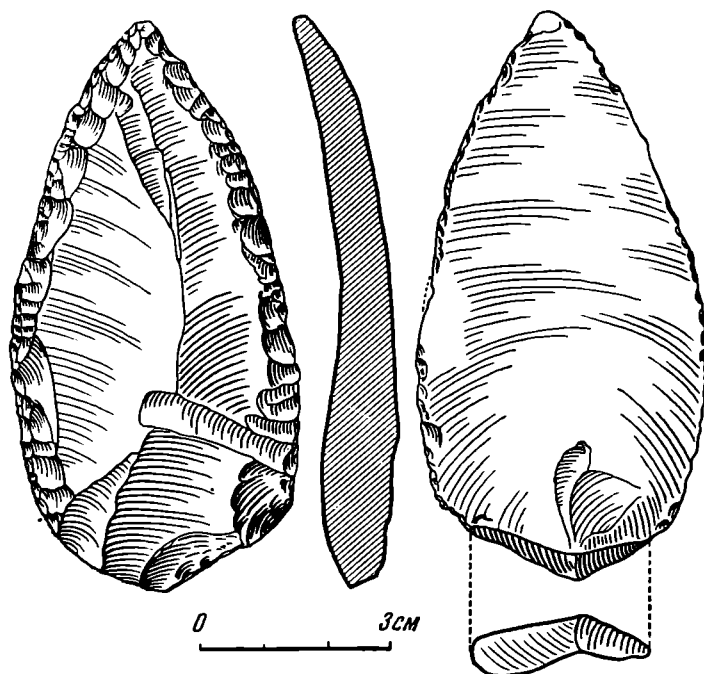

Рис. 55. Кремневый остроконечник.

Н. А. Дюжиковым «громовая стрела» (рис. 55). По словам Н. А. Дюжикова, находка обнаружена в 1952 г. у подошвы одного из курганов, исследованных А. А. Миллером². При тщательном осмотре сотрудниками экспедиции места находки ни кремневого инвентаря, ни фауны не встречено. Место, где сделана находка, расположено в низменной луговой пойме, которая омывается с юга Азовским морем, с севера, запада и востока —

¹ Пользуюсь случаем выразить признательность сотрудникам сектора палеолита ИИМК за консультацию при написании мною этой заметки.

² А. А. Миллер. Раскопки в районе древнего Танаиса. ИАК, вып. 35, стр. 86 и сл.

Мертвым Донцом и Доном. До строительства Цимлянской гидроэлектростанции значительная часть территории поймы, в том числе и Елизаветовские курганы, заливалась водой.

С обеих сторон «громовая стрела» покрыта чрезвычайно плотным слоем беловатой патины и несет слабые следы окатанности. Орудие — почти правильной листовидной формы и обработано односторонне. С необработанной стороны четко выделяется ударный бугорок. С противоположной от острия стороны орудие завершается хорошо выраженной двускатной ударной площадкой. На обработанной поверхности заметны следы продольных сколов, придающих орудию трапециевидную в разрезе форму. У ударной площадки заметны следы двух поперечно-косых сколов, выполненных отжимной техникой. Рабочие края отретушированы округлыми ровными фасетками; грани их несколько сглажены в процессе последующего окатывания орудия. Длина орудия — 8,7 см, наибольшая ширина — 4,4 см.

По морфологическим признакам «громовая стрела» является типичным мустьерским остроконечником классического образца¹. Однако обработка рабочего края мелкими округлыми фасетками, а также наличие поперечно-косых сколов, выполненных отжимной техникой, несколько отличают «стрелу» от мустьерских орудий, для которых характерна ретушь с заломами².

Таким образом, по технике обработки найденный остроконечник близок верхнепалеолитическим орудиям, в частности, ориньякским³. Однако архаическая форма орудия и ряд других морфологических признаков заставляют отнести его к мустьерскому периоду, точнее — датировать находку позднему мустьерскому времени.

С. Н. Замятнин, рассмотрев в одной из своих работ ряд нижнепалеолитических местонахождений на территории Приазовья, отметил находки мустьерских орудий в песчаном карьере у г. Каменска, у с. Бесергеновки близ Таганрога, на р. Крынке близ сел Амвросиевки (в том числе и сборы П. И. Борисовского), Новоклиновки, Успенки, Белояровки и Матвеева Кургана⁴. Кроме того, известны нижнепалеолитические местонахождения, открытые Г. И. Горецким в 1950 г. у хуторов Хрящи и Михайловского в низовьях Северного Донца, а также у станицы Константиновской⁵.

Местонахождение елизаветовского остроконечника является наиболее юго-восточным пунктом распространения мустьерских орудий на берегах нижнего Дона и в Северном Приазовье. Район елизаветовских курганов расположен между территориями, где уже известны находки остатков культуры неандертальского человека: между Нижним Поволжьем⁶, с одной стороны, и Прикубаньем⁷, — с другой.

Благодаря этой находке следует еще раз поставить вопрос о необходимости систематических поисков нижнепалеолитических местонахождений в Нижнем Подонье. Эта необходимость подкрепляется находками фауны, происходящими из этого же района. Осенью 1953 г. рыбаки колхоза им. Ленина вытащили с сетями из Дона у станицы Елизаветовской целый череп и бивень крупного млекопитающего⁸.

¹ П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 218, рис. 80.

² С. Н. Замятнин. Заметки о палеолите Донбасса и Приазовья. Сб. МАЭ, XIV, 1953, стр. 236.

³ П. П. Ефименко. Указ. соч., стр. 333, рис. 133.

⁴ С. Н. Замятнин. Указ. соч., стр. 250 и сл.

⁵ Г. И. Горецкий. Следы палеолита и мезолита в Нижнем Подонье. СА, XVI, 1952, стр. 302 и сл.

⁶ Е. И. Крупнов. Сталинградская археологическая экспедиция. Вестник Академии наук СССР, 1953, № 6, стр. 43 и сл.

⁷ С. Н. Замятнин. Некоторые данные о нижнем палеолите Кубани. Сб. МАЭ, 1949, стр. 485 и сл.

⁸ Кости переданы экспедицией в Ростовский областной краеведческий музей.

О. В. МИЛОРАДОВИЧ

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ
В ГРОЗНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1954 г. в Грозненской областной краеведческий музей были доставлены 2 предмета из погребения, вскрытого на территории Сталинского района г. Грозного. Это медальоновидная подвеска из мергеля и большая кремневая ножевидная пластина.

Никаких подробностей о раскопках не сообщено. Известно лишь, что вещи найдены при скорченном костяке, густо посыпанном красной краской, следы которой сохранились и на предметах. Подвеска (диаметром 7 см, толщиной 1 см) сделана из белого плотного мергеля; она почти правильной круглой формы. Внешняя поверхность гладкая, заметно выпуклая (рис. 56 — 2), внутренняя — слегка вогнутая. Верхний край подвески срезан, и в нем сделаны 2 отвер-

Рис. 56.

1 — ножевидная кремневая пластина; 2 — подвеска из мергеля.

стия, выходящие на внутреннюю сторону. Подвеска лучше отшлифована с внешней стороны и слегка — с внутренней. Окрашенность ее в розовый цвет, очевидно, следует объяснять наличием в погребении красной краски.

Ближайшую аналогию подвески мы находим в известном Мариупольском неолитическом могильнике III тысячелетия до н. э., где в погребении

СІХ на груди детского костяка обнаружена подобная шлифованная подвеска из порфирита. По мнению Н. Макаренко, она служила амулетом¹.

Второй предмет — ножевидная, слабо изогнутая пластина из светлого желтовато-серого кремня, треугольная в сечении, высотой 0,7 см и длиной 17 см. Пластина отделена от крупного призматического нуклеуса. Края ее подправлены ретушью со стороны спинки (рис. 56 — 1).

Как известно, подобные большие кремневые пластины были широко распространены в неолитическую и энеолитическую эпохи. Известны они

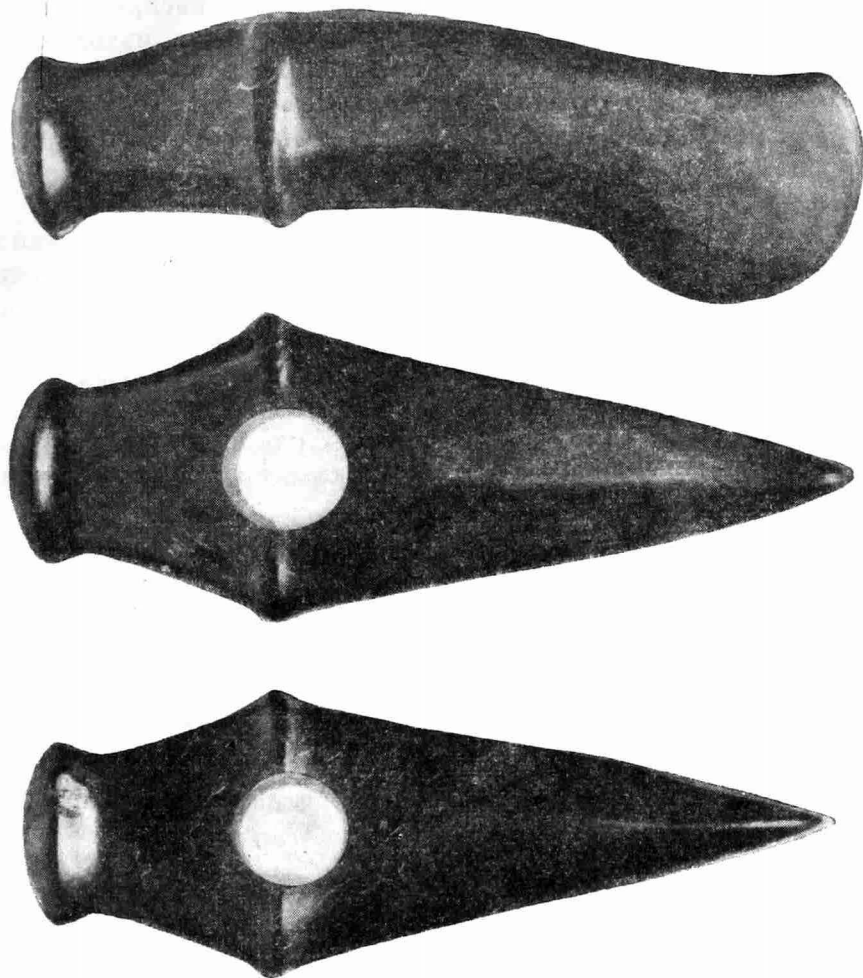

Рис. 57. Каменный топорик-молоток.

и на Северном Кавказе и в Закавказье. Так, например, в кладе из 40 ножевидных пластин, обнаруженном в 1883 г. в колонии Анненфельд Шамхорского района Азербайджана, одна из пластин очень сходна с публикуемой, но еще больших размеров (длиной $22\frac{1}{2}$ см); в свое время она была опубликована Р. Вирховым².

Аналогичные пластины найдены в погребениях упомянутого выше Мариупольского могильника. Известны они также в погребениях, одновременных мариупольским, — Нальчикского могильника³.

В северных районах Грозненской области большие кремневые ножевидные пластины встречаются в качестве подъемного материала в песчаных

¹ М. Макаренко. Мариупольський могильник. Київ, 1933.

² R. Virchow. Bilsigen geschlagenen Spahn aus Feuerstein aus Transkaukasien. Zeitschrift für Ethnologie (Verhandlungen). Berlin, 1884, стр. 195, табл. III.

³ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике. МИА, № 3, 1941, стр. 102 и 110.

выдувах. Несколько таких пластин найдено в Божиганских песках экспедицией ИИМК и Грозненского музея в 1948 г.¹

В числе новых находок, доставленных в 1952 г. в Грозненский музей, следует упомянуть найденный в 1948 г. в Сталинском районе г. Грозного (при прокладке водопровода близ разрушенного кургана) прекрасно сделанный сверленный полированный топорик из темного змеевика или серпентина (рис. 57). Длина его — 15 см, ширина — 5,5 см, высота — 4 см.

Подобные шлифованные топорики-молотки из мергеля, серпентина и змеевика², в эпоху средней бронзы были широко распространены почти по всему Северному Кавказу. Наибольшее количество находок падает на Кабарду и Пятигорье. Не случайно они получили название топоров «пятигорского», правильнее «кабардино-пятигорского» типа³. Датируются они в основном серединой II тысячелетия до н. э. Аналогичные топоры известны в Бессарабском кладе, в коллекциях Львовского музея и из Молдавской ССР⁴.

По форме их можно разбить на несколько вариантов. Ближайшим аналогом публикуемому топорiku (с поперечным валиком) можно считать топорик, найденный в г. Нальчике при строительстве Дома Советов в 1936 г.⁵

Из северных районов Грозненской области известны сверленные шлифованные топорики, собранные в песчаных выдувах во время разведочных работ экспедиций ИИМК 1946—1948 гг.⁶ Эти топорики свидетельствуют о широких связях древнего населения степных районов Предкавказья с племенами нагорных районов центрального Кавказа во II тысячелетии до н. э.

---

¹ Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 96.

² П. Н. Чирвинский. Змеевик, как поделочный камень первобытного человека на Северном Кавказе. КСИИМК, XLVII, 1952, стр. 143—146.

³ Ученые записки Кабардинского научно-исслед. института, т. V, Нальчик, 1950, стр. 206, 207.

⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Бессарабский клад. Изд. ГИМ, М., 1949; И. К. Свешников. Серпентиновый топор в коллекции Львовского исторического музея. КСИИМК, XLIII, 1952, стр. 126—131, рис. 42; Г. П. Сергеев. Нефритовый топор из окрестностей с. Березка. Изв. Молдавского филиала АН СССР, № 5, 1955, рис. 1.

⁵ Хранится в Нальчикском музее.

⁶ Е. И. Крупнов. Древнейший период истории Кабарды. Сборник по истории Кабарды, вып. 1, Нальчик, 1951, стр. 58.

Н. М. ЕГОРОВ

МОГИЛЬНИК У РЕКИ ЭШКАКОН

В июле 1953 г. при нивелировке дороги к мосту через р. Эшкакон, впадающую в Подкумок в 17 км к западу от Кисловодска, бульдозером срыт бугор, примыкавший к гранитному выступу на левом берегу. На бугре оказался могильник площадью 200 кв. м.

Пятигорский музей краеведения спешно организовал обследование могильника. У края трассы вскрыты остатки каменного ящика, сложенного из небольших камней. Никакого инвентаря здесь не обнаружено.

Из земли, снятой бульдозером, нами были выбраны фрагменты бронзовых предметов, черепки и кости. Некоторые предметы и большая часть костей имели явные следы пребывания в огне. Сторож Газиф Мухамедов, наблюдавший работу бульдозера, передал нам собранные вещи и сосуды. В музей доставлены и другие предметы, найденные рабочими. В результате Пятигорским музеем получен материал, составивший интересный археологический комплекс, включающий орудия, оружие, керамику и различные украшения.

О р у д и я

1. Топор бронзовый (рис. 58—1) весом 420 г. Ближайшим аналогом служит топор из Келермесского кургана, приведенный А. А. Иессеном в его статье «Прикубанский очаг металлургии и металлообработки»¹.

2. Тесло бронзовое с плечиками (рис. 58—2), весом 337 г. Подобных тесел в этом районе найдено еще два: в Боргустанском кладе² (вес 280 г) и в Березовском могильнике (202 г). Одно такое же тесло известно из Кабарды (Нальчикский музей).

3. Обломок бронзового серпа (рис. 58—3). По изогнутости и типу рукояти подходит к серпам Быкогорского могильника в том же Пятигорье (Пятигорский музей).

4. Четыре бронзовых ножа серповидной формы 2 типов — с широкой средней частью и более узкой, изогнутой под некоторым углом (рис. 58—4).

5. Два каменных оселка из мелкозернистого песчаника, плоские, с отверстием на конце. Один разбит; длина цельного — 13,3 см, ширина — 3,8 см.

¹ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки. МИА, № 23, 1951, стр. 103, рис. 36.

² Н. М. Егоров. Боргустанский клад 1941 г. СА, XV, 1951, стр. 293.

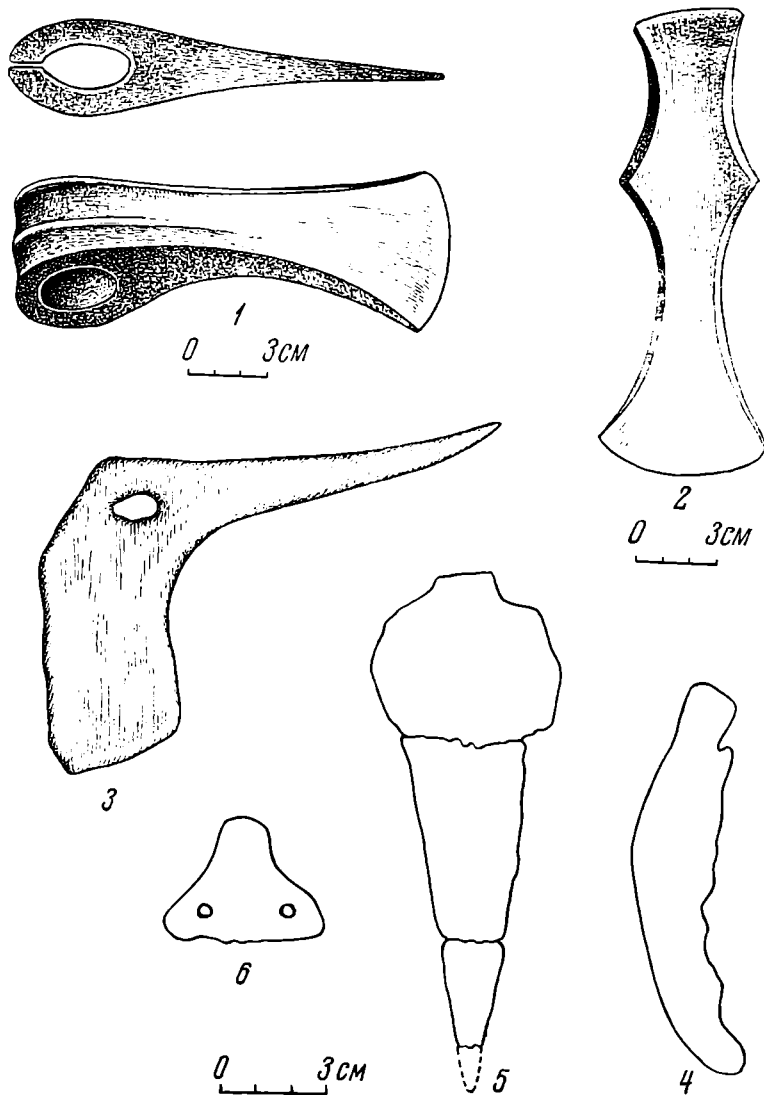

Рис. 58. Бронзовые орудия из могильника на р. Эшкакон.
1 — топор; 2 — тесло; 3 — серп; 4 — нож; 5, 6 — фрагменты кинжалов.

Оружие

1. Кинжалы 2 типов: а) листовидный (рис. 58—5) и обломок такого же (рис. 58—6) и б) длинный, узкий, с ребром по средней линии; наибольшая ширина — 3,5 см.

2. Наконечники копий втульчатые: 8 бронзовых, длиной от 19 до 22,5 см, четыре — в фрагментах, один сильно оплавлен в огне. Один наконечник — железный, того же типа (длина сохранившейся части — 15,9 см).

Украшения

1. Браслеты представлены наиболее обильно: 2 массивных, возможно, ножных (рис. 59—1); один из них — цельный, весом 110 г, второй — в обломках, шесть менее массивных, с ребром (рис. 59—2), концы уплощены или заострены; браслеты из тонкой бронзовой пластины, с утолщенным краем, в $1\frac{1}{2}$ оборота (рис. 59—3); обломки из 5 тонких браслетов, круглых или овальных в сечении.

2. Булавки — другая многочисленная группа украшений. Почти все — фрагментированные. Преобладающий тип головки — раскованный и сверну-

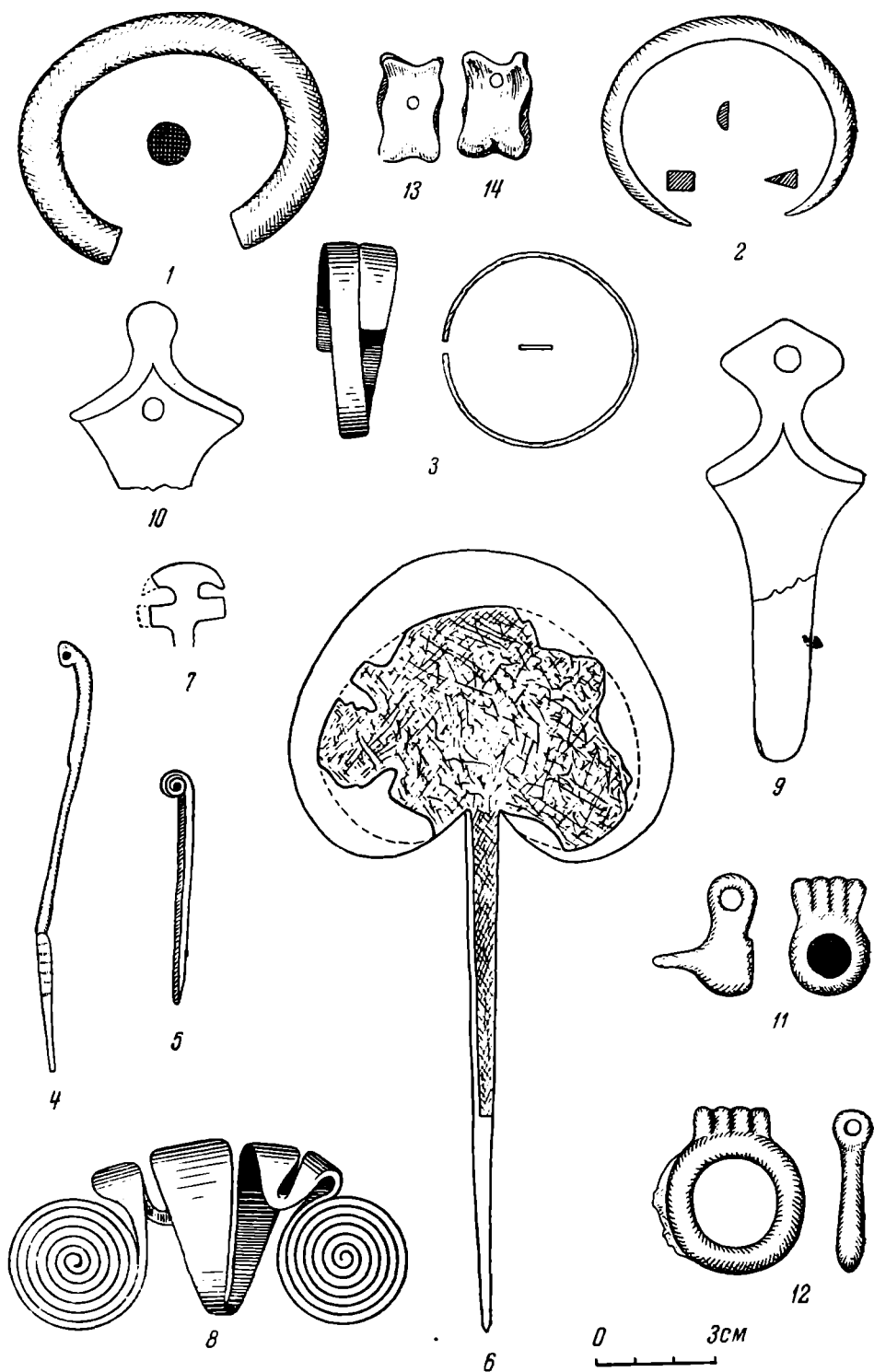

Рис. 59. Украшения из могильника на р. Эшкакон.

1—3 — бронзовые браслеты; 4—7 — бронзовые булавки; 8—12 — подвески; 13—14 — астрагалы.

тый спирально верхний конец (рис. 59—4, 5). Одна из булавок (рис. 59—6), — с обломанными концами и краями, — полностью повторяет булавку из Кобани¹, с тем лишь отличием, что кобанская несколько крупнее (размеры ее показаны на нашем рисунке сплошной линией). Еще один обломок головки булавки показан на рис. 59—7.

3. Кольца. Их немного. Одно — в 1½ оборота, хорошо сохранившееся, из проволоки сечением 2,5 мм, диаметром 17 мм. Имеются 2 спаренных кольца; диаметр одного — 2 см, другого — 1,1 см.

4. Пуговицы: 5 крупных (одна из них массивная, диаметром 2,1 см) и 2 мелкие (диаметром 12—13 мм).

5. Подвески со спиральными завитками, крупные и мелкие. Их много, большинство поломано. Две крупные сохранились целиком (рис. 59—8); кинжаловидные найдены лишь в обломках (рис. 59—9, 10). В числе находок — разные подвески в виде кольца, полого конуса, фигурки зайца; всех их объединяет форма ушка, имеющего 4 поперечные грани (рис. 59—11, 12).

6. Пронизи биконические из витой спиральной проволоки (всего 18 штук): семь — более крупных, длиной до 4,5 см, и шесть — меньшего размера, длиной до 3,5 см; 5 таких пронизей сохранилось в фрагментах.

7. Бусы: металлические — шаровидной уплощенной формы, диаметром 12—13 мм, толщиной 10 мм (от окиси спеклись в крупные комки); каменные — 4 бусины из кварца, 3 бусины — из местного камня (одна — из змеевика), 8 бусин — из сердолика; 1 мелкая бусина — из зеленого стекла.

Предметы из кости

1. Обломок ручки ножа или кинжала и костяная с 2 отверстиями пластинка вытянуто-овальной формы, длиной 3,5 см.

2. Семь альчиков (астргалов овец и коз), с отверстиями в центре и на одном из концов (рис. 59—13, 14). Альчики с отверстием на конце, очевидно, служили амулетами. Один из астргалов — более крупный; легкая сточенность его нижней части свидетельствует о том, что он употреблялся для игры, как биток.

3. Три коленных сустава поросят, один — свиный; обломок обгорелого кабаньего клыка.

Керамика

Среди находок — большие сосуды 2 типов: плоскодонные (рис. 60—1), высотой от 8 до 8,5 см; круглодонные (рис. 60—2), меньших размеров,

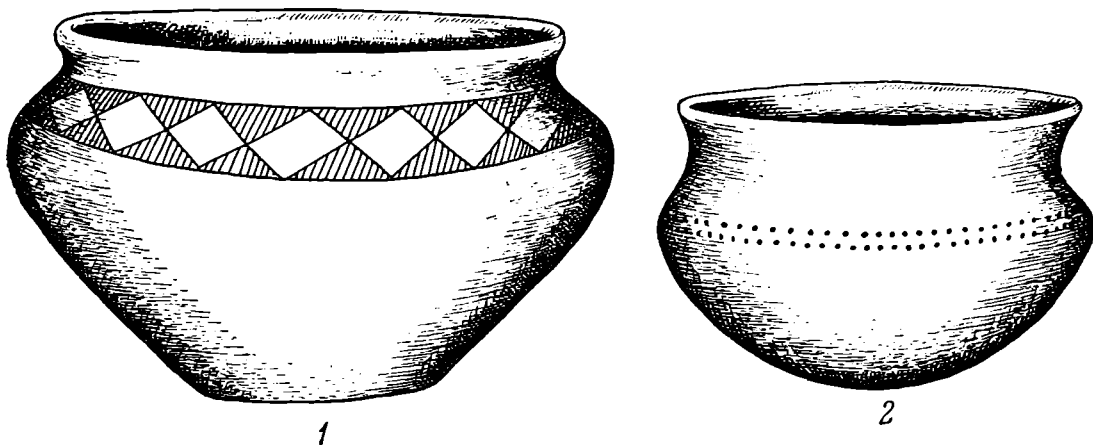

Рис. 60. Глиняные сосуды из могильника на р. Эшкакон.

¹ МАК, VIII, 1900, табл. XXVI, рис. 3.

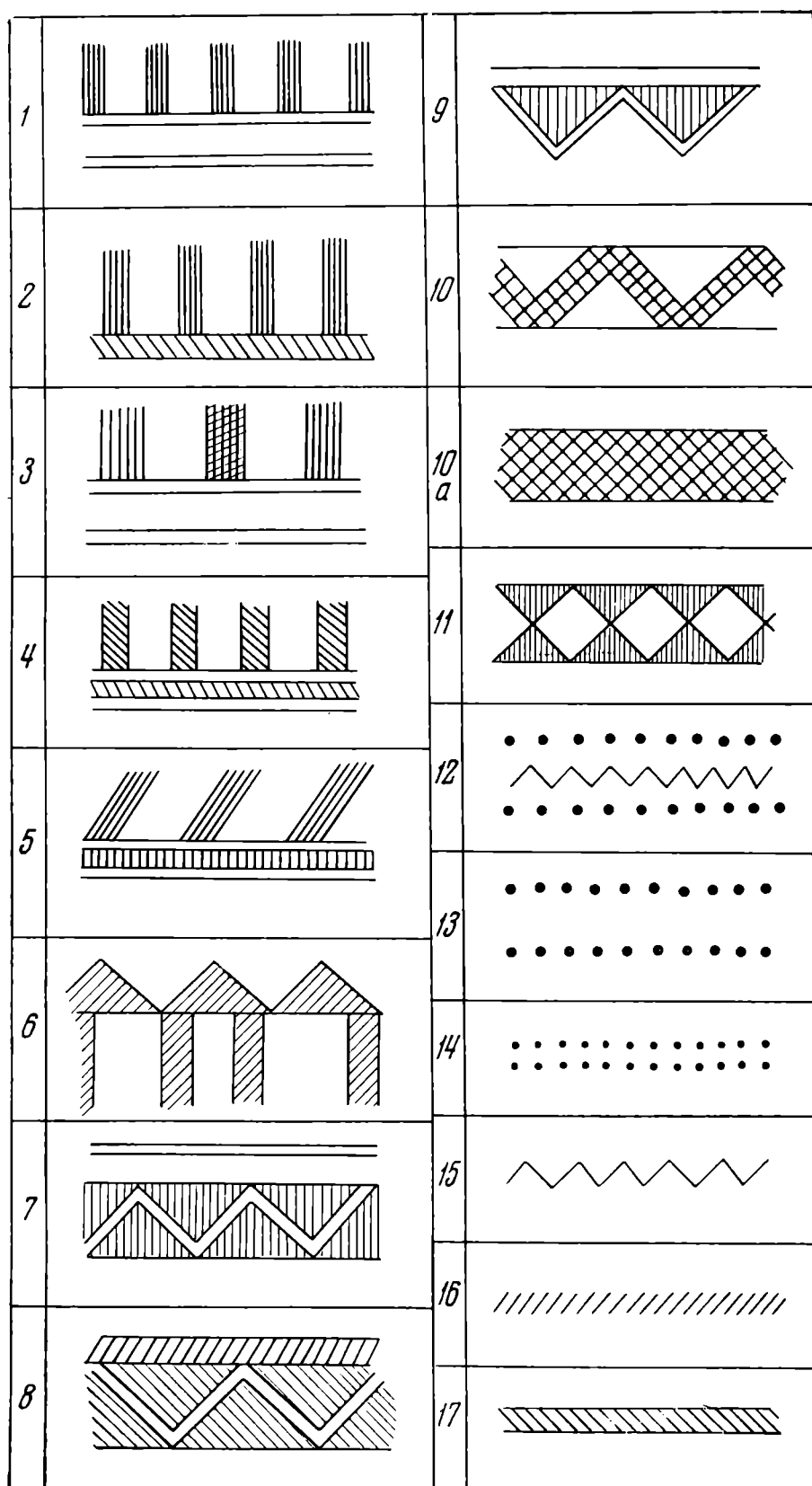

Рис. 61. Типы орнамента на глиняных сосудах.

высотой, не превышающей 7,5 см; 2 сосуда — переходного типа, с едва на-
меченным доньшком, диаметром 2—2,5 см.

Орнамент у плоскодонных сосудов более сложный (рис. 61—1—11),
у круглодонных — проще (рис. 61—12—17). Так, например, один из
плоскодонных сосудов украшен разными узорами, из которых первый
(рис. 61—10) занимал несколько большую часть поверхности (18 см),
второй (рис. 61—10а) — меньшую часть (13 см).

Поверхность сосудов гладкая, обжиг хороший, цвет — от яркокрасного
до темнокрасного и серо-коричневый.

Черепков собрано около 200, примерно от 20—30 сосудов.

Весь материал, несомненно, относится к одной определенной эпохе —
концу развитой бронзы Северного Кавказа, именуемой кобанской, причем
к несколько более ранней поре, чем классическая Кобань, т. е. примерно
к VIII в. до н. э. Этой дате не противоречит находка железного наконеч-
ника копья, если учесть замечание Е. И. Крупнова, отметившего
уже и для самой Кобани, что железо встречено и в таких погребальных
комплексах, которые как будто характеризуют только раннюю стадию кобан-
ской культуры (могила № 2, раскопки Антоновича)¹.

Эшкаконский материал подтверждает мнение А. А. Иессена о существо-
вании к северу от массива Эльбруса (верховья р. Малки, район Кисло-
водска и Пятигорья) переходной зоны между кобанской культурой и уста-
новленной А. А. Иессеном прикубанской культурой². Некоторые из нахо-
док на Эшкаконском могильнике ясно свидетельствуют об этом.

---

¹ Е. И. Крупнов. К вопросу о хронологии кобанской культуры. Ученые записки
Кабардинского научно-исслед. института, т. 1, Нальчик, 1946.

² А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки. МИА,
№ 23, 1951, стр. 122.

А. Е. АЛИХОВА

АБАШЕВСКИЕ КУРГАНЫ БЛИЗ СЕЛА ЗЕМСКОГО
РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Памятники абашевской культуры, широко распространенные в Среднем Поволжье, до настоящего времени, к сожалению, слабо отражены в печати. Впервые они стали известны благодаря исследованиям В. Ф. Смолина, раскопавшего в 1925 г. курганы у с. Абашева Чувашской АССР¹. В том же году Б. А. Куфтиным были проведены раскопки курганов в Рязанской области в Касимовском уезде близ с. Земского, в которых найден аналогичный материал. В дальнейшем П. П. Ефименко были произведены большие исследования в пределах Чувашской АССР² и значительно позже О. А. Кривцовой-Граковой — на Абашевском могильнике³. Эти материалы позволили П. Н. Третьякову наметить территорию распространения памятников абашевской культуры: Чувашская АССР, Рязанская, Ивановская и Ярославская области⁴; в настоящее время памятники этого типа прослежены и на Урале⁵.

Каждый из обнаруженных памятников столь широко распространенной культуры представляет большой интерес, поэтому мы считаем целесообразным опубликовать имеющиеся в нашем распоряжении материалы из раскопок Б. А. Куфтиным курганов у с. Земского Рязанской области, — зарисовки вещей с указанием их местонахождения.

Судя по плану, курганная группа была расположена к северо-востоку от с. Земского, по сторонам дороги, ведущей в это село. Группа состояла из 4 курганов. Два из них на чертеже отмечены крестиком, — очевидно, как раскопанные.

Особый интерес представляет курган № 2. Его диаметр по линии север—юг — 9,45 м, высота — 1 м. В центре под насыпью была выкопана могила; в ней лежал костяк, обращенный головой на юг, судя по инвентарю, — женский.

Справа от головы обнаружены следующие предметы: круглая лопастная с 2 дырочками для пришивания бляшка, характерного для абашевской культуры типа (рис. 62 — 1); очковидная привеска (рис. 62 — 2); бронзовая спиральная пронизка с остатками шнура внутри. На левом виске

¹ В. Ф. Смолин. Абашевский могильник в Чувашской республике. Чебоксары, 1928.

² П. П. Ефименко. Средневожская экспедиция 1926—1927 гг. Сообщения ГАИМК, т. II, 1929, стр. 170, 171.

³ О. А. Кривцова-Гракова. Абашевский могильник. КСИИМК, XVII, 1947, стр. 92—98.

⁴ П. Н. Третьяков. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948.

⁵ К. В. Сальников. Абашевская культура на Южном Урале. СА, XXI, 1954.

были найдены бронзовые спиральки (рис. 62—3) и полушаровидные бляшки (одинарная и двойная; рис. 62—4, 5.) От головного убора сохранились бронзовая трубчатая пронизка с двумя боковыми отверстиями (рис. 62—6) и узелок из широкого кожаного ремешка с остатками бронзового предмета, входившего в узел (рис. 62—7). С правой стороны косы

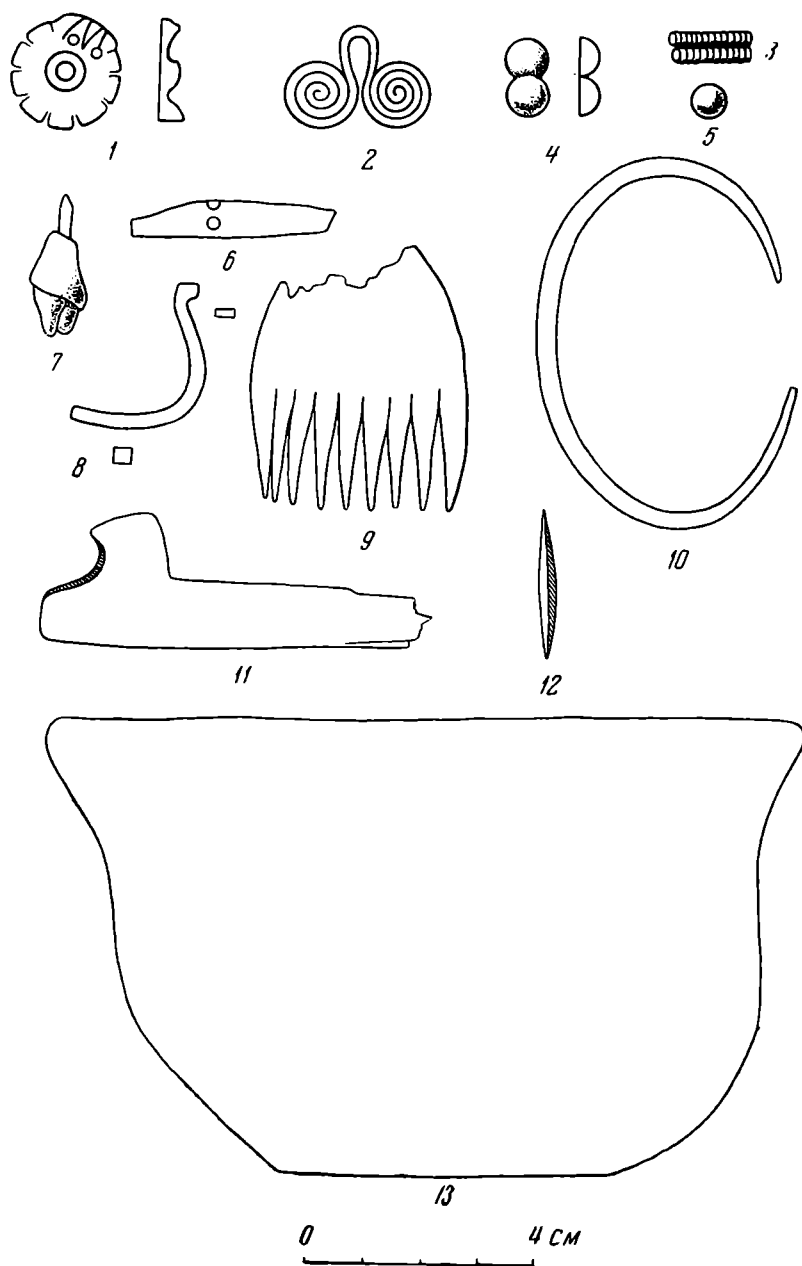

Рис. 62. Вещи из кургана № 2 близ с. Земского.

1, 4, 5 — бляшки; 2 — привеска; 3 — спиральная трубочка; 6, 7 — части головного убора; 8 — обломок пряжки; 9 — гребень; 10 — браслет; 11 — костяной предмет; 12 — бронзовое шило; 13 — схематическая зарисовка глиняного сосуда.

лежал поломанный костяной гребень толщиной 2 мм, с округлыми в нижней части зубцами (рис. 62—9). На правой руке был браслет с утонченными концами (рис. 62—10); у левой ноги — бронзовый предмет, — вероятно, часть пряжки; один конец ее почти квадратный в сечении, другой уплощен (рис. 62—8). Поверх пальцев правой ноги лежал костяной плоский предмет с выступом. Толщина костяной пластинки около выступа —

8 мм, толщина выступающей части — 4 мм (рис. 62—11). Около ступни скелета было положено маленькое четырехгранное бронзовое шило размером 2,3 см со следами дерева от рукояти (рис. 62—12).

Погребение по своему инвентарю является типичнейшим для абашевской культуры.

Имеется также зарисовка глиняного сосуда со слегка уплощенным дном и отлогими краями, типичной абашевской формы¹ (рис. 62—13). К сожалению, нет указания на условия его находки. Возможно, сосуд найден в кургане № 1, отмеченном крестиком на схеме расположения так же, как и курган № 2.

В кургане № 3 (в насыпи) найден обломок шейки глиняного сосуда, украшенного нарезным орнаментом. Повидимому, это был не единичный обломок, так как в записи отмечен еще обломок плоского днища сосуда, сделанного из глины с примесью раковины; об этом же свидетельствует сравнительно большой инвентарный номер фрагмента².

Несмотря на неполноту сведений, имеющийся материал все же очень интересен и должен быть использован при изучении памятников абашевской культуры.

---

¹ Инв. № 79/1.

² Инв. № 79/53.

IV. МЕТОДИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Н. Н. СЕМЕНОВИЧ

РЕСТАВРАЦИЯ И ЭКСПОЗИЦИЯ
БОЛЬШОГО ВОЙЛОЧНОГО КОВРА ИЗ ПАЗЫРЫКА

Замечательный ковер из раскопок Горно-Алтайской экспедиции 1949 г.¹ был доставлен в Ленинград после предварительной очистки на месте, причем все крупные фрагменты были подшиты на холст несколько большей величины, чем ковер, а мелкие фрагменты разложены в отдельные коробки.

При большом размере ($4,5 \times 6,5$ м = 29,25 кв. м) и весе (более 20 кг) ковра это был необычный реставрационный объект среди археологических тканей. Если учесть еще, что ковер является древнейшим в мире, то станет понятно, какой интерес должна была представлять его реставрация. Она состояла из 2 этапов: 1) подготовительных работ (склейки дублировочного тюля и очистки ковра) и 2) наклейки на тюль и закрепления ковра.

Подготовительные работы. Вес ковра исключал возможность наклейки ткани на одинарный слой тюля. Необходим был тюль, склеенный в несколько слоев, способный выдержать укрепленный на нем ковер в вертикальном положении.

Размер ковра не позволял произвести дублировку целиком; пришлось производить эту работу по частям на специально сделанном пропарафиненном столе размером $0,9 \times 5$ м.

Склейка тюля производилась следующим способом. Два куска, размером $5 \times 7,2$ м каждый, условно разбили по длине на 8 частей размером $5 \times 0,81$ м ($0,81 \cdot 8 = 6,5$ м); сложив их вместе, последовательно накладывали на реставрационный стол и склеивали. После этого приступили к фиксации на них дополнительных тюлевых полос — одной продольной и трех поперечных (двух узких и одной широкой).

Продольная полоса предназначалась для усиления верхнего края, а поперечные — для усиления середины двуслойного (основного) тюля, так как нижняя часть ковра, лучше сохранившаяся, была значительно тяжелее верхней, из которой многие фрагменты утрачены.

Продольная полоса размером $0,8 \times 7,2$ м не помещалась целиком на реставрационном столе ($0,9 \times 5$ м), и ее пришлось наклеивать в два приема; обе узкие поперечные усилительные полосы ($0,85 \times 5$ м) наклеивались каждая сразу, третья же, широкая ($3,5 \times 5$ м), — по частям.

В результате у дублировочного тюля получились двуслойные, трехслойные и четырехслойные участки (рис. 63 — 2, I, II, III). После фиксации

¹ С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, табл. LXXXVIII.

усилительных полос тюль был перевернут и готов к дублировке на него ковра.

Для очистки ковер разостлали на полу, наложили влажные марлевые тряпки и через них выбивали пыль вручную. Запыленную марлю промывали, отжимали и снова накладывали. Таким образом, последовательно, небольшими участками, была произведена окончательная очистка.

Наклейка ковра на тюль (дублировка). Одна из главных трудностей наклейки любой ткани большого размера заключается в правильной ориентировке первой поперечной полосы, которая дает направление всей остальной части. Иначе в дальнейшем получится перекосяк и ткань может выйти из границ новой основы — тюля.

Если ткань помещается целиком на столе, то вдоль ее кромок натягивают направляющие нити. В данном случае сделать это было невозможно, и способ ориентировки пришлось изменить.

Ковер условно разбили на 8 поперечных секций размером $4,5 \times 0,81$ м ($0,81 \text{ м} \cdot 8 = 6,5 \text{ м}$). Во избежание возникновения продольного перекосяка ковра в процессе восьмикратной последовательной наклейки за основную направляющую линию была взята кромка стола; по ней укладывали нижний край ковра с темной бордюрной полоской. Таких полосок у ковра шесть: они проходят по две внизу, посередине и наверху, через все секции, кроме первой. Для того чтобы не было перекосяка, наклейку ковра начали со второй секции (рис. 63—2); затем тюль сдвинули в обратную сторону и на реставрационный стол уложили первую секцию.

Вторая секция — наиболее цельная, и на ней расположены все 6 бордюрных полосок, поэтому расстояния между ними были приняты за основу для ориентировки при наклейке на тюль всех других секций (с третьей по восьмую). Последовательно передвигая на столе тюль и ковер, ориентируя их каждый раз вдоль кромки стола и по черной полоске бордюра, наклеили все остальные секции.

Когда последняя — восьмая — секция высохла, ковер разостлали на полу для проверки правильности сборки рисунка и для наклейки мелких фрагментов. После чрезвычайно кропотливой и трудоемкой работы — подбора фрагментов — одна часть их была наклеена непосредственно на дублировочный тюль, а другая, состоящая из наиболее мелких обрывков, — предварительно на небольшие куски тюля, которые вклеивались в соответствующие места.

Таким образом, восстановлены совершенно разрушенные части ковра. Из наиболее ответственных деталей рисунка были собраны: голова всадника (пятая секция), лицо богини (шестая секция), орнамент верхнего, среднего и частично нижнего бордюров между черными полосками в секциях с пятой по восьмую, а в первой — лапа птицы и грифон (рис. 63—1).

После наклейки, производившейся 20%-ным мучным клейстером, и повторной очистки приступили к закреплению войлока и повышению его гигроскопической влажности, которая при испытании оказалась равной 10,4%¹. Сравнительно малая потеря гигроскопической влажности ковра может быть объяснена тем, что он найден в вечной мерзлоте — в глыбе льда, благодаря чему волокно было защищено от соприкосновения с воздухом. Закрепление войлока производилось пульверизацией 0,25%-ным водно-глицерино-спиртовым раствором желатина с добавлением 0,5%-ного мучного клейстера для получения защитного слоя.

Предварительные опыты на отдельных фрагментах показали, что после пульверизации 2%-ным водно-спиртовым раствором глицерина потеря гигроскопической влажности снизилась до 23,7%; после пульверизации 3%-ным водно-спиртовым раствором глицерина потеря снизилась до 17,5%, а пуль-

¹ Потеря гигроскопической влажности — 34,4%.

веризации 4%-ным раствором глицерина дала уже избыток гигроскопической влажности, по сравнению с кондиционной, на 9,6%. Для того чтобы избежать этого, увлажнение произведено 3,5%-ным водно-спиртовым раствором глицерина.

Рис. 64. Большой пазырыкский ковер (в шкафу) в экспозиции Государственного Эрмитажа. Слева колесо деревянной пазырыкской колесницы.

В заключение отметим, что для реставрации ковра потребовалось около года.

Экспозиция ковра. При выборе способа экспозиции ковра пришлось преодолеть некоторые трудности, возникшие в связи с большой величиной и весом ковра. Экспозиция должна была обеспечить хорошую видимость ковра, защитить его от пыли и архитектурно гармонировать с выставочным помещением.

Для хорошей видимости рисунка требовалось достаточное наружное освещение, так как было решено не делать внутреннего освещения во избежание повышения в шкафу температуры, вызывающей пересушку волокна. Казалось, что хорошее наружное освещение днем было вполне обеспечено светом из 3 больших окон, а вечером — 5 матовыми шарами электрического освещения. Однако это предположение в дальнейшем оказалось ошибочным.

При разрешении вопроса о защите ковра от пыли возник вопрос о том, делать ли для него плоскую витрину или же глубокий шкаф. Наиболее рационален был шкаф, но он вначале пугал своими размерами (высота 5,5 м, длина — 6,7, глубина — 0,8 м).

Возникли затруднения и с застеклением шкафа: по расчету требовалось на лицевую сторону 4 больших полотна зеркального стекла и 4 малых, а на боковые стороны с дверцами — 4 узких полотна. Такое количество зеркального стекла, — а, следовательно, и большой вес его (около 700 кг) — вызвали новые затруднения. Вес стекла требовал толстого, прочного переплета

для крепления, однако было ясно, что чем толще будет переплет, тем больше он будет ухудшать видимость ковра и «резать» его рисунок. Это затруднение удачно преодолено применением железной конструкции переплета, облицованной тонкими дубовыми рейками (рис. 64).

Для удобства крепления ковра в шкафу был изготовлен щит соответствующей величины. При монтаже ковра на щит запас тюля у верхнего края загнули через верхнюю грань щита, а запас тюля у боковых краев равномерно слегка натянули на боковые грани; после этого на верхний и боковые края щита набили тонкие рейки для защиты закрепленных запасных концов тюля от повреждений при вдвигании щита в шкаф. Нижний край ковра оставлен свободно свисающим. После монтажа щит был вдвинут в шкаф и прикреплен к задней стенке.

Как только вставили стекла, освещение оказалось совершенно недостаточным. Днем в стеклах отражались ярко освещенные окна выставочного помещения, а вечером — матовые шары электрической осветительной арматуры, с добавлением еще многократных отражений от стекол окон; и днем, и вечером на стеклах шкафа возникали блики, которые совершенно не давали возможности видеть рисунок ковра.

После долгих экспериментов удалось устранить бликообразование, затемнив выставочное помещение оконными занавесями и рационально перевесив осветительную арматуру. Однако оказалось, что верхнюю часть ковра совсем не видно из-за недостаточности освещения. Для устранения этого пришлось заменить деревянный верх шкафа матовым стеклом с подсветкой электролампочками снаружи; в результате было достигнуто отличное освещение всего ковра.

Принятая глубина шкафа оправдала себя, так как благодаря этому, во-первых, смягчается отрицательное свойство переплета «резать» рисунок и, во-вторых, можно в любое время произвести осмотр ковра.

А. И. АВГУСТИНИК

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ

Исследование древних керамических изделий имеет особое значение для изучения состояния и техники производства в более отдаленные времена, чем те, от которых сохранились многочисленные письменные памятники. Однако изучение древней керамики не находится на уровне современных научно-технических методов. В огромном фактическом материале, ежегодно публикуемом в периодической печати и монографиях, обычно не хватает конкретных технических данных, необходимых при глубоком исследовании развития керамики.

Керамика как продукт общественного производства должна иметь классификацию, построенную на признаках, создаваемых в процессе производства. Это могут быть особенности керамической массы черепка, особенности формования, обжига, отделки и своеобразие формы изделия. Каждый из этих признаков, взятый отдельно, не дает полного представления о развитии или деградации керамического производства за какой-то достаточно длительный промежуток времени.

Ограничивая в настоящем сообщении свою задачу только методикой изучения древней керамической посуды, полагаю бы возможным предложить такую приблизительную схему изучения для составления на ее основе первичной технической документации:

А. Отбор по внешним признакам типичных образцов, характеризующих в количественном отношении материалы раскопа.

Б. Исследование отобранных черепков и изделий соответственно следующим признакам:

группа I — форма, размеры, конструктивные особенности изделия или черепка;

группа II — свойства черепка:

1) количественный и качественный состав керамической массы (визуально),

2) характеристика проминки массы,

3) метод формования и оправки,

4) результаты действия огня;

группа III — отделка изделия:

1) орнаментирование, роспись,

2) ангоб, глазурь, эмаль (к этой же группе относятся клейма);

группа IV — назначение изделия:

1) эксплуатационные признаки по наличию,

2) эксплуатационные признаки по совокупности косвенных данных.

К группе I относятся следующие признаки: профили и размеры венчика, горла, тулова, дна, ножки; приставные детали — ручка, ушко, носик, прихватка и т. п. и их сочленение; отверстия.

Метод фиксации — измерение, зарисовка, фотография.

В группу II входят различные свойства черепка:

1. Количественное соотношение отощителя и глины, определяемое на глаз или с помощью набора эталонов; характеристика минералогического и гранулярного состава отощителя.

Цель отошения керамической массы состояла в предельно возможном уменьшении усадки при сушке и обжиге. Отнюдь не для придания механической прочности или термической

Рис. 65. Текстура черепков из Джебела.

устойчивости, как предполагают некоторые, вводил древний гончар в массу нередко 35—40% крупнозернистого отощителя в виде гранитной дресвы, песка, молотых ракушек, молотого известняка, рубленой коры, сеченого сена и т. д. Боязнь за целостность сосуда, который мог легко треснуть при сушке и особенно в условиях неравномерного обжига в кострищах при неодинаковой усадке в разных своих частях, толкала гончара на путь чрезмерного отошения глины. Подобное отошение вызывало большую пористость черепка и влагопроницаемость, что в свою очередь порождало приемы лощения поверхности сосуда камешком или костью и обжига в восстановительной атмосфере. Уплотнение частиц глины при лощении и отложение углерода в порах черепка понижали влагопроницаемость. При этом древний гончар руководствовался не эстетическим чувством, а утилитарными соображениями и опытом поколений, добытым в борьбе за существование.

Методы определения — визуальный осмотр, просмотр под сильной лупой, проба соляной кислотой, определение размеров наибольших зерен и основной массы зерен отощителя. В специальных случаях производятся петрографический анализ отощителя под микроскопом и химический анализ глины — связки, определяемые (когда это осуществимо) для возможного сопоставления с составом местного сырья. Существенную помощь для такого сопоставления может оказать цвет местной глины после обжига. Поэтому полезно отбирать небольшие пробы местных пластичных глин и отощителя в их выходах на дневную поверхность. Этот прием может принести пользу не только археологу, но и геологу и технологу для учета и использования местного сырья.

2. Качество проминки массы, устанавливаемое просмотром свежего излома черепка под лупой с учетом однородности перемешивания массы, вида, размеров и направления пор. Рекомендуются систематическое фотографирование типичных текстур черепка при увеличении в 1,5—2 раза. Пористость черепка устанавливается по водопоглощению при кипячении в воде.

В качестве примера приведем текстуру типичных черепков 1 культурного слоя раскопа в Джебеле (рис. 65), любезно предоставленных

А. П. Окладниковым. Тип А повторяется почти во всех 6 слоях; для него характерна слабо обожженная масса из глины с 30—35% (визуально по объему) молотого и, повидимому, сеяного отошителя — мягкого мраморо-видного известняка. Тип Б — черепок из глины с отошителем в виде песка и гравия — также встречается почти во всех слоях. Тип В — черепок из глины с 15—20% весьма тонко молотого известняка — более редок. Тип Е — черепок из глины без видимого глазом отошителя. Масса перебита довольно небрежно; видны округлые поры — пустоты, скважины. Толщина черепков и размеры зерен отошителя определяются масштабной линейкой. Обжиг черепков А, Б и В невысок, вероятно, — не выше 800°; это можно заключить по отсутствию малейших следов диссоциации известняка, которая вызвала бы в дальнейшем поглощение окисью кальция влаги из воздуха или из почвы, увеличение в объеме и разрушение черепка.

3. Метод формования; при выяснении его нужно обращать внимание на следующие признаки:

1) при формовке налепом без оправки на поворотной подставке:

а) нередко видны на внешней поверхности сосуда мелкие многочисленные штрихи в разных направлениях — следы оправки сосуда мокрой рукой;

б) внутренняя поверхность носит следы оправки мочалой, мхом, тряпкой и т. п. — в виде канавок или широких и узких штрихов различной глубины и разных направлений; нередко заметны отпечатки пальцев;

в) на донышке иногда встречаются следы подсыпки, если дно плоское;

г) края венчика уплощены, профиль их мало видоизменяется; сам сосуд часто асимметричен;

д) в изломе черепка иногда наблюдаются линии сращивания стенок и линии течения глинистой массы, образовавшиеся при уминании;

е) поры-пустоты в изломе черепка несколько вытянуты, — главным образом в направлении, близком вертикальному;

ж) орнаментирование носит локальный, часто асимметричный характер;

2) при формовке налепом с оправкой на поворотной подставке:

а) иногда на внешней поверхности видны параллельные, тонкие, довольно длинные линии, расположенные почти горизонтально; их бывает больше в верхней части сосуда; они произошли при влажной оправке мокрой рукой или лекалом;

б) на внутренней поверхности часто можно видеть следы оправки мочалкой, тряпкой и пр. — в виде тонких линий, как в предыдущем случае, или слабо выраженных параллельных валиков;

в) на донышке — отпечатки поворотной подставки, следы подсыпки, клеймо;

г) края венчика довольно разнообразны; сосуд может быть и симметричным, и не вполне симметричным;

д) в изломе черепка иногда наблюдаются линии сращивания жгутов (лент) и линии оплыва массы от уминания;

е) поры-пустоты в изломе черепка идут в разных направлениях;

ж) орнаментирование — разнообразное;

3) при формовке на гончарном круге с более или менее длительным вращением:

а) на внешней поверхности — типичные параллельные округлые, иногда слабо спиральные линии;

б) на внутренней поверхности — незначительные, параллельные кругу, углубления, образуемые пальцами; чем опытнее формовщик, тем слабее выражены эти углубления;

в) на донышке сосуда часто видны линии, образующие спираль, — следы от срезания сосуда с круга;

г) края венчика разнообразны по профилю и размерам, так как формовщик пользуется при обточке обеими руками; сосуд симметричен по форме;

д) поры-пустоты в изломе черепка — плоские, вытянутые по ходу вращения;

е) орнаментирование носит симметричный, часто волнистый характер;

4) при формовке методом отбивания на наковальне видны характерные следы лопаточки на внешней поверхности сосуда и следы наковальни — на внутренней.

Метод фиксации признаков — фотографирование при небольшом увеличении (в 1,5—3 раза).

4. Результаты действия огня, исследуемые оценкой пористости путем водопоглощения; установлением степени недожига по толщине срединного недожженного слоя в черепке; определением размещения обжиговых пятен на сосуде, имеющих либо углисто-серый цвет («задувка»), либо яркий красноватый цвет («поджоги»); установлением пережога — оклинкерования, оплавления и деформации черепка, изменения его цвета.

Определение водопоглощения черепка после двухчасового кипячения его с последующим суточным выдерживанием в той же воде позволяет судить по привесу в процентах о так называемой видимой пористости, т. е. об объеме пор, доступных проникновению воды, и об общей плотности черепка. В керамике (ОСТ 5539) водопоглощение менее 5% позволяет отнести черепок к категории спеченных. Водопроницаемостью такой черепок практически не обладает. Обычный современный стеновой кирпич имеет водопоглощение 12—14%, и черепок его может фильтровать воду.

Показатель водопоглощения интересен тем, что он не только позволяет судить о степени обжига, но и помогает определить в ряде случаев назначение древнего сосуда, так как очевидно, что пористые стенки сосуда не способствовали хранению в нем жидкости.

Цвет черепка зависит от обжига. В кострищах и печах обжиг обычно окислительный, отчего черепок окрашивается в красно-желтые тона.

Восстановительный обжиг, т. е. обжиг в условиях недостатка кислорода и при избытке окиси углерода CO , может быть осуществлен в кострищах и печах при конечной температуре обжига, вследствие чего черепок становится серым и черным. Чем дольше проведена выдержка в восстановительной среде при высокой температуре, тем сильнее науглероживается черепок, и в изломе его нередко видно, как меняется цвет от черного с поверхности к темносерому внутри. Такой характер окраски мы наблюдали на горшечном товаре гончара Г. П. Соловья в с. Грабово Черниговской области. Таков же, например, трипольский (Лука-Врублевецкая) черепок, который нам любезно предоставил С. Н. Бибиков; разница в содержании углерода между наружным и внутренним слоями составляла 3%.

Имеются указания об окраске черепка вводом в состав керамической массы пиролюзита MnO_2 , угольной пыли, пропиткой углеродсодержащими (органическими) материалами с последующим обжигом в восстановительной атмосфере.

Есть также указания об окраске и одновременной закалке черепка погружением раскаленного сосуда в болтушку из муки с водой (как это делают гончары-кустари) или в кучу из листьев и травы, натиранием воском, жиром в горячем состоянии, обмазыванием поверхности суспензией окиси железа с последующим обжигом в восстановительной атмосфере.

Появление черной окраски черепка в условиях обжига в обычной восстановительной атмосфере (избыток CO) связано, по мнению многих, с образованием тонко диспергированного углерода только в том случае, когда в глине имеется окись железа, хотя бы в десятых долях процента. Если окиси железа в глине нет, то черепок может окраситься только в серый цвет. Поэтому часто считают, что отложение углерода и окрашивание черепка в черный цвет есть результат разложения окиси углерода по реакции $2CO = C + CO_2$, чему благоприятствует катализатор — окись железа.

Однако опыты одного из крупнейших химиков начала нашего столетия Ле-Шателье, которые он вел, обжигая глину, содержащую железо Fe_2O_3 , в атмосфере окиси углерода, показали, что черной окраски не получается, возникает только серая¹. Когда же была создана в печи атмосфера из другого газа — ацетилена, то при $430-450^\circ$ в глине быстро образовались обильные отложения углеводородов (повидимому, продуктов конденсации), которые при дальнейшем повышении температуры, как обычно при обжиге керамики, дали черепок превосходного черного цвета. Эти опыты Ле-Шателье, многими давно забытые, свидетельствуют о том, что для получения

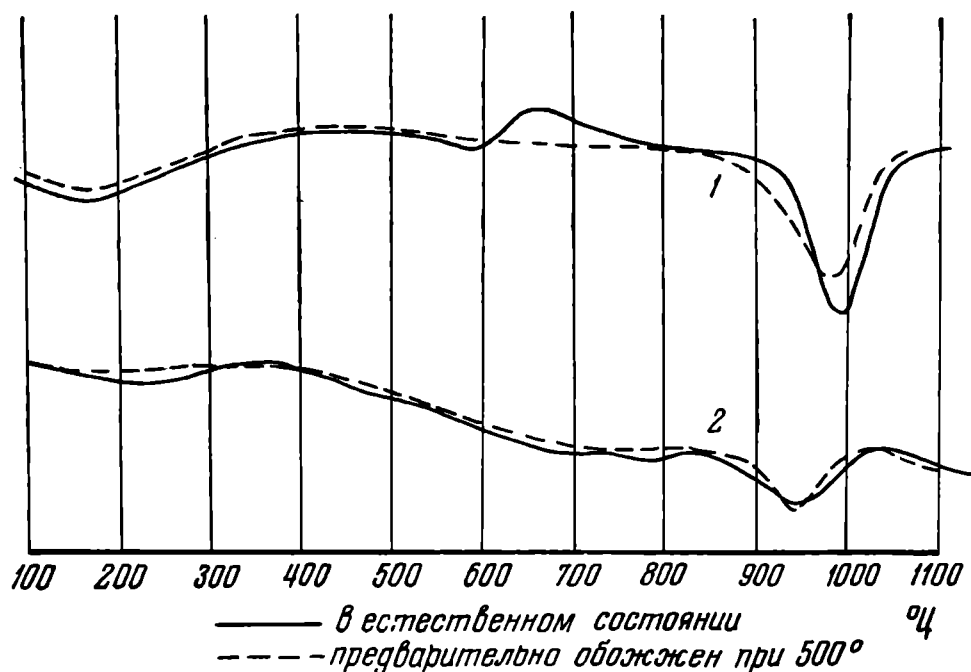

Рис. 66. Термограмма черепков из Стрельча-Скеля (1) и Федоровки (2).

глубоко черного черепка необходимо создать должный режим обжига и вводить в топку при восстановительном периоде материалы, богатые углеводородами.

Черепок может приобрести серый цвет, как сказано выше, в результате адсорбции им частиц углерода при сильно задымленном процессе горения после окончания обжига. Этот прием достигался покрыванием кострища или введением в топку печи мокрой соломы, перегноя, травы. В Китае он существует и в наше время под названием «джин-джао».

Серый цвет сохранится в черепке из серой глины при изготовлении сосуда безобжиговым путем с использованием органических добавок, — например, казеина (из молока), — и последующим свертыванием белка под влиянием весьма небольших температур. В подобных случаях полезен был бы метод снятия термограммы, которая показала бы эффекты экзо- и эндотермических реакций. Применение этого метода нуждается в исследовании так же, как опыты по окраске и обжигу черепка должны носить реконструктивный характер. Нужны соответствующая лаборатория и квалифицированные работники.

На рис. 66 приведена термограмма 2 черепков. Черепок из Стрельча-Скеля (рис. 66—1) содержал около 30% ракушки *Unio*, черепок из Федоровки (рис. 66—2) — около 12—15%. Оба черепка были получены от В. Н. Даниленко из Института археологии Академии наук СССР

¹ Н. Le-Chatelier. Archäologisch-keramische Untersuchungen. Zeitschrift f. angew. Ch. II, 1907, № 13, стр. 518.

и подвергнуты термическому анализу дважды — в естественном своем виде и после обжига при 500° в течение 1 часа.

Термический анализ, как известно, позволяет регистрировать наличие реакций, происходящих в исследуемом материале при его нагревании. Реакции, идущие с выделением тепла, — как, например, сгорание органической составной части исследуемого материала, — сопровождаются экзотермическим эффектом и подъемом (максимум) на кривой термоанализа. Реакции, идущие с поглощением тепла, — например, диссоциация карбоната кальция, — сопровождаются эндотермическим эффектом и падением (минимум) на кривой термоанализа.

При испытании черепка из Стрильча-Скеля были отмечены оба эти эффекта. После прокаливания при 500° первый эффект исчез, что подтверждает «органическую» природу его происхождения.

Для черепка из Федоровки отмечен только один эндотермический эффект, что объясняется диссоциацией материала ракушки (CaCO_3). Экзотермический эффект не зарегистрирован; следовательно, в черепке отсутствовала органическая примесь, способная выгорать.

В группу III признаков входит отделка черепка: а) орнаментация и роспись; б) ангоб, глазурь, эмаль.

Характер нанесения орнамента устанавливается невооруженным глазом и при рассмотрении под сильной лупой. Так, например, нам удалось обнаружить на черепке одного из трипольских сосудов, любезно предоставленном В. Н. Даниленко, интересную деталь: поверхность тонких канавок рельефного орнамента, в которых кое-где сохранилась белая инкрустирующая масса, оказалась не гладкой, а покрытой тонкими волосоподобными линиями — углублениями, как если бы на глине отпечатался изогнутый стебель растения. Повидимому, эти линии оказывали существенную помощь, расширяя внутреннюю поверхность канавки и увеличивая прочность сцепления инкрустирующей массы с черепком.

Внимательный осмотр орнамента позволяет обычно установить способ, которым он наносился. Таковы, например, широко распространенные защипы пальцами, выборки ногтем, оттиски, полученные нарезным костяным или каменным штампом, насечки и т. п.

На сосудах более высокого качества, имеющих более однородный и плотный черепок, часто вовсе без отощителя в тесте, встречаются нарезные линии с гладкими, ровными краями, желобки (каннелюры), обычно соединенные в ленты. На самостоятельную группу в орнаментировке таких сосудов указывал Е. Ю. Кричевский¹. Краска расписного орнамента, нанесенного кисточкой, лак, покрывающий сосуды, так же как инкрустирующий материал, требуют химического анализа. Краски и лак могут быть проанализированы спектроскопически.

На черепке трипольского сосуда, предложенном нам для этой цели С. Н. Бибиковым, спектроскопически было установлено содержание в красной краске окиси железа, в коричневой — двуокиси марганца, немного окиси железа и глины, вводимой, повидимому, для лучшей связи краски с черепком.

В спектре черного лака и поверхностной пленки с черепков мегарской чаши, любезно предоставленной Т. Н. Книпович и Е. И. Леви, обнаружено удивительное сходство (см. таблицу). Элементы Al, Mg, Si, Ca, Fe, Na являются главнейшими, определяющими состав лаков. Лишь в черном лаке из Керчи обнаружено дополнительное присутствие Mn.

Количество требуемого для анализа материала составляет 2—3 мг и, следовательно, может быть получено с любых образцов.

¹ Е. Ю. Кричевский. Орнаментация глиняных сосудов у земледельческих племен неолитической Европы. Ученые записки ЛГУ, 1949, № 13, стр. 54.

Черный лак аттический (фрагмент из Ольвии)	Al, Mg, Si, Ca, Fe, Na, Ti, Cu, Mn (C, B)
То же	Al, Mg, Si, Fe, Ca, Na, Ti, Cu, Mn (C, B)
Черный лак пергамский	Al, Mg, Si, Ca, Fe, Na, Cu, Mn, Ti (C)
Верхний слой мегарской чаши	Al, Mg, Si, Ca, Fe, Na, Cu, Mn, Ti (C)
Черный лак с черепка из Керчи	Si, Al, Mg, Fe, Mn, Na, Cu, (C, B)
Тело того же черепка из Керчи	Si, Al, Fe, Mg, Ca, Ti, Cu, Mn (C)

Анализ выполняла О. Н. Сеткина.

Накопление подобных аналитических данных и опыты по восстановлению забытых рецептов были бы весьма полезны для решения некоторых современных задач.

Характеристика ангоба, глазури и эмали требует химического анализа. В некоторых случаях (при работах разведочного характера) можно удовлетвориться данными спектрального анализа, который отвечает, например, на вопрос, — входят ли в состав эмали элементы свинца, олова, цинка, сурьмы, железа и др. Характеристика ангоба должна включать оценку однородности и толщины слоя.

Ангобирование поверхности сосуда очень тонким слоем той же или иной глины, тщательно растертой с водой, было замечательным открытием древнего гончара. Тонкий ангобный слой спекается уже при тех, сравнительно невысоких, температурах, которыми имели возможность пользоваться древние гончары. Ангоб придавал сосуду полную водонепроницаемость, хотя сам по себе черепок сохранял высокую пористость; без ангобного слоя сосуд был бы совершенно непригоден для хранения жидкости. Ангоб — это «глазурь» древнего гончара. К числу таких ангобов принадлежат также красный и черный лаки.

Характеристика глазури (полив) и эмали должна включать оценку разлива (ровный, неровный, натеками и т. п.), наличие «цека», блеска, толщину слоя в разных участках изделия.

Необходимо описание цвета покровного слоя; полезно применение микротвердомера для характеристики твердости глазури (в кг/мм²).

Резюмируя, можно высказать такие предложения:

1. Для более глубокой характеристики древней керамики необходимы привлечение современных физико-химических методов исследования и систематическая паспортизация главнейших технологических признаков черепков.

2. Эти признаки могут быть сведены в 4 группы, как сказано выше: группа I — форма, размеры, конструктивные особенности изделия или черепка; группа II — технические свойства черепка или изделия; группа III — отделка черепка или изделия; группа IV — назначение изделия.

3. Целесообразны систематическое фотографирование текстуры черепков при слабом увеличении, определение их водопоглощения и композиционного состава, что позволит типизировать их и создаст одно из объективных условий для классификации.

4. Существенно использование атомного спектрального анализа для суждения о качественном составе красок, лаков, глазурей, эмалей.

5. Полезно провести ряд исследований для решения вопроса о возможности применения термического анализа и дилатометрического анализа для объективной регистрации условий обжига черепка и его состава, а также выяснить возможность применения пробы вдавливания шарика (по типу твердомера) для объективного суждения о прочности черепка.

6. Желательна связь между археологами и технологами для исследования древней керамики и проведения реконструктивных опытов, которые позволят в той или иной мере восстановить утраченные древние рецепты и некоторые технологические приемы, полезные для социалистического производства.

7. Целесообразно учреждение аспирантуры археолого-технологического профиля на исторических факультетах крупных университетов; подготовка аспирантов может быть обеспечена усилиями соответствующих кафедр университетов и технологических или политехнических институтов.

V. ХРОНИКА

ПАМЯТИ
МАРИИ ЕВГЕНЬЕВНЫ ФОСС

9 сентября 1955 г. в Москве, после продолжительной и тяжелой болезни, скончалась Мария Евгеньевна Фосс, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры АН СССР и Государственного исторического музея, один из виднейших специалистов по неолиту СССР.

Недавно (в 1953 г.) М. Е. Фосс защитила докторскую диссертацию на тему «Древнейшая история Севера Европейской части СССР» (МИА, № 29), начала разрабатывать новую важную проблему об отношении северных и южных неолитических племен. В 1954 г. она провела большую археологическую работу, участвовала в нескольких экспедициях и блестяще выполнила трудную и сложную задачу по извлечению из-под многометрового слоя почвы уникального древнего челна. Эта работа оказалась ее последней. Ограничимся этим кратким сообщением ввиду того, что в своем последнем письме коллективам ГИМ и ИИМК М. Е. Фосс завещала не опубликовывать некрологов.

Помещаем лишь список ее печатных работ.

1928

1. Раскопки на дюнах Белого моря близ селения Красной горы и у реки Галдарей. — Сборник Московской секции Государственной Академии истории материальной культуры к десятилетию Октября. М., 1928, стр. 42—53 (совместно с А. В. Збруевой).
2. Керамика Федоровской стоянки. — Труды секции археологии Российской ассоциации научных институтов общественных наук, т. IV, М., 1928, стр. 505—518.

1934

3. Стоянка доисторического человека на торфяном болоте (Из итогов археологической экспедиции Государственного исторического музея.) — «Торфяное дело», М.—Л., 1934, № 6, стр. 32—34.

1938

4. Погребения на стоянке Кубенино. — Труды Государственного исторического музея, VIII, М., 1938, стр. 73—91.

1939

5. Неолитическая стоянка Веретье. — В «Хрестоматии по истории Карелии с древнейших времен до конца XVII в.». Петрозаводск, 1939, стр. 12—18.

1940

6. Стоянка Кубенино (Из материалов Каргопольской экспедиции Московского государственного исторического музея 1928—1931 гг.). — «Советская археология», V, 1940, стр. 31—63.

1941

7. Валуйский район. — Сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.». М.—Л., 1941, стр. 161—164.
8. Костяные и деревянные изделия стоянки Веретье. — Материалы и исследования по археологии СССР, № 2, 1941, стр. 212—235.
9. О добывании камня и о древнейших каменоломных орудиях на севере Восточной Европы. (По материалам Государственного исторического музея.) — Материалы и исследования по археологии СССР, № 2, 1941, стр. 182—192. (В соавторстве с Л. Ельницким.)
10. Раскопки на реке Осколе. — Труды Государственного исторического

¹ Составил А. А. Формозов.

музея, XII, М., 1941, стр. 71—84.

11. Река Вычегда. — Сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.». М.—Л., 1941, стр. 14—17.
12. Стоянка Веретье. — (Отчет Северной экспедиции Государственного исторического музея о раскопках 1929—1934 гг. торфяника в бассейне оз. Лача.) — Труды Государственного исторического музея, XII, М., 1941, стр. 21—70.

1945

13. Беломорская культура. — Рефераты научно-исследовательских работ Отделения истории и философии Академии наук СССР за 1944 г. М.—Л., 1945, стр. 31.
14. К вопросу о хронологии северного неолита Европейской части СССР. — Рефераты научно-исследовательских работ Отделения истории и философии Академии наук СССР за 1944 г. М.—Л., 1945, стр. 30—31.

1946

15. Палеолит и неолит СССР. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 2.) Рецензия. — Вестник древней истории. М., 1946, № 3, стр. 94—98.

1947

16. Галичская экспедиция. — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР, XXI, М.—Л., 1947, стр. 58, 59.
17. Древние поселения в Веретье. — Археологический сборник Научно-исследовательского института культуры Карело-Финской ССР. Петрозаводск, 1947, стр. 115—135.
18. Карты археологических культур Европейской части СССР. — Большая советская энциклопедия (первое издание), том — СССР. М., 1947. (Совместно с А. Я. Брюсовым, О. А. Граковой, Е. И. Крупновым и А. П. Смирновым.)
19. К вопросу о хронологии северного неолита. — Рефераты научно-исследовательских работ Отделения истории и философии Академии наук СССР за 1945 г. М.—Л., 1947, стр. 55, 56.
20. Неолитические культуры севера Европейской части СССР. — «Советская археология», IX, 1947, стр. 29—45.
21. Новые памятники в районе галичской культуры (Раскопки Галичской экспедиции 1945 г.) — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР, XVII, М.—Л., 1947, стр. 63—69.
22. О датировках неолита по данным естественных дисциплин. — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР, XVI, М.—Л., 1947, стр. 7—14.
23. Основы хронологии северного неолита Европейской части СССР. — Рефераты научно-исследовательских работ Отделения истории и философии Академии наук СССР за 1945 г. М.—Л., 1947, стр. 56, 57.
24. Стоянка на озере Лача у устья реки Кинемы. — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР, XIV, М.—Л., 1947, стр. 14—21.

25. Культурные связи Севера Восточной Европы во II тысячелетии до н. э. — «Советская этнография», № 4, М., 1948, стр. 23—35.
26. Результаты Галичской экспедиции 1946 года. — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР, XX, М. — Л., 1948, стр. 58—66.

27. М. В. Воеводский (1903—1948). — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР, XXV, М.—Л., 1949, стр. 103—105.
28. Итоги Галичской экспедиции. — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР, XXVI, М.—Л., 1949, стр. 34—39.
29. К методике определения каменных орудий. — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР, XXV, М. — Л., 1949, стр. 14—21.
30. О терминах «неолит», «бронза», «культура». — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР, XXIX, М. — Л., 1949, стр. 33—47.

31. Балахнинская стоянка. — Большая советская энциклопедия, т. IV, 1950, стр. 118.
32. Белевская культура. — Большая советская энциклопедия, т. IV, 1950, стр. 416.
33. Беломорская культура. — Большая советская энциклопедия, т. IV, 1950, стр. 459, 460.
34. Бердыжская стоянка. — Большая советская энциклопедия, т. IV, 1950, стр. 624.
35. Бологовская стоянка. — Большая советская энциклопедия, т. V, 1950, стр. 480.
36. Борковская стоянка. — Большая советская энциклопедия, т. V, 1950, стр. 581.
37. Борщевое. — Большая советская энциклопедия, т. V, 1950, стр. 607.

38. Брюсов Александр Яковлевич. — Большая советская энциклопедия, т. VI, 1951, стр. 191.
39. Буреть. — Большая советская энциклопедия, т. VI, 1951, стр. 310.
40. Веретье. — Большая советская энциклопедия, т. VII, 1951, стр. 490.
41. Волосовская культура. — Большая советская энциклопедия, т. IX, 1951, стр. 33.
42. Волосовская стоянка. — Большая советская энциклопедия, т. IX, 1951, стр. 33, 34.
43. Редакция и предисловие к сборнику «Поселения эпохи неолита и раннего металла на Севере Европейской части СССР». (Материалы и исследования по археологии СССР, № 20, М.—Л., 1951).

44. Галичский клад. — Большая советская энциклопедия, т. X, 1952, стр. 138.
45. Грязное озеро. — Большая советская энциклопедия, т. XIII, 1952, стр. 155.

46. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. Монография в серии «Материалы и исследования по археологии СССР», № 29, М.—Л., 1952, стр. 1—280.
47. Древнейшая история Европейской части СССР. — Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1952, стр. 1—28.

1953

48. Каменный век. — Большая советская энциклопедия, т. XIX, 1953, стр. 511—519 (совместно с П. И. Борисковским, А. П. Окладниковым и А. А. Формозовым).
49. Каргопольская культура. — Большая советская энциклопедия, т. XX, 1953, стр. 159.
50. Кремневые орудия. — Большая советская энциклопедия, т. XXIII, 1953, стр. 324.
51. Кубенино. — Большая советская энциклопедия, т. XXIII, 1953, стр. 591.
52. Культура археологическая. — Большая советская энциклопедия, т. XXIV, 1953, стр. 31, 32.
53. Рецензия на книгу А. Я. Брюсова «Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху» (М., 1952). — Вестник древней истории, М., 1953, № 2, стр. 102—106.

1954

54. Льяловская стоянка. — Большая советская энциклопедия, т. XXV, 1954, стр. 523.
  55. Неолит. — Большая советская энциклопедия, т. XXIX, 1954, стр. 428.
  56. Нуклеус. — Большая советская энциклопедия, т. XXX, 1954, стр. 211
  57. Сейминская культура. — Большая советская энциклопедия (в печати).
-

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН — Известия Академии наук СССР
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
КИЧП — Комиссия по изучению четвертичного периода
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры Академии наук СССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ТАКЭ — Термезская археологическая комплексная экспедиция
ТАЭ — Таджикская археологическая экспедиция
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
-

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>С. С. Сорокин.</i> О датировке и толковании Кенкольского могильника	3
<i>Б. А. Латынин.</i> Вопросы истории ирригации древней Ферганы	15
<i>М. П. Грязнов.</i> К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири	27

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>С. С. Черников.</i> О работах Восточно-Казахстанской экспедиции	43
<i>В. М. Массон.</i> Поселения поздней бронзы и раннего железа в дельте Мургаба	61
<i>Б. А. Литвинский.</i> Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе (в Ворухе)	68
<i>Е. Е. Кузьмина и С. Б. Певзнер.</i> Оборонительные сооружения городища Кей-Кобад шах	77
<i>Г. В. Юсупов.</i> Археологические разведки в Башкирии	85
<i>М. Н. Комарова.</i> Неолит верхнего Приобья	93
<i>Г. А. Чернов.</i> Новые археологические находки в Печорском бассейне	104
<i>А. Н. Липский.</i> Археологические раскопки в Хакассии	116

III. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

<i>В. П. Шилов.</i> К изучению палеолита Нижнего Подонья	130
<i>О. В. Милорадович.</i> Новые археологические находки в Грозненской области	132
<i>Н. М. Егоров.</i> Могильник у реки Эшкакон	135
<i>А. Е. Алихова.</i> Абашевские курганы близ села Земского Рязанской области	141

IV. МЕТОДИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Н. Н. Семенович.</i> Реставрация и экспозиция большого войлочного ковра из Пазырыка	144
<i>А. И. Августиник.</i> К вопросу о методике исследования древней керамики	149

V. ХРОНИКА

Памяти Марии Евгеньевны Фосс	157
Список печатных работ М. Е. Фосс	158
Список сокращений	162

Краткие сообщения ИИМК, в. 64.

*

*Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии наук СССР*

*

*Редактор издательства М. Г. Воробьева
Технический редактор А. А. Киселева
Корректор А. Г. Короткова*

*

*РИСО АН СССР № 122—83В. Сдано в набор
5/1 1956 г. Подп. в печать 16/IV 1956 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₁₆. Печ. л. 10¹/₄ +
+ 1 вкл. = 13,8. Уч.-изд. л. 14,2 + 0,1 вкл.
(14,3). Тираж 1500. Т-02378. Изд. № 1382.*

Тип. зак. № 504.

Цена 8 р. 55 к.

---

*Издательство Академии наук СССР.
Москва, Б-64, Подсосеянский пер., д. 21.*

---

*1-я типография Издательства АН СССР.
Ленинград, В. О., 9-я линия, д. 12.*

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
21	21 сн.	мог	могло
66	9 сн.	Атека	Атрека
71	5 сн.	Afgnanistan	Afganistan
80	9—8 сн.	отмечен 32 знак	отмечено 32 знака